

**РОССИЙСКИЙ
ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**
НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Том 2 № 4
2022

**Russian Journal
of Deviant Behavior**
Scientific and Theoretical Issues
Vol. 2 № 4
2022

Российский девиантологический журнал

Научно-теоретический журнал

Том 2 № 4 2022

«Российский девиантологический журнал» – периодическое сетевое международное рецензируемое научное издание в области междисциплинарных исследований по девиантологии (девиантному поведению). Дисциплинарное поле журнала – психология, педагогика, право (криминология, уголовное право, уголовно-исполнительное право), медицина, социология.

В «Российском девиантологическом журнале» публикуются результаты оригинальных фундаментальных и прикладных научных исследований по вопросам девиантного поведения.

Цели журнала:

- способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными специалистами в области девиантологии;
- знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области девиантологии, разрабатываемыми как в России, так и за рубежом, и их практическим применением;
- публиковать результаты оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных проблем девиантологии междисциплинарного характера, касающихся психологии, педагогики, права, социологии, медицины;
- поддержка молодого поколения ученых.

Журнал принимает к опубликованию материалы по следующим научным специальностям:

- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования
- 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика.
- 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред
- 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология
- 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Язык и география журнала. Основным языком журнала является русский. Метаданные статьи публикуются на русском и английском языках. Редакция журнала ориентируется на географическое разнообразие авторского состава журнала и приглашает к опубликованию новых оригинальных исследований в области девиантологии как российских, так и иностранных авторов. Статьи зарубежных авторов издаются на английском языке, что позволяет расширить читательскую аудиторию и усилить влияние исследований в мировом научном сообществе.

Журнал находится в открытом доступе и индексируется в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), включен в базу данных Ulrich's Periodicals Directory.

Требования к статьям. Критериями отбора статей являются соответствие профилю журнала, новизна, актуальность и обоснованность результатов. Присланные рукописи обратно не возвращаются. Не допускается направление в редакцию работ, которые опубликованы и/или приняты к печати в других изданиях. Направляя статью в редакцию, автор соглашается на редакторскую правку материала. Все поступающие в редакцию материалы проверяются на наличие заимствований из открытых источников, проверка выполняется с помощью системы «Антиплагиат». Плата за публикацию статей отсутствует. Поступившие в редакцию статьи регистрируются. Датой регистрации считается день предоставления полного комплекта материалов. Если статья возвращается автору на доработку, то датой ее регистрации считается день получения окончательного текста. Поступившие в редакцию статьи рецензируются. Редакция оставляет за собой право на литературное редактирование статьи.

При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью либо частично материалов «Российского девиантологического журнала» ссылка на журнал обязательна.

Редакторы – Г. Н. Голядкин, Л. М. Букина, Г. В. Лукьянова, А. Н. Великих.

Дизайн и верстка – С. Н. Горбунова.

ISSN 2713-0622 (online)

Учредитель и издатель – Санкт-Петербургский университет МВД России.

Журнал издается с января 2021 года.

Финансирование издания журнала осуществляется за счет средств учредителя журнала – Санкт-Петербургского университета МВД России.

Периодичность – 4 номера в год.

Сайт: <https://russianjournaldeviantbehavior.ru>

E-mail: rusjdb@list.ru

Адрес учредителя и издателя: 198206, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилутова, д. 1

Тел. +7 (812) 730-26-96

Russian Journal of Deviant Behavior

Scientific and Theoretical Issues

Vol. 2 N° 4 2022

“Russian Journal of Deviant Behavior” is an international online peer-reviewed publication in the field of interdisciplinary research in deviancy. The journal publications combine the insights of psychology, pedagogy, law (criminology, criminal law, penal law), medicine and sociology.

The journal “Russian Journal of Deviant Behavior” publishes the results of original basic and applied researches in the field of deviancy.

The journal aims:

- to bring together scientists and practitioners researching into relevant issues of deviant behavior;
- the journal makes every effort to disseminate research findings as well as to integrate scientific research in the field of deviant behavior
- the journal's priority is to support young scholars.

The journal accepts materials for publication in the following scientific specialties:

- 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education
- 5.8.7. Methodology and technology of vocational education
- 5.3.3. Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics.
- 5.3.4. Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments
- 5.3.5. Social psychology, political and economic psychology
- 5.3.9. Legal Psychology and Security Psychology
- 5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Language and geography of the journal. The main language of the journal is Russian. Metadata articles are published both in Russian and English. The editorial board of the journal focuses on the geographical diversity of the authors and invites both Russian and foreign authors to publish new original research in the field of deviancy. Articles of foreign authors are published in English, which makes it possible to expand the readership and strengthen the influence of research in the world scientific community.

The journal is open access. All articles are freely available to readers immediately after publication. Journal is included in the system of the Russian Scientific Citation Index (RSCI) and in Ulrich's Periodicals Directory.

Editorial and publishing policies. The main criteria for the manuscript selection is compliance with the profile of the journal, relevance and validity of the results. Submission of a manuscript implies that the work described has not been published before; that it is not under consideration for publication anywhere else. The journal does not tolerate plagiarism in any form to prevent publication malpractice. There are no fees payable to submit or publish in this journal. If you have been invited to revise and resubmit your paper, you should follow instructions provided by the editor in their decision email. All manuscripts undergo review. The editors reserve the right to stylistic editing. Manuscripts not accepted for the publication will not be returned.

Reference to the scientific-theoretical journal “Russian Journal of Deviant Behavior” is obligatory when reprinting or reproducing in whole or in part its materials.

Editors – G. N. Golyadkin, L. M. Bukina, G. V. Lukyanova, A. N. Velikh.
Design and layout – S. N. Gorbunova

ISSN 2713-0622 (online)

Founder and publisher – Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
The journal has been published since January, 2021.

The publication of the journal is financed at the expense of the founder of the journal - Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Frequency - 4 issues per year.

Website: <https://russianjournaldeviantbehavior.ru>

E-mail: rusjdb@list.ru

Postal address: 1 Letchika Pilyutova Street, St.Petersburg, Russian Federation, 198206

Phone +7 (812) 730-26-96

Главный редактор

Реан А. А., доктор педагогических наук, профессор, Академик РАО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Председатель научно-координационного совета РАО по вопросам семьи и детства, Директор Центра социализации, семьи и профилактики асоциального поведения Московского педагогического государственного университета, заведующий кафедрой психологии воспитания и профилактики девиантного поведения МПГУ (Россия, Москва)

Редакционная коллегия

Бавсун М. В. – председатель редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе (Россия, Санкт-Петербург)

Каверина Л. В. – ответственный секретарь редакционной коллегии, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Базаров Т. Ю. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Россия, Москва)

Баранов А. А. – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии развития и дифференциальной психологии Удмуртского государственного университета (Россия, Ижевск)

Гайдамашко И. В. – доктор психологических наук, доцент, Российская академия образования (РАО) (Россия, Москва)

Гаррисон Е. – доктор, профессор (США, Вашингтон)

Гейжан Н. Ф. – доктор педагогических наук, профессор, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Гилинский Я. И. – доктор юридических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург)

Гогиберидзе Г. М. – доктор педагогических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет (Россия, Москва)

Горелов А. А. – доктор педагогических наук, профессор, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Гундур Р. – доктор криминологии, Университет Флиндерс (Центр политики и исследований в области преступности) (Австралия, Аделаида)

Дозорцева Е. Г. – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой юридической психологии и права факультета юридической психологии МГППУ, руководитель лаборатории психологии детского и подросткового возраста ГНЦССП имени В. П. Сербского (Россия, Москва)

Злоказов К. В. – кандидат психологических наук, доцент, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Змановская Е. В. – доктор психологических наук, профессор, Всероссийский центр экстренной и радиационной медицины им. А. М. Никифорова МЧС России (Россия, Санкт-Петербург)

Илакавичус М. Р. – доктор педагогических наук, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Караяни А. Г. – доктор психологических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Кириллова Т. В. – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник НИИ ФСИН России (Россия, Москва)

Клейменов М. П. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского (Россия, Омск)

Лясковска К. – доктор юридических наук, профессор, Белостокский университет (Польша, Белосток)

Костромина С. Н. – доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)

Пудовочкин Ю. Е. – доктор юридических наук, профессор, Российский государственный университет правосудия (Россия, Москва)

Рыбников В. Ю. – доктор медицинских наук, доктор психологических наук, Заслуженный деятель науки РФ, заместитель директора Всероссийского центра экстренной и радиационной медицины имени А. М. Никифорова МЧС России (Россия, Санкт-Петербург)

Ситников В. Л. – доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Стрельникова Ю. Ю. – доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Тесленко А. Н. – доктор педагогических наук, доктор социологических наук, профессор, директор Кокшетауского университета имени Абая Мырзахметова (Центр ювенологических исследований) (Казахстан, Кокшетау)

Федотов С. Н. – доктор психологических наук, профессор, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя (Россия, Москва)

Хусаинова С. В. – доктор психологических наук, Институт педагогики, психологии и социальных проблем (заместитель директора по науке, ведущий научный сотрудник) (Россия, Казань)

Шестаков Д. А. – доктор юридических наук, Заслуженный деятель науки РФ, профессор, председатель Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Россия, Санкт-Петербург)

Яворчикова Я. – PhD, университет Матвея Бела (Словакия, Банска-Бистрица)

Editor-in-chief

A. A. Rean, Doctor of Pedagogy, Professor, Chairman of the Scientific Coordination Council of the Russian Academy of Education (RAO) on Family and Childhood Issues, Dr.Sci. (Pedagogy), Member of Russian Academy of Education, Head of Center for Socialization, Family and Prevention of Antisocial Behavior Research Moscow Pedagogical State University. Head of the Department of Psychology of Education and Prevention of Deviant Behavior of MPGU, (Russia, Moscow)

Editorial Board

Bavsun M. V. – Chairman of the Editorial Board, Doctor of Law, Professor, Deputy Head for Science and Research of Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Kaverina L. V. – Executive Secretary of the Editorial Board, PhD in Philology, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Bazarov T. Yu. – Doctor of Psychology, Professor, Lomonosov Moscow State University (Department of Social Psychology, professor) (Russia, Moscow)

Baranov A. A. – Doctor of Psychology, Professor, Udmurt State University (director Department of Developmental Psychology and Differential Psychology,) (Russia, Izhevsk)

Gaidamashko I. V. – Doctor of Psychology, Associate Professor, Russian Academy of Education (RAO) (Russia, Moscow)

Garrison E. – Doctor of Education, Professor, (USA, Washington)

Geyzhan N. F. – Doctor of Pedagogy, Professor, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Gilinskiy Ya. I. – Doctor of Law, Professor, Herzen University (Russia, St. Petersburg)

Gogiberidze G. M. – Doctor of Pedagogy, Professor, Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow)

Gorelov A. A. – Doctor of Pedagogy, Professor, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Gundur R. – Doctor of Criminology, Flinders University (the Center for Crime Policy and Research) (Australia, Adelaide)

Dozortseva E. G. – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Head of the Laboratory of Child and Adolescent Psychology of the Serbsky State Scientific Center for Social and Forensic Psychiatry (Russia, Moscow)

Zlokazov K. V. – PhD in Psychology, Associate Professor, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Zmanovskaya E. V. – Doctor of Psychology, Professor, Nikiforov's All-Russian Center for Emergency and Radiation Medicine of the Emergencies Ministry of Russia (Russia, St. Petersburg)

Illakavichus M. R. – Doctor of Pedagogy, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Karayani A. G. – Doctor of Psychology, Professor, (Russia, St. Petersburg)

Kirillova T. V. – Doctor of Pedagogy, Professor, Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Russia, Moscow)

Kleimenov M. P. – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Dostoevsky Omsk State University (Russia, Omsk)

Kostromina S. N. – Doctor of Psychology, Professor, St. Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)

Lyaskovska K. – Doctor of Law, Professor, University of Bialystok (Poland, Bialystok)

Pudovochkin Yu. E. – Doctor of Law, Professor, the Russian State University of Justice (Russia, Moscow)

Rybnikov V. Yu. – Doctor of Medical Sciences, Doctor of Psychology, Honored Scientist of the Russian Federation, Deputy Head of Nikiforov's All-Russian Center for Emergency and Radiation Medicine of the Emergencies Ministry of Russia (Russia, St. Petersburg)

Sitnikov V. L. – Doctor of Psychology, Professor, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Strelnikova Yu. Yu. – Doctor of Psychology, Professor, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Fedotov S. N. – Doctor of Psychology, Professor, Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikotya (Moscow, Russia)

Teslenko A. N. – Doctor of Pedagogy, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Center for Juvenile Research) (Kazakhstan, Kokshetau)

Khusainova S. V. – Doctor of Psychology, Institute of Pedagogy, Psychology and Social Problems (Deputy Director for Science, Leading Researcher) (Russia, Kazan)

Shestakov D. A. – Doctor of Law, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor, Chairman of St. Petersburg International Criminological Club (Russia, St. Petersburg)

Javorchikova J. – PhD, Matej Bel University (Slovakia, Banska Bystrica)

Содержание

Слово главного редактора

Реан А. А.	372
-------------------------	-----

Современная девиантология: теории и концепции

Лапшин В. Ф. Технология искусственного интеллекта как потенциальная угроза для охраняемой уголовным законом общественной безопасности.....	374
---	-----

Тесленко А. Н. Социальное сиротство: девиантологический анализ личностных мотивов отказа от ребенка.....	386
---	-----

Методология изучения девиантного поведения

Воробьева И. В., Кружкова О. В., Матвеева А. И., Робин С. Д. Возможные маркеры аддиктивного поведения при окулографическом исследовании.....	397
---	-----

Антропология девиантного поведения

Чернышева Е. В. Семиотика молодежных татуировок.....	408
---	-----

Психологические исследования девиантного поведения

Дзьоник Д. В. Влияние психологического благополучия трудовых мигрантов на их социально-психологическую адаптацию.....	418
--	-----

Стрельникова Ю. Ю. Гендерный аспект психологических факторов риска суицидального поведения.....	428
--	-----

Баяндорж Ц. Практика использования полиграфа в Монголии: проблемные аспекты и пути их решения.....	438
---	-----

Психологическая коррекция девиантного поведения

Рябков А. М. Коррекция криминальной зараженности подростков с делинквентным поведением.....	443
--	-----

Педагогические исследования и профилактика девиантного поведения

Миронкина О. Н. Профилактика девиаций в области антикоррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.....	454
--	-----

Правовое противодействие девиантному поведению

Морозов А. А., Ухов В. Ю. Административно-правовое противодействие коррупции как форме девиантного поведения.....	479
--	-----

Сообщения о научных событиях

Душкин А. С., Юренкова В. А. «Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики» (Обзор международной научно-практической конференции).....	491
--	-----

Contents

Editor-in-Chief's word

Rean A. A. 372

Psychological research of deviant behavior

Lapshin V. F. Artificial intelligence technology as a potential threat to public security protected by criminal law..... 374

Teslenko A. N. Social orphanhood: a deviantological analysis of personal motives for abandoning a child..... 386

Methods of study of deviant behavior

Vorobyova I. V., Kruzhkova O. V., Matveeva A. I., Robin, S. D. Possible markers of addictive behavior in oculographic examination..... 397

Anthropology of deviant behavior

Chernysheva E. V. Semiotics of youth tattoos..... 408

Psychological research of deviant behavior

Dz'onik D. V. The impact of the psychological well-being of migrant workers on their socio-psychological adaptation..... 418

Strelnikova Yu. Yu. The gender aspect of psychological risk factors for suicidal behavior..... 428

Bayandorj Ts. The practice of using the polygraph in Mongolia: problem aspects and their solutions..... 438

Psychological correction of deviant behavior

Ryabkov A. M. Correction of criminal infection of adolescents with delinquent behavior..... 443

Psychological and pedagogical research and prevention of deviant behavior

Mironkina O. N. Prevention of deviations in the field of anti-corruption behavior of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation..... 454

Legal counteraction to deviant behavior

Morozov A. A., Ukhov V. Yu. Administrative and legal counteraction to corruption as a form of deviant behavior..... 479

Reports on scientific events

Dushkin A. S., Yurenkova V. A. Pedagogy and psychology in the activities of law enforcement officers: integration of theory and practice. Review of international research and practice conference)..... 491

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-4-372-373

Уважаемые читатели!

Перед вами завершающий номер «Российского девиантологического журнала» 2022-го года. Подводя итоги, отмечу, что в течение года редакционная команда кропотливо работала над формированием академического имиджа издания: расширила состав редакционной коллегии, увеличила количество выпускаемых номеров, освоила новые технологии добавленной реальности. Журнал дважды был представлен на международных форумах в качестве информационной поддержки.

Немного статистики за год: 63 автора опубликовали 48 статей, которые привлекли читателей из 44 стран, качественный отбор статей проводили 96 рецензентов.

Уверен, что и этот номер будет интересен и востребован у широкой научной аудитории.

Раздел «Современная девиантология: теории и концепции» открывается публикацией, которая, однозначно, не останется незамеченной – «Технология искусственного интеллекта как потенциальная угроза для охраняемой уголовным законом общественной безопасности». Государства на современном этапе анонсируют необходимость активного развития научных исследований в области искусственного интеллекта, создания соответствующих технологий с последующим повсеместным внедрением во все сферы деятельности человека. Но какие глобальные риски несет в себе искусственный интеллект, имеющий возможность принимать и претворять в жизнь решения, не подконтрольные человеку? Существуют ли правовые механизмы нивелирования угроз, которые порождаются деятельностью по созданию полностью автономного искусственного интеллекта? На эти вопросы попытался ответить автор публикации.

В статье «Социальное сиротство: девиантологический анализ личностных мотивов отказа от ребенка» исследователь из Казахстана поднимает острую социальную проблему и рассматривает причины социального сиротства и увеличения числа брошенных детей. Автор акцентирует внимание на влиянии личностных факторов на проблему отказа матери от ребенка.

Раздел «Методология изучения девиантного поведения» представлен публикацией «Возможные маркеры аддиктивного поведения при окулографическом исследовании», в которой исследовательская группа приняла попытку определения диагностических возможностей метода айтрекинга в выявлении склонности к аддиктивному поведению.

Семиотике молодежных татуировок в **разделе «Антропология девиантного поведения»** посвящен материал, в котором автором исследуются особенности татуировок современной молодежи, сравнивается молодежная татуировка с криминальной, делается акцент на ведущей мотивации татуировки – необходимости самовыражения. Кроме того, исследователь устанавливает закономерность использования слов и словосочетаний для выражения отношения к действительности и к себе.

Раздел «Психологические исследования девиантного поведения» продолжает актуальная тема, посвященная мигрантам – «Влияние психологического благополучия трудовых мигрантов на их социально-психологическую адаптацию». Автор утверждает, что психологический потенциал исследований влияния психологического благополучия трудовых мигрантов на их социально-психологическую адаптацию не используется в полной мере, и приходит к выводу, что психологическое благополучие трудовых мигрантов оказывает влияние на показатели их социально-психологической адаптации. Чем хуже отношения у мигрантов с окружающим миром и меньше степень психологического благополучия, тем сильнее у них чувство эмоционального дискомфорта.

Автор следующей статьи «Гендерный аспект психологических факторов риска суицидального поведения» рассматривает личностные факторы риска и внутренние протективные (защитные) факторы суицидального поведения на примере психологических особенностей женщин, совершивших попытку самоубийства. Актуальность такого исследования обусловлена необходимостью прогнозирования совершения повторных суицидальных попыток, а также безотлагательностью оказания психокоррекционной и психотерапевтической помощи.

Монгольский исследователь представил статью «Практика использования полиграфа в Монголии: проблемные аспекты и пути их решения», в которой утверждает, что одним из приоритетных направлений в вопросе

противодействия преступности на современном этапе видится комплексное использование достижений прикладной психологии в сочетании с техническими устройствами. В частности, речь идет о внедрении в практику работы правоохранительных органов методов проведения опроса с применением полиграфа. Автором исследования обращается внимание на проблемы организационного, правового и методического характера, возникающие при использовании полиграфа в деятельности правоохранительных органов.

В разделе **«Психологическая коррекция девиантного поведения»** представлено исследование «Коррекция криминальной зараженности подростков с делинквентным поведением», в котором рассматриваются отечественные и зарубежные подходы к объяснению криминальной зараженности, дается характеристика ее признаков и определяется взаимосвязь с криминальной субкультурой. Обосновываются принципы противодействия ее распространению среди несовершеннолетних, отбывающих наказание в исправительных учреждениях системы ФСИН России. Предполагается, что коррекция криминальной зараженности может быть осуществлена методом психологического тренинга посредством формирования у подростков общечеловеческих ценностей, повышения осмысленности жизни и развития критического отношения к криминальной субкультуре. Результаты свидетельствуют о возможности влияния на уровень криминальной зараженности несовершеннолетних методом психологического тренинга, развивающего смысложизненные ориентации, временную перспективу и обесценивающего привлекательные стороны криминальной субкультуры.

В раздел **«Педагогические исследования и профилактика девиантного поведения»** вошла статья «Профилактика девиаций в области антикоррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации», в которой представлена авторская комплексная технология по профилактике деструктивных отклонений поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в антикоррупционной сфере, приводящих к юридически значимым негативным последствиям. Формирование антикоррупционной устойчивости служебных коллективов особенно актуально в настоящее время, в период проведения специальной военной операции. Результаты работы и их новизна определяются тем, что автором на основе комплексного подхода к формированию антикоррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел разработаны технология и вспомогательные методические материалы, позволяющие охватывать все этапы службы в ОВД, период прохождения испытания стажёром по должности сотрудника ОВД, период оформления гражданина на службу в ОВД и период в течение двух лет после увольнения из ОВД. Значимость работы состоит в том, что разработанная технология, комплексный подход и методические материалы структурируют деятельность по антикоррупционному просвещению в органах внутренних дел.

Статья «Административно-правовое противодействие коррупции как форме девиантного поведения», представленная авторским коллективом в разделе **«Правовое противодействие девиантному поведению»**, посвящена изучению вопросов правового воздействия на коррупционные проявления как одной из форм девиантного поведения через систему административно-правовых норм. Научная новизна исследования характеризуется тем, что вопросы соотношения административно-правового воздействия на коррупцию ранее не рассматривались с точки зрения девиантного характера действий физических лиц, независимо от того, находятся они на государственной (муниципальной) службе или нет.

С целью привлечь внимание научной общественности к проблемам девиантного поведения в правоохранительных органах в разделе **«Сообщения о научных событиях»** знакомим читателей с обзором международной научно-практической конференции «Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики», которая состоялась в Санкт-Петербургском университете МВД России.

Дорогие читатели, авторы, рецензенты! Благодарю каждого из вас за то, что этот год вы были с «Российским девиантологическим журналом», участвовали в его подготовке и продвижении. Поздравляю с наступающим Новым годом, желаю неустанного творческого поиска и удивительных научных открытий, будьте счастливы и здоровы.

Главный редактор – доктор педагогических наук, профессор,
Академик РАО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
Председатель научно-координационного совета РАО по вопросам семьи
и детства, Директор Центра социализации, семьи и профилактики
асоциального поведения Московского педагогического государственного
университета, заведующий кафедрой психологии воспитания
и профилактики девиантного поведения МПГУ
А. А. Реан

УДК 343.34

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-4-374-385

Технология искусственного интеллекта как потенциальная угроза для охраняемой уголовным законом общественной безопасности

Валерий Федорович ЛапшинЮгорский государственный университет
(Ханты-Мансийск, Россия)
v_lapshin@ugrasu.ru**ORCID:** 0000-0001-8549-6305

Аннотация

Введение. Государства на современном этапе анонсируют необходимость активного развития научных исследований в области искусственного интеллекта, создания соответствующих технологий с последующим повсеместным внедрением во все сферы деятельности человека. Некоторыми первыми лицами ведущих стран объявлена прямая зависимость качества обеспечения национальной безопасности от уровня развития и использования технологий искусственного интеллекта. В то же время официально никто не обозначает те глобальные риски, которые несет в себе искусственный интеллект, имеющий возможность принимать и претворять в жизнь решения, не подконтрольные человеку. По этой причине до настоящего времени не сформированы правовые механизмы нивелирования угроз, которые порождаются деятельностью по созданию полностью автономного искусственного интеллекта.

Цель. Настоящее исследование проведено для обозначения глобальных рисков, основу которых формирует неконтролируемое развитие и распространение технологии искусственного интеллекта, а также обоснования необходимости установить уголовную ответственность за отдельные действия в области разработки технологий искусственного интеллекта.

Методология, методы и методики исследования. В процессе исследования применялись различные общенаучные и частнонаучные методы, которые традиционно используются в гуманитарных науках. Так, диалектический и формально-логический методы обеспечили всесторонность изучения искусственного интеллекта, позволившую установить не только положительные результаты его внедрения, но и значительные риски для общества, которые видятся в неконтролируемом распространении искусственного разума. В числе частнонаучных методов настоящего исследования значатся системно-структурный, сравнительно-правовой методы, опрос, метод экспертных оценок и др.

Результаты. Исследованием определено, что в среднесрочной перспективе будет создан полноценный аналог естественного интеллекта, имеющий возможности самостоятельного аналитического мышления и обучения. В складывающихся условиях это не исключает полного или частичного уничтожения населения планеты. Введение реальной юридической ответственности, прежде всего уголовной, за создание «автономного разума» не планируется ни в международном, ни в национальном праве, что порождает незащищенность отношений в сфере общественной безопасности.

Научная новизна. По итогам исследования обоснована общественная опасность неконтролируемого распространения в мире технологий искусственного интеллекта и предложено установление уголовной ответственности за совершение соответствующих деяний по аналогии с запретом на создание и распространение оружия массового поражения.

Практическая значимость. Сформулированные предложения могут быть учтены при подготовке законопроектов о внесении изменений и дополнений в действующий уголовный закон о преступлениях против общественной безопасности, а также против мира и безопасности человечества.

Ключевые слова

искусственный интеллект, естественный интеллект, человеческий интеллект, угроза общественной безопасности, правовое регулирование

Для цитирования: Лапшин, В. Ф. (2022). Технология искусственного интеллекта как потенциальная угроза для охраняемой уголовным законом общественной безопасности. *Российский девиантологический журнал*, 2(4), 374–385. doi: 10.35750/2713-0622-2022-4-374-385.

Original paper

Artificial intelligence technology as a potential threat to public security protected by criminal law

Valeriy F. Lapshin

Yugra State University (Khanty-Mansiysk, Russia)

v_lapshin@ugrasu.ru

ORCID: 0000-0001-8549-6305**Abstract**

Introduction. States at the present stage announce the need for active development of scientific research in the field of artificial intelligence, the creation of appropriate technologies with subsequent widespread introduction in all areas of human activity. Some first persons of leading countries declare a direct dependence of the quality of ensuring national security on the level of development and use of artificial intelligence technologies. At the same time, no one officially indicates the global risks of artificial intelligence, which has the ability to make and implement decisions beyond human control. For this reason, so far no legal mechanisms have been formed to level the threats posed by the activities to create a fully autonomous artificial intelligence.

Objective. The present study was conducted to outline the global risks, the basis of which is formed by the uncontrolled development and spread of artificial intelligence technology, as well as the rationale for the need to criminalize certain actions in the development of artificial intelligence technologies.

Research methodology, methods and techniques. In the process of research a variety of general scientific and private scientific methods were used, which are traditionally used in the humanities. Thus, dialectical and formal-logical methods provided a comprehensive study of artificial intelligence, which allowed to establish not only the positive results of its implementation, but also significant risks for society, which are seen in the uncontrolled spread of artificial intelligence. Among the private scientific methods of this study are system-structural, comparative-legal methods, survey, method of expert evaluations and others.

Results. The study determined that in the medium term there will be created a full-fledged analogue of natural intelligence, with the capabilities of independent analytical thinking and learning. In a changing environment this does not exclude complete or partial destruction of the population of the planet. The introduction of real legal responsibility, primarily criminal, for the creation of «autonomous intelligence» is not planned either in international or in national law, which generates insecurity of relations in the field of public safety.

Scientific novelty. The study substantiates the social danger of uncontrolled spread of artificial intelligence technologies in the world and proposes the establishment of criminal responsibility for the commission of these acts by analogy with the prohibition on the creation and proliferation of weapons of mass destruction.

Practical significance. The formulated proposals may be taken into account in the preparation of bills on amendments and additions to the existing criminal law on crimes against public safety, as well as against the peace and security of mankind.

Keywords

artificial intelligence, natural intelligence, human intelligence, threat to public safety, legal regulation

For citation: Lapshin, V. F. (2022). Artificial intelligence technology as a potential threat to public security protected by criminal law. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(4), 374–385. doi: 10.35750/2713-0622-2022-4-374-385.

Введение

В настоящее время искусственный интеллект и нейросети воспринимаются во всем мире как масштабное технологическое явление. Каждое государство признает необходимость самого широкого внедрения указанных технологий во все сферы экономики и управления. Передовые державы мира указывают на лидерство в области создания и применения искусственного интеллекта в качестве приоритетного направления не только своих экономических интересов, но и обеспечения национальной безопасности в целом. Это отражено в национальном праве некоторых стран – в нормативных актах стратегического характера. Так, в распоряжении президента США от 11 февраля 2019 г. подчеркивается, что искусственный интеллект выступает стимулом для роста американской экономики, укрепляет экономическую и национальную безопасность и улучшает качество жизни населения страны. Исходя из этого, сохранение неизменного лидерства в области искусственного интеллекта является одной из основных задач США (Maintaining American Leadership in Artificial Intelligence, 2019).

Власти Китайской Народной Республики не так категоричны в своих официальных заявлениях относительно искусственного интеллекта. Данная технология рассматривается в КНР как наиболее эффективное средство для захвата новых рынков во всем мире и успешного ведения конкурентной борьбы (Ковачич, 2020).

Президент России в одном из своих выступлений обратил внимание на опасность отставания от иных государств мирового сообщества в применении искусственного интеллекта. Монополия в данной области может обеспечить государству власть над всем миром (Путин: монополист в сфере искусственного интеллекта может стать властелином мира, 2019). Очевидно, по этой причине в России одним из стратегических направлений развития является цифровая трансформация общества, ключевое место в которой занимает изменение системы государственного и муниципального управления¹.

Такие заявления полностью подтверждаются аналитическими данными об инвестициях в деятельность хозяйствующих субъектов, представляющих сектор цифровой экономики. Так, в 2011 г. в мире было заключено 67 сделок, по результатам которых общий объем инвестиций в разработку технологий искусственного интеллекта и нейросетей составил 282 млн долларов США, но уже в 2015 г. количество сделок возросло до 387, а объем инвестиций составил 2 млрд 380 млн долларов США, показав рост более чем на 800 %. За 2020 г. инвестиции в развитие технологий искусственного интеллекта со-

ставили 67,9 млрд долларов США, т. е. около четверти доходной части бюджета России, спланированной на 2021 г. (Объем инвестиций в технологии искусственно-го интеллекта достиг почти \$68 млрд., 2021).

Таким образом, все экономические и политические факторы позволяют утверждать, что искусственный интеллект стал самым популярным явлением, с которым связываются возможности дальнейшего развития общества, если не всего человечества. Полагаю, подобная популярность искусственного интеллекта связана с возможностями многократного увеличения производительности труда и освобождения человека от выполнения не только рутинных однообразных задач, но и от решения сложных вопросов, требующих глубокого анализа и значительных умственных затрат. В то же время возможности искусственного интеллекта в области причинения вреда общественной безопасности как отдельного государства, так и всего человечества также масштабны. Однако это обстоятельство не учитывается официальными представителями стран мирового сообщества, которые находятся в состоянии «гонки на опережение», опасаясь за свои частные интересы в области технологического развития.

Обзор литературы

В объем реферативной базы настоящего исследования включены работы российских и зарубежных авторов относительно потенциальных возможностей развития искусственного интеллекта и перспективных результатов его повсеместного внедрения. В ходе исследования были проанализированы статистические данные об интенсивности научно-практических исследований в области искусственного интеллекта и высоких технологий, а также о динамике объемов инвестирования в эту сферу деятельности. Дополнительно изучалось мнение практиков – представителей высокотехнологических компаний, являющихся резидентами «Сколково».

Методология, методы и материалы исследования

Метод анализа и наблюдения позволил выявить современные тенденции научных исследований и разработок в области искусственного интеллекта и их последующего внедрения в различные отрасли национальных экономик стран международного сообщества, а также в социальную, культурную, правовую и иные сферы жизнедеятельности. Метод прогнозирования на основе исследованных данных о ежегодных объемах инвестиций в мире, которые направляются на развитие исследований в области искусственного интеллек-

¹ Распоряжение Правительства РФ от 22.10.2021 № 2998-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления» (2021). Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.11.2022).

та и внедрение высоких технологий, позволил сделать вывод об увеличении числа практико-ориентированных разработок искусственного интеллекта в целях его совершенствования и создания полноценного аналога естественного интеллекта, которым пока обладает только человек.

Диалектический метод познания обеспечил возможность обоснования не только положительных характеристик высокотехнологичных средств использования, но и серьезных угроз для общества, которые несет повсеместное распространение искусственного интеллекта и его качественное совершенствование. Возможное в перспективе превосходство искусственного интеллекта над человеком может создать условия для возникновения гуманитарной катастрофы.

”

*Передовые державы мира
указывают на лидерство
в области создания
и применения искусственного
интеллекта в качестве
приоритетного направления
не только своих экономических
интересов, но и обеспечения
национальной безопасности
в целом*

“

Метод сравнительного правоведения позволил выявить пробелы в законодательстве многих стран в части регламентации определения искусственного интеллекта, регулирования правил безопасности его внедрения в повседневную жизнь, а также отсутствия перспектив установления уголовной ответственности за вред, который причиняется в результате использования / деятельности высокотехнологичного оборудования, оснащенного искусственным интеллектом.

Методы опроса и экспертных оценок обеспечили подтверждение практикующими специалистами необходимости установления строгих юридических пределов возможного применения искусственного интеллекта, пределов его совершенствования, а также установления круга лиц, которые должны привлекаться в том числе и к уголовной ответственности за

причинение вреда вследствие использования высокотехнологичного автономно функционирующего оборудования.

Результаты исследования

Итоговым результатом исследования является вывод, что искусственный интеллект содержит потенциальную угрозу для всего человечества, для предотвращения которой необходимо установить запрет на его дальнейшие разработки. На уровне и международного, и национального права целесообразно признать технологии искусственного интеллекта, способного функционировать независимо от сознания и воли человека, разновидностью оружия массового уничтожения, установив уголовную ответственность за их разработку и использование. Человек же должен решить для себя крупную этическую проблему – осознать, что стремление к отказу от мыслительной деятельности, принятия решений и возложения на себя ответственности за их реализацию ради комфортной (беззаботной и безответственной) жизни приведет к его гибели.

Обсуждение результатов исследования

Начиная со второй половины XX в., человек сталкивается с проблемой необходимости осмысления большого массива разнородной информации, поступающей из различных источников. Анализ полученной информации предполагает принятие одного из множества альтернативных решений, а также возложение на себя ответственности за правильность принятого решения, высокую ценность (эффективность, значимость и т. п.) полученных от его реализации результатов. Отсюда фактическая невозможность для человека оценить весь объем поступающих ему данных, страх принятия неправильного решения, опасение ответственности за негативные последствия, допущенные вследствие ошибочности выбора, могут рассматриваться в качестве главных причин и мотивов развития технологий искусственного интеллекта.

Феномен искусственного интеллекта заключается еще и в его высочайшей универсальности: наверное, уже нет такой сферы деятельности, в которой не применяется или не может применяться искусственный интеллект. Сюда входит не только сфера производства, оказания услуг и т. п., но и область творческой деятельности человека. К настоящему времени искусственный интеллект может создавать «продукты» живописи, музыки, имеет широкие возможности определения степени формальной оригинальности литературных и иных произведений (рукописей). Наибольшая степень распространения технологий искусственного интеллекта в данный момент наблюдается в сфере банковского обслуживания (кредитование, финансовая безопасность), на транспорте (высокоавтоматизированные транспортные средства, роботомобили), в медицине

(диагностика, прогнозирование развития заболеваний, оперирование) и др.

Распространение искусственного интеллекта уже касается таких сфер умственной деятельности человека, которые, как представляется, исключают любую возможность использования математических алгоритмов не поддающихся рациональной оценке явлений и характеристик. Здесь речь идет о правосудии. Российское законодательство в настоящее время исключает возможность применения «электронного судьи» для принятия решений по рассматриваемым делам, однако в отечественной науке уже высказываются предложения о применении электронных алгоритмов при квалификации преступлений (Яни, 2019), а также по вынесению обвинительных приговоров, по которым вид и размер (срок) наказания устанавливаются искусственным интеллектом (Маклудова, 2019, с. 140).

Подобная практика встречается в ряде зарубежных государств. Так, правосудие в некоторых штатах США осуществляется с использованием специализированных программ, с помощью которых судья определяет уголовное наказание, подлежащее назначению по конкретному делу. Оценка таких решений «электронного судьи» неоднозначна: в практике американского правосудия уже имеются факты обжалования решений по назначению уголовных наказаний, справедливость которых судьи обосновать не могут. Исследователи указывают на значительное количество подобных иррациональных приговоров (Бирюков, 2019, с. 81-82; Роботы в законе. Должен ли искусственный интеллект отвечать за свои проступки, 2018), что, как представляется, будет рассматриваться лишь в качестве необходимости для совершенствования программ электронного правосудия, но не отказа от их применения в настоящем и будущем.

Для того чтобы иметь представление о юридической сущности искусственного интеллекта, равно как и об особенностях установления ответственности за последствия его применения, необходимо обратиться к его определению. Как это ни парадоксально, но в современном мире нет общепризнанного, в том числе нормативно закрепленного определения категории «искусственный интеллект», что не мешает использовать его не только в научной литературе, но и в официальных документах стратегического значения. Преимущественно, под искусственным интеллектом в научной литературе предлагается понимать: а) систему, которая способна имитировать интеллектуальную деятельность человека; б) самостоятельную отрасль кибернетической науки; в) набор математических алгоритмов и метапроцедур.

В законе США об искусственном интеллекте 2017 г. дается следующее определение: искусственный ин-

теллект – это любые искусственные системы, которые выполняют задачи в различных непредсказуемых обстоятельствах, без значительного контроля со стороны людей, или которые могут извлечь уроки из своего опыта и улучшить свою работу (Future of Artificial Intelligence Act of 2017, 2017). В Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 г. последний определяется как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать функции человека, получать результат, сопоставимый с результатами деятельности человека². Исходя из этого, можно заключить, что не существует точного представления об искусственном интеллекте.

”

Уже сегодня созданы прецеденты наделяния робота правосубъектностью, объем которой в сущности сравним с правосубъектностью физического лица

“

В современной научной литературе сформулировано несколько вариантов определения искусственного интеллекта как объекта правового регулирования. Прежде всего, искусственный интеллект предлагается рассматривать как объект авторского права, приравняв его к разновидности программы для ЭВМ. Иные исследователи указывают, что получивший некую автономию и ослабление контроля со стороны человека искусственный интеллект должен рассматриваться в качестве источника повышенной опасности, например по аналогии с животными.

Некоторые исследователи акцентируют внимание не на сущности искусственного интеллекта, а на результатах его деятельности, которые способны повлечь не только положительные, но и отрицательные (вредоносные, общественно опасные) последствия. Вопрос

² Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (2019). Собрание законодательства РФ, № 41, ст. 5700.

об ответственности в таких случаях предлагается рассматривать по правилам ответственности юридических лиц, наделив искусственный интеллект самостоятельной правосубъектностью.

Уже сегодня созданы прецеденты наделения робота правосубъектностью, объем которой в сущности сравним с правосубъектностью физического лица. Так, робот София в 2017 г. признан гражданином Саудовской Аравии, а робот Мирэй получил статус резидента в Японии. Власти Южной Кореи в 2008 г. приняли Закон «О содействии развитию и распространению умных роботов», в соответствии с которым «умный робот» признается субъектом права и участником цифровых правоотношений в обществе. Таким образом, в современном мире предметы неживой природы, снабженные технологиями искусственного интеллекта, постепенно становятся обладателями прав, которые человек должен воспринимать и соблюдать.

Представляется, что в действительности признание правосубъектности любого (даже самого уникального) робота следует рассматривать в качестве одного из видов юридической фикции. В условиях начальной стадии развития цифровых средств, способных кардинально повысить уровень производительности труда и обеспечить значительный рост благосостояния и жизненного комфорта населения, законодатель не стремится к установлению уголовной ответственности лиц, непосредственно обеспечивающих цифровой прогресс, побочным эффектом деятельности которых является причинение вреда жизни, здоровью, имущественным интересам личности: а) программистов; б) производителей высокотехнологичных средств; в) пользователей средств, обеспеченных искусственным интеллектом. В противном случае реализация мер уголовной ответственности в отношении перечисленных лиц может снизить скорость совершенствования технологий искусственного интеллекта и их внедрения в сферу практического применения.

Интересные решения об установлении ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом, наблюдаются в области применения высокотехнологичных транспортных средств. Степень распространенности беспилотных транспортных средств в настоящее время незначительна, но уже имеют место случаи причинения вреда жизни и здоровью человеку такими видами транспорта, хотя к уголовной ответственности за эти деяния никто привлечен не был.

Идея повсеместного внедрения искусственного интеллекта заключается в «устранении человеческого фактора»³, т. е. нежелательности (а в перспективе и недопустимости) вмешательства человека в работу

«умной» машины. Однако с учетом невозможности исключения причинения вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям в результате «самостоятельной» деятельности искусственного интеллекта беспилотного транспортного средства возникает потребность определения субъекта, несущего ответственность за последствия транспортных аварий и катастроф.

Российская практика реализации уголовной ответственности еще не знает случаев привлечения к ответственности за совершение указанных преступлений лиц, которые не управляли автомобилем или иным транспортным средством, потому что для этого требуется установить конкретного виновного в совершении преступления. Учитывая положения действующих нормативных актов стратегического значения в совокупности с существующими особенностями производства и эксплуатации высокотехнологичных продуктов, объединяющих в себе не только конструкционные решения, но и сложное программное обеспечение, становится очевидной невозможность использования традиционного алгоритма определения субъекта состава транспортного преступления в случаях, когда авария или катастрофа происходят с участием иных высокоавтоматизированных транспортных средств (далее – ВАТС). На основании анализа возможных вариантов развития причинно-следственной связи полагаю, что круг субъектов уголовной ответственности гипотетически может быть представлен следующими лицами:

- водитель, находящийся на борту ВАТС, который в случае возникновения угрозы дорожно-транспортного происшествия обязан перевести транспортное средство в режим ручного управления и предотвратить причинение вреда объектам уголовно-правовой охраны;
- водитель, который управляет ВАТС дистанционно;
- собственник ВАТС;
- производитель ВАТС;
- разработчик технологии искусственного интеллекта и иного программного обеспечения, внедренного в систему управления ВАТС;
- лицо, осуществившее несанкционированные изменения в программном обеспечении ВАТС и (или) информационно-телекоммуникационных средствах транспортной инфраструктуры.

В теории уголовного права высказаны различные мнения относительно решения данной проблемы. Так, А. И. Коробеев и А. И. Чучаев полагают, что субъектом транспортного преступления, совершенного с использованием беспилотного транспортного средства,

³ Концепция обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на дорогах общего пользования, утв. Распоряжением Правительства РФ от 25.03.2020 № 724-р (2020). Собрание законодательства РФ, № 13, ст. 1995.

могут признаваться лица, обладающие специальными юридически значимыми признаками. К таковым автор относит: а) разработчиков программного обеспечения – «персонифицированных разработчиков» «конкретной компьютерной программы» для «конкретного БСТ»; б) лиц, контролирующих безопасную эксплуатацию указанных в п. 1 программ; в) владельцев беспилотных транспортных средств, на которых возложены обязанности осуществления текущего контроля за безопасными условиями эксплуатации данных единиц транспорта; г) лиц, непосредственно находящихся в беспилотном транспортном средстве и осуществляющих контроль за безопасностью его эксплуатации (Коробеев, Чучаев, 2018, с. 128).

Рассуждая о субъекте состава транспортного преступления, совершенного в условиях эксплуатации ВАТС, И. Н. Мосечкин считает, что в зависимости от фактических обстоятельств происшествия таковыми можно будет признать: 1) действовавшего умышленно или по неосторожности производителя программного обеспечения, если соответствующая программа приняла неправильное решение, в результате чего был причинен вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям; 2) производителя или продавца ВАТС, оснащенного искусственным интеллектом, при условии их осведомленности о наличии технических, программных и иных дефектов в производимом / реализуемом транспортном средстве; 3) водителя, оператора и иного пользователя ВАТС, но с учетом степени автоматизации транспортного средства; 4) «иных лиц», осуществивших несанкционированное вмешательство в работу программного обеспечения ВАТС (Мосечкин, 2020, с. 48–51).

Не дифференцируя юридическую ответственность за вред, причиняемый «роботами с искусственным интеллектом», В. А. Лаптев предлагает решение данной проблемы, учитывая степень зависимости действий робота от человека. На этом основании автор выделяет три этапа формирования ответственности, а именно: 1) ответственность за действия робота несет оператор или производитель (ближайшая перспектива); 2) производитель будет нести субсидиарную ответственность вместе с роботом, действиями которого причинен вред (среднесрочная перспектива, которая характеризуется наделением робота правосубъектностью); 3) робот за свои действия будет нести «киберфизическую юридическую ответственность», которая будет выполнять и регулятивную, и охранительную функции (долгосрочная перспектива) (Лаптев, 2019, с. 99).

Некоторые исследователи ставят вопрос об ответственности за причинение вреда, наступившего в результате ДТП или иного чрезвычайного происшествия с беспилотным транспортным средством, более радикально. Например, Hin-Yan Liu в одной из своих научных работ задается вопросом о принципиальной

возможности в таких случаях вести речь как об уголовной, так и об иных видах ответственности. Характеризуя ответственность как неизбежную реакцию общества и государства на причинение вреда от действия, которое совершается в условиях существования свободы выбора у субъекта, автор обращает внимание, что в указанных ситуациях такая свобода исключается. Человек, выполняющий функции традиционного водителя, при управлении беспилотным транспортным средством отсутствует, а программист, разработавший цифровое обеспечение для беспилотного управления транспортным средством, по объективным причинам лишен возможности влияния на функционирование программного обеспечения при движении ВАТС. Идея о признании беспилотного транспортного средства субъектом ответственности воспринимается критически, поскольку последнее действовало в соответствии с узаконенными алгоритмами движения, которые были ранее прописаны в бортовом программном обеспечении. Следовательно, и действия ВАТС, повлекшие причинение вреда, не могут рассматриваться в качестве незаконных. Все это приводит к необходимости смириться с мыслью о неизбежности аварий и катастроф с участием ВАТС, за которые никто не может быть привлечен к ответственности (Liu, Hin-Yan, 2017).

Таким образом, мнения ученых о субъекте ответственности за транспортные преступления, средством совершения которых является ВАТС и (или) искусственный интеллект, существенно различаются. Получить эмпирические данные по данному предмету исследования в настоящее время невозможно, поскольку отечественная следственно-судебная практика еще не имеет прецедентов по вопросам определения лица, подлежащего ответственности за транспортное преступление, которое совершено в условиях использования высокотехнологичного автомобиля или иного транспортного (беспилотного) средства. Для решения указанной проблемы будет полезным узнать мнение представителей предприятий, которые осуществляют разработку высоких технологий и их внедрение в производственную сферу.

Так, топ-менеджеры компаний-резидентов Инновационного центра «Сколково» по-разному видят возможности реализации ответственности за вред, причиненный техническим средством, действия которого определяются технологиями искусственного интеллекта. Руководитель направления Технопарка «Сколково» С. Ф. Поплавский считает, что технические средства, способные осуществлять «интеллектуальную деятельность», в основу которой положена предиктивная аналитика (аналитика, результатом которой является указание на события, которые произойдут в будущем), не способны в принципе совершать действия, не подконтрольные человеку. Эти нейросетевые технические средства и устройства не являются самообучаемыми,

а потому предлагают итоговые решения на основе предиктивного анализа только в соответствии с правилами и алгоритмами, прописанными в программном обеспечении, которое используется при работе с входными данными (Бояркин, 2020; Брускин, 2017, с. 136). Таким образом, машинное обучение основано на использовании различных разделов Data Science, а «умное» техническое устройство принимает решение так, как его обучили «дата-сентисты», т. е. разработчики специального программного обеспечения. Отсюда, по мнению С. Ф. Поплавского, некорректно ставить вопрос о возложении ответственности за действия, совершаемые неодушевленным высокотехнологичным средством. За причинение вреда действиями последнего должен нести ответственность только человек – автор специализированного программного обеспечения.

”

*Нейронная сеть,
интегрированная в любое
техническое устройство,
является в настоящее время
новым алгоритмом (средством),
обеспечивающим принятие
решения, прогнозирование
которого становится возможным
на основе полученной указанным
устройством информации*

“

Такую позицию в целом разделяет генеральный директор ANP Ceges Technology Г. С. Цедилкин, осуществляющий руководство разработками в области «Цифрового зрения» и предоставлением комплексных услуг по информационной безопасности. Нейронная сеть, интегрированная в любое техническое устройство, является в настоящее время новым алгоритмом (средством), обеспечивающим принятие решения, прогнозирование которого становится возможным на основе полученной указанным устройством информации. В связи с этим можно заключить, что «машина принимает решение, но не думает». Поэтому в случае причинения вреда в результате использования высокотехнологичного средства ответственность за наступление негативных последствий должен нести производитель, нарушивший в процессе производства правила

техники безопасности и (или) не исключивший все негативные варианты развития событий при функционировании своей продукции.

Несколько иначе видит решение данной проблемы генеральный директор ООО «Интеллоджик» С. Ю. Соколин. Производимые компанией изделия медицинского назначения могут быть использованы только при условии получения регистрационного удостоверения Росздравнадзора. Получение официальных документов, на основании которых высокотехнологичный продукт, включающий в себя и программное обеспечение, признается безопасным для использования в соответствии с заявленным назначением, снимает ответственность с производителя за вред, который в действительности может быть причинен не в результате использования медицинского изделия, на которое получено регистрационное удостоверение, а в результате неправильного обращения работника медучреждения с этим изделием. Поэтому ответственность за подобный вред следует возлагать исключительно на пользователя высокотехнологичных продуктов, прошедших все необходимые процедуры допуска к эксплуатации.

Наконец, по мнению генерального директора компаний «ОКБ «АТМ Грузовые дроны» и «Hoversurf» А. В. Атаманова, ответственность за вред, причиненный при использовании транспортного средства, оснащенного технологиями искусственного интеллекта, должны нести в равной степени и производитель, и эксплуатант. В каждом конкретном случае необходимо устанавливать не только факт причинения вреда, но и причину, по которой произошла авария или катастрофа. В современных условиях производства и эксплуатации беспилотных транспортных средств вполне возможно установить не только причину, но и конкретных лиц, которые изготавливали соответствующий узел ВАТС или писали определенный фрагмент программного обеспечения, сбой работы которых привел к наступлению тяжких последствий. Аналогичным образом можно установить и вину пользователя беспилотного транспортного средства, если авария произошла вследствие нарушения им правил эксплуатации. При учете тяжести наступивших последствий уголовную ответственность при определенных условиях можно распространить не только на отдельное физическое лицо, но и в целом на компанию-разработчика ВАТС.

Несмотря на различие мнений в определении лица, подлежащего уголовной ответственности за совершение транспортного преступления с участием транспортного средства, оснащенного технологиями искусственного интеллекта, все опрошенные резиденты «Сколково» указали на важность нормативно-правового обеспечения разработки, производства и использования продуктов с искусственным интеллектом. Особую важность представляет вопрос об ответствен-

ности за действия искусственного интеллекта, о лице, которое может привлекаться к ответственности за указанные действия и наступившие после их совершения негативные последствия, и пределах этой ответственности. Решение данной проблемы даст понимание возможностей (прав) разработчиков и производителей высокотехнологичных товаров, а также рисков, которые они несут в случае выпуска некачественной продукции и (или) нарушения технологии производства, приводящих к причинению физического, имущественного или иного вреда.

Анализ действующего уголовного законодательства позволяет исключить утверждение о наличии пробела в части привлечения к ответственности лиц, использующих технологии искусственного интеллекта для совершения преступления. Ни одна из «умных машин» в настоящее время не способна совершить действие, находящееся за пределами сознания и контроля человека. Таким образом, искусственный интеллект пока определяется как средство совершения преступления, а предусмотренные уголовным законом нормы об ответственности за посягательства:

а) на общественную безопасность (ст. 216 УК РФ);
 б) транспортную безопасность (ст. 263-271¹ УК РФ);
 в) в сфере компьютерной информации (гл. 28 УК РФ);
 г) в крайнем случае, неосторожные преступления против жизни и здоровья личности (гл. 16 УК РФ) или здоровья населения (ст. 238 УК РФ), –

вполне применимы и к совершению преступлений с использованием технологий искусственного интеллекта. По этой причине уже высказываемые в теории уголовного права предложения, касающиеся включения в УК РФ специальной нормы об ответственности за использование искусственного интеллекта в преступных целях или введения квалифицирующего признака соответствующего содержания, вряд ли можно признать оправданными.

Однако такое положение в области уголовно-правовой оценки вредных последствий, наступивших в результате применения и использования технологий искусственного интеллекта, очень скоро потребует корректировки. Искусственный интеллект пока еще представляет собой последовательность выполнения таких функций, как: а) восприятие; б) анализ; в) прогнозирование (выбор наилучшего варианта из уже известных и зафиксированных в базе данных). Называть последовательность выполнения данных функций «интеллектом», по моему мнению, преждевременно и примитивно. Искусственный интеллект должен представлять собой аналог функционирования деятельности человеческого мозга – естественного интеллекта. Этот вывод можно подтвердить многочисленными примерами, когда модели, существующие в естественной среде, впоследствии использовались для получения технических (искусственных) моделей. Крыло птицы стало

первым объектом исследований в целях построения искусственного летательного аппарата; обтекаемые формы морских животных послужили прототипом для создания современных подводных лодок, и т. п.

Общеизвестно, что природа в процессе естественного отбора оставляет все самое совершенное для конкретной среды обитания, тогда как менее приспособленные особи погибают в борьбе за существование (Дарвин (пер. с англ.), 2017, с. 105 и далее). По оценкам специалистов Института высшей нервной деятельности и нейрофизиологии Российской академии наук, в настоящее время аналога мозга человека не существует, а современный «искусственный интеллект» представляет набор операций и алгоритмов, которые не позволяют признать механизм «думающим». Реше-

”

*Ни одна из «умных машин»
 в настоящее время не
 способна совершить действие,
 находящееся за пределами
 сознания и контроля человека*

“

ния, формируемые искусственным интеллектом, являются продуктом деятельности программиста, который уже заложил на этапе написания программы для «умного робота» все возможные варианты решений. В сравнении с естественным интеллектом диапазон для анализа, осуществляемого искусственным интеллектом, крайне узок.

Кроме того, спецификой деятельности мозга является сохранение всей полученной в течение жизни информации, которая не уничтожается, а переосмысливается и адаптируется к новым условиям. Данный процесс непрерывен и сопровождается нарастанием мозговой ткани. Внешним проявлением этого процесса является самообучение человека и наличие у него способности принятия ранее неизвестных (нестандартных) решений. С возрастом человек, как правило, сокращает информационный поток, вследствие чего

процесс нарастания мозговой ткани останавливается, начинается процесс старения, сопровождающийся угасанием интеллектуальных возможностей.

С учетом темпов развития технологий искусственного интеллекта представители Института высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН прогнозируют в течение ближайших 20–30 лет создание полного аналога человеческого мозга, т. е. объекта неживой природы, способного полностью воспроизводить перечисленные характеристики мозга человека. Таким образом, уже в обозримом будущем мышление будет иметь место не только в высшей нервной деятельности человека, но и за его пределами.

Основной для мышления является нейронная сеть, элементарные частицы (нервные клетки) которой находятся в постоянном взаимодействии друг с другом. Качество нейронной сети пропорционально количеству межклеточных связей, а не самих клеток. Сегодня уже существует теоретическая возможность создания искусственной нейронной сети – основы для мышления, которое будет выступать аналогом человеческого.

Создание полноценного интеллекта приведет к принципиальным изменениям в обществе. Их прогнозирование невозможно, поскольку человечество никогда не имело подобных результатов прогресса. Действительно, современные технические средства многократно превосходят по своим характеристикам (показателям, ресурсам и т. п.) биологические аналоги, но без контроля и управления со стороны человека они лишаются всех своих полезных свойств и возможностей.

Искусственному интеллекту будущего человек не понадобится ни для управления, ни для контроля. В современной нейробиологии не решена проблема определения содержания таких категорий, как «сознание» и «воля», что означает невозможность привития данных качеств искусственному интеллекту. Сознание человека в течение жизни формирует не поддающиеся математической оценке категории «хорошо / плохо»; «полезно / вредно», «опасно / безопасно» и др. Эти же установки передаются младшему поколению от представителей старшего поколения в процессе воспитания, а потому в обществе в целом выстроена система общественных ценностей, основанных, прежде всего, на нормах морали и нравственности. Подобные оценки и установки шаблонно привить искусственному интеллекту невозможно, а потому, чем будет руководствоваться «умная машина» будущего, вряд ли кто-то сможет определить и спрогнозировать. В этом заклю-

чается большая угроза для человека, так как искусственный интеллект на определенном этапе развития может прийти к вполне рациональному для себя выводу, что человек, будучи менее совершенным существом, создает препятствия для «умной машины».

Данная угроза, возникновение которой в будущем нельзя исключать, уже стала предметом международного обсуждения и регламентации. Принято уже несколько международных нормативных актов, определяющих принципы создания и использования искусственного интеллекта. Многие из них затрагивают вопросы безопасности использования технологий искусственного интеллекта, но не определяют предела для развития данных технологий (Бегишев, Хисамова, 2021, с. 166–192). Принципы безопасности создания и использования искусственного интеллекта носят общий характер, а потому в процессе развития возможностей искусственного интеллекта, его самообучаемости и совершенствования нельзя исключать возможность их толкования «умной машиной» в ущерб человечеству.

Выводы

Признавая наличие реальной опасности, исходящей от искусственного интеллекта, следует констатировать, что человек за его действия нести ответственность не будет, поскольку они явно выйдут за пределы его сознания и воли, что исключает возможность установления вины. Такие действия если и будут уголовно наказуемыми, то только по специальным правилам, в соответствии с которыми искусственный интеллект будет наделен правами и обязанностями особенного субъекта правоотношений, способного нести уголовную ответственность. Но подобное решение будет носить сугубо формальный характер и не обеспечит ни воздаяния за причиненный вред, ни предупреждения совершения новых преступлений.

Самообучаемость, бесконтрольность и независимость искусственного интеллекта обеспечат его превосходство над человеком и выведут его поступки за пределы оценки общественной опасности и противоправности, которая устанавливается в отношениях между людьми. В дальнейшем человечество или погибнет как менее совершенное социальное объединение по сравнению с «обществом роботов», или будет продолжать жить на условиях (не правовых), сравнимых с условиями существования современных представителей дикой природы, т. е. в рамках, определенных искусственным интеллектом.

Список литературы

- Бегишев, И. Р., Хисамова, З. И. (2021). *Искусственный интеллект и уголовный закон*: монография. Москва: Проспект.
- Бирюков, П. Н. (2019). Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие»: зарубежный опыт. *Lex Russica*, 11, 79–87.
- Бояркин, А. (2020). *Предиктивная аналитика: польза, инструменты и примеры*. URL: <https://sales-generator.ru/blog/prediktivnaya-analitika/#3> (дата обращения: 15.11.2022).

- Брускин, С. Н. (2017). Модели и инструменты предиктивной аналитики для цифровой корпорации. *Вестник РЭУ им. Г. В. Плеханова*, 5, 135–139.
- Дарвин, Ч. (2017). *Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь* (пер. с англ. К. А. Тимирязев, М. А. Мензбир, А. П. Павлов, И. А. Петровский). Москва: АСТ.
- Ковачич, Л. (2020). *Китайский опыт развития отрасли искусственного интеллекта: стратегический подход*. Московский центр Карнеги. URL: <https://carnegieendowment.org/2020/07/07/ru-pub-82172> (дата обращения: 11.11.2022).
- Коробеев, А. И., Чучаев, А. И. (2018). Беспилотные транспортные средства, оснащенные системами искусственного интеллекта: проблемы правового регулирования. *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика и право*, 3(20), 117–132.
- Лаптев, В. А. (2019). Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу. *Право. Журнал Высшей школы экономики*, 2, 79–102.
- Маклудова, А. М. (2019). Робот в судейской мантии: возможности и проблемы. *Устойчивое развитие науки и образования*, 11, 138–142.
- Мосечкин, И. Н. (2020). *Искусственный интеллект в уголовном праве: перспективы совершенствования охраны и регулирования*: монография. Киров: Вятский государственный университет.
- Объем инвестиций в технологии искусственного интеллекта достиг почти \$68 млрд. (2021). URL: <https://tass.ru/ekonomika/10835935> (дата обращения: 10.11.2021).
- Путин: монополист в сфере искусственного интеллекта может стать властелином мира (2019). URL: <https://tass.ru/ekonomika/6489864> (дата обращения: 31.10.2021).
- Роботы в законе. Должен ли искусственный интеллект отвечать за свои проступки (2018). URL: <https://issek.hse.ru/news/227178200.html> (дата обращения: 11.11.2022).
- Яни, П. С. (2019). О кибернетизации процесса квалификации преступлений. *Законность*, 12, 42–45.
- Future of Artificial Intelligence Act of 2017* (2017). URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/2217/text> (дата обращения: 11.11.2022).
- Liu, Hin-Yan (2017). Irresponsibilities, inequalities and injustice for autonomous vehicles. *Ethics and Information Technology*, 19, 193–207.
- Maintaining American Leadership in Artificial Intelligence* (2019). A Presidential Document by the Executive Office of the President on 02/14/2019. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2019/02/14/2019-02544/maintaining-american-leadership-in-artificial-intelligence> (дата обращения: 11.08.2022).

References

- Begishev, I. R., Hisamova, Z. I. (2021). *Iskusstvennyj intellekt i ugovolnyj zakon*: monografiya. Moscow: Prospekt.
- Biryukov, P. N. (2019). Iskusstvennyj intellekt i «predskazannoe pravosudie»: zarubezhnyj opyt. *Lex Russica*, 11, 79–87.
- Boyarkin, A. (2020). *Prediktivnaya analitika: pol'za, instrumenty i primery*. URL: <https://sales-generator.ru/blog/prediktivnaya-analitika/#3> (data obrashcheniya: 15.11.2022).
- Bruskin, S. N. (2017). Modeli i instrumenty prediktivnoj analitiki dlya cifrovoj korporacii. *Vestnik REU im. G. V. Plekhanova*, 5, 135–139.
- Darvin, Ch. (2017). *Proiskhozhdenie vidov putyom estestvennogo otbora, ili Sohranenie blagopriyatnyh ras v bor'be za zhizn'* (per. s angl. K. A. Timiryazev, M. A. Menzibir, A. P. Pavlov, I. A. Petrovskij). Moscow: AST.
- Kovachich, L. (2020). *Kitajskij opyt razvitiya otrasli iskusstvennogo intellekta: strategicheskij podhod*. Moskovskij centr Karnegi. URL: <https://carnegieendowment.org/2020/07/07/ru-pub-82172> (data obrashcheniya: 11.11.2022).
- Korobeev, A. I., Chuchaev, A. I. (2018). Bepilotnye transportnye sredstva, osnashchyonnye sistemami iskusstvennogo intellekta: problemy pravovogo regulirovaniya. *Aziatsko-Tihookeanskij region: ekonomika, politika i pravo*, 3(20), 117–132.
- Laptev, V. A. (2019). Ponyatie iskusstvennogo intellekta i yuridicheskaya otvetstvennost' za ego rabotu. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki*, 2, 79–102.
- Makludova, A. M. (2019). Robot v sudejskoj mantii: vozmozhnosti i problemy. *Ustojchivoe razvitie nauki i obrazovaniya*, 11, 138–142.
- Mosechkin, I. N. (2020). *Iskusstvennyj intellekt v ugovolnom prave: perspektivy sovershenstvovaniya ohrany i regulirovaniya*: monografiya. Kirov: Vyatskij gosudarstvennyj universitet.
- Ob'jom investicij v tekhnologii iskusstvennogo intellekta dostig pochti \$68 mlrd. (2021). URL: <https://tass.ru/ekonomika/10835935> (data obrashcheniya: 10.11.2021).
- Putin: monopolist v sfere iskusstvennogo intellekta mozhet stat' vlastelinom mira (2019). URL: <https://tass.ru/ekonomika/6489864> (data obrashcheniya: 31.10.2021).

- Roboty v zakone. Dolzhen li iskusstvennyj intellekt otvechat' za svoi prostupki* (2018). URL: <https://issek.hse.ru/news/227178200.html> (дата обращения: 11.11.2022).
- Yani, P. S. (2019). O kibernetizacii processa kvalifikacii prestuplenij. *Zakonnost'*, 12, 42–45.
- Future of Artificial Intelligence Act of 2017* (2017). URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/2217/text> (дата обращения: 11.11.2022).
- Liu, Hin-Yan (2017). Irresponsibilities, inequalities and injustice for autonomous vehicles. *Ethics and Information Technology*, 19, 193–207.
- Maintaining American Leadership in Artificial Intelligence* (2019). A Presidential Document by the Executive Office of the President on 02/14/2019. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2019/02/14/2019-02544/maintaining-american-leadership-in-artificial-intelligence> (дата обращения: 11.08.2022).

Информация об авторе:

Валерий Федорович Лапшин – доктор юридических наук, доцент, проректор по научной работе.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 01.09.2022

Одобрена после рецензирования 02.11.2022

Опубликована 29.12.2022

About the author:

Valeriy F. Lapshin – Doctor Sci. (jurid.), Associate Professor, Vice-Rector for Research.

The author declare no conflicts of interests.

Submitted September 1, 2022

Approved after reviewing November 2, 2022

Accepted December 29, 2022

УДК 159.922.767:316.2

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-4-386-396

Социальное сиротство: девиантологический анализ личностных мотивов отказа от ребенка

Александр Николаевич Тесленко

Кокшетауский университет им. А. Мырзахметова
(Кокшетау, Казахстан)
teslan@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-1398-1832**Аннотация**

Отказ матери от новорожденного ребенка и передача его под опеку государства («отказничество») — острая социальная проблема, являющаяся предметом научного интереса различных специалистов во всем мире.

Одной из актуальных и социально значимых задач, стоящих перед современным обществом, является поиск путей снижения роста социального сиротства и повышения эффективности его профилактики.

По мнению исследователей, отказ от материнства – это результат воздействия социальных обстоятельств, и для его профилактики необходимо принятие неотложных мер.

В связи с этим становится актуальным анализ современной системы ранней профилактики социального сиротства, а также поиск путей ее развития.

Данная статья посвящена исследованию причин социального сиротства и увеличения числа брошенных детей. Автор акцентирует внимание на влиянии личностных факторов на проблему отказа матери от ребенка. Изучение личностных факторов отказа от детей проводилось по двум направлениям: с учетом материнской депривации лиц, отказавшихся от детей, и особенностей их социализации в детстве. Основным фактором отказа от ребенка, на который ссылаются молодые женщины, являются объективные проблемы повседневной жизни: отсутствие жилья, работы, средств к существованию. Однако фактически за ними скрываются личностные проблемы социализационного и духовно-нравственного порядка, передающиеся из поколения в поколение.

Ключевые слова

социология детства, социальное сиротство, факторы отказа от детей, социализация в детстве, материнская депривация

Для цитирования: Тесленко, А. Н. (2022). Социальное сиротство: девиантологический анализ личностных мотивов отказа от ребенка. *Российский девиантологический журнал*, 2(4), 386–396. doi: 10.35750/2713-0622-2022-4-386-396.

Social orphanhood: a deviantological analysis of personal motives for abandoning a child

Alexander N. Teslenko

Kokshetau University named after A. Myrzakhmetov
(Kokshetau, Kazakhstan), teslan@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-1398-1832

Abstract

This article is devoted to the study of the causes of social orphanhood, the growth in the number of abandoned and abandoned children. The author focuses on the influence of personal factors on the problem of mother's refusal from the child. The study of personal factors of abandoning children was carried out in two directions: taking into account maternal deprivation of persons who abandoned children and the characteristics of their socialization in childhood. The main factor in abandoning a child, which young women refer to, is the objective problems of everyday life: lack of housing, lack of work, money. However, in fact, behind them lies the problems of socialization and spiritual and moral order, transmitted from generation to generation.

Keywords

sociology of childhood, social orphanhood, factors of child abandonment, socialization in childhood, maternal deprivation

For citation: Teslenko, A. N. (2022). Social orphanhood: a deviantological analysis of personal motives for abandoning a child. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(4), 386–396. doi: 10.35750/2713-0622-2022-4-386-396.

Введение

С появлением в конце XX века специальной теории «Социология детства» как нового социально-гуманитарного знания на границе социологии семьи и социологии воспитания открылись субъективные аспекты и специфические трудности детства. Выяснилось, что категория «детство» – это не биологическая данность, а социальный конструкт, рассматривающий детей как субъектов социализации и общественных отношений (правда, не всегда полноправных) со своей субкультурой и образом мира, что, безусловно, требует внимательного изучения. В социологии сформировалось несколько специфических парадигм изучения детства:

1. Дети – особое племя (*tribal group*) со своей игровой культурой, языком, взглядом на мир и другими антропологическими свойствами. Детская субкультура архаична, часто бесписьменна и во многом непонятна взрослым, но при этом весьма информативна.

2. Дети – одно из социальных меньшинств в ряду гендерных, расовых, этнических и им подобных, а потому в центре внимания исследователей – проблемы социального неравенства, властных отношений и дискриминации.

3. Детство – особое социальное пространство, важный компонент социальной структуры общества, маркировка которого объясняет место и роль детей общественной жизни, их жизненный сценарий и т. д.

4. Детство – общественный дискурс, ставящий детей в центр концептуальных идей по поводу их взаимоотношений со взрослыми (Щеглова, 1999).

В новом тысячелетии социология детства сфокусировала свое внимание на проблемах и рисках социализации детей. Только в странах «третьего мира» в результате войн и революций сиротами являются 143 миллиона детей, 12 миллионов остались без крова, около 1 миллиона находятся в местах лишения сво-

боды (Доклад ЮНИСЕФ, 2006). Если в данном случае сиротство носит объективный социальный характер, то чем объяснить рост числа несовершеннолетних детей без попечения родителей во вполне благополучных странах?

По данным ООН, проблема социального сиротства актуализируется в результате возрастающего числа брошенных младенцев уже на перинатальном этапе. Как бы их ни называли разные специалисты («отказные дети», «казенные младенцы», «рожденные, чтобы быть покинутыми» и т. д.), это социальные сироты, т. е. «социальные сироты – это особая социально-демографическая группа детей от 0 до 18 лет, лишившихся попечения родителей по социально-экономическим, а также морально-нравственным причинам»¹. Другими словами, это дети, имеющие родителей, но в силу ряда объективных причин, не живущие с ними. Чаще всего среди этих причин доминируют такие, как лишение родительских прав вследствие тяжелых заболеваний или зависимостей (алкоголизм, наркомания).

По мнению Е. М. Рыбинского, социальное сиротство есть «устранение или неучастие большого круга лиц в выполнении ими родительских обязанностей (искажение родительского поведения)» (Рыбинский, 1997). Проведенный автором анализ причин социального сиротства показывает, что более 50 % воспитанников детских домов оказались там по социальным причинам: лишение родительских прав, отсутствие благоприятных условий жизни, отбывание наказания в местах заключения, внебрачный статус матери. Как правило, лишение родительских прав в 95 % случаев связано со злоупотреблением алкоголем или наркотиками. Особую группу составляют «отказные дети». Самые распространенные причины отказа от ребенка – его тяжелая болезнь (60 %), а также трудные материальные и бытовые условия семьи (20 %) (Рыбинский, 1997).

¹ Олиференко, Л. Я., Шульга, Т. И., Дементьева, И. Ф. (2008). *Социально-педагогическая поддержка детей группы риска: учебное пособие* (стр. 20). Москва: Академия.

В Казахстане социальные сироты составляют абсолютное большинство детей, оставшихся без попечения родителей. В последние годы в республике все громче заявляет о себе скрытое социальное сиротство. Увеличение числа детей, оставшихся без попечения родителей, неизбежно ведет к увеличению числа учреждений для детей-сирот: домов ребенка, детских домов, школ-интернатов, приютов и т. д.

Сегодня в стране свыше 37 тысяч детей, оставшихся без попечительства родителей, 11 тысяч из них живут и воспитываются в интернатах и детских домах (табл. 1).

Анализ причин пребывания детей-сирот в этих учреждениях показывает, что 65 % из них – это дети, чьи родители погибли и их некому воспитывать, но 35 % детей имеют одного или обоих родителей, которые отказались заботиться о них по причинам отсутствия доступа к социальным и медицинским услугам ребенка с ограниченными возможностями (Казахстанская правда, 2013). Только в 2019 году в республике отказались от 2000 детей (Махалля, вся правда об Узбекистане).

Начиная с 1990-х годов, казахстанские власти пытались решать эту актуальную проблему на законо-

Таблица 1. Специальные учреждения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в Казахстане

Table 1. Special institutions for orphans and children left without parental care in Kazakhstan

№ п/п		Количество учреждений	Количество детей	% к общему количеству
	Всего:	250	17486	100
1	В системе здравоохранения	26	2134	12,2
2	В системе социальной защиты населения	19	1249	7,4
3	В системе образования	160	14103	80,3

дательном уровне. В 1994 году Казахстан ратифицировал Конвенцию ООН о правах детей, а в 2002 году был принят Закон Республики Казахстан «О правах ребенка». Проблемы детства, защиты прав и законных интересов несовершеннолетних детей нашли отражение и в других законодательных актах последних десятилетий: «Об образовании» (2007), «Кодекс о браке (супружестве) и семье» (2011), «О государственной молодежной политике Республики Казахстан» (2015) и др. Однако от этого актуальность проблемы социального сиротства не снижается.

Цель исследования

В данной статье мы попытались изучить влияние личностных глубинных факторов отказа матери от ребенка. В работе над дизайном социологического исследования были поставлены исследовательские вопросы: «Чем определяется мотив отказа от ребенка?», «Насколько биография матери, ее психоэмоциональное состояние и особенности социализации определяют решение отказаться от ребенка?»

Обзор литературы

В социологии социальное сиротство – это сложный и многофакторный феномен, рассматриваемый как социальная деструкция, возникающая в условиях социальной аномии и социально-экономических кризисов, приводящих к углублению и обострению данной проблемы. Между тем проблема социального сиротства

исследована слабо, особенно в плане личностных факторов ее обострения.

Как правило, социологи стремятся исследовать данную проблему на интегративной основе, пытаясь анализировать влияние глобальных трансформационных процессов на воспитание и развитие детей, с одной стороны, а с другой – особенности социализации новых поколений в конкретных социокультурных условиях. Примером первого подхода можно считать анализ социального сиротства через понятие *аномии* (Э. Дюркгейм, Р. К. Мертон), позволяющий выявить поведенческие реакции индивидов на аномические ситуации (Дюркгейм, 1996, 1998; Мертон, 1992, 2003). Массовая дезакцептация социальных норм, с одной стороны, приводит к деградации института материнства и родительства и семейных ценностей в целом, а с другой – к ярко выраженному девиантному поведению самих сирот. Девиантный характер поведения детей-сирот служит причиной к десоциализации, главной характеристикой которой является формирование деструктивных поведенческих паттернов. Десоциализированная личность, используя негативные способы адаптации, отрицающие социальные нормы и ценности, тем не менее способна эффективно позиционировать себя в социуме. Таким образом, было выявлено, что социальное сиротство, порожденное в условиях аномии общественных процессов, углубляет дисфункции семьи в целом и детско-родительских отношений в частно-

сти, подрывая институциональные основы общества (Дементьева, 2008, с. 42).

Во второй половине XX века получил развитие субъективистский подход к анализу социального сиротства как отклонения от социальной нормы. В теориях вторичной девиации социальное сиротство представляется, с одной стороны, социальным конструктом, стигмой (ярлыком), а с другой – реакцией на его присвоение. Здесь конструктивистские построения основываются на понятии «социальная норма», позволяющем четко определить границы социальных девиаций и социального сиротства в частности. Кроме того, в работах Э. Лемерта, Г. Беккера и других особо выделяется функциональный аспект девиантного поведения (Лемерт, 1998; Беккер, 1998).

Конструктивистская социология П. Бурдьё трактует социальное сиротство через понятие «габитус» (система диспозиций, сдерживающих изменения и «социальное пространство»), открывая тем самым критическую парадигму в отношении института семьи. И. Гоффман объясняет негативные поведенческие практики, в том числе социальное сиротство, принудительным и эксплуатационным характером брачно-семейных и детско-родительских отношений. Позднее эту идею подхватили сторонники феминистского направления в социологии, ставящие под сомнение традиционное распределение мужских и женских ролей, а следовательно, функций и структуры семейных отношений, что, безусловно, сказывается на моделях семейного воспитания и либерализации поведенческих паттернов (Goffman, 2000).

В теории структуризации Э. Гидденса личностные факторы отказа матери от ребенка стратифицированы в три уровня: мотивация действия, рационализация действия и рефлексивный мониторинг действия (Гидденс, 2005). Первый – *уровень мотивации* – сознательные и / или бессознательные желания, побуждающие индивида к действию (в нашем случае к отказу от ребенка). Сталкиваясь с нестандартной проблемой, матери-отказницы на мотивационном уровне формируют ситуационный «проект» действий, общую линию поведения, базирующуюся на собственном опыте асоциального поведения и заброшенности при живых родителях.

В данном случае действия матери – акт рациональной мотивации, осознанного отказа от ребенка, часто сопровождающийся при этом чувством вины и греховности. Психологическое напряжение, неадекватность поведения во время беременности и после рождения ребенка можно рассматривать как своеобразные формы психологической защиты рационализации действий, которые заметно прослеживаются в нарративном интервью с женщинами, рассказывающими о своих поступках.

Рефлексивный мониторинг предполагает, что агенты не только отслеживают собственные действия, но

и ожидают подобного же отслеживания от других агентов. В качестве самого высокого уровня стратификационной модели агента действия мониторинг напрямую зависит от рационализации. Э. Гидденс утверждал: «Каждое действие – производство чего-то нового, новое действие; но в то же время каждое действие существует в его продолженности из прошлого, предоставляющего средства для его начала» (Гидденс, 2005, с. 114). В связи с этим социализация играет важнейшую роль в выстраивании жизненных стратегий и планов человека, служит основой для выстраивания социальных отношений.

Интерпретацию поведения матери-отказницы мы рассмотрели в рамках типологии социального действия М. Вебера и выделили:

1. *Целерациональное действие*. Принятие решения об отказе от ребенка – результат рационального взвешенного сопоставления всех «за» и «против». Вероятно, ребенок для нее не был «целью», приоритетом было нечто другое, и женщина мотивированно преодолевает возникший барьер в пользу более значимой цели.

2. *Ценностно-рациональное действие*. В условиях постмодерна, социально одобряемые общественные нормы и ценности семьи, родительства, детства, менее значимы и престижны, чем стандарты успешности, материального достатка и благополучия. Поэтому при принятии социально и лично значимых решений женщина была вынуждена отказаться от ребенка в пользу возможного приобретения этих статусных признаков.

3. *Традиционное действие*. В этой ситуации налицо дилемма: когда в обществе нет однозначной установки на отказ от новорожденного ребенка, реализуемой всеми женщинами, но у женщины уже есть собственный опыт отказа, то следующий может восприниматься ею как вполне традиционное привычное действие.

4. *Аффективное действие*. Психологическая тревожность и отчаяние толкают мать к побегу из перинатального учреждения, без оформления официального отказа от ребенка.

В теории аномии Э. Дюркгейма, Р. Мертон мы рассмотрели нарушение функционирования семейной системы, полное извращение репродуктивной, воспитательной, хозяйственно-бытовой, эмоционально-психологической, семейной функций, что повлияло на поведение матери-отказницы (Дюркгейм, 1996, 1998; Мертон, 1992, 2003).

В работе американского психиатра М. Броуэна «Теория семейных систем» нас заинтересовала тенденция передачи травмирующего сознания последующим поколениям, где проявляются эмоциональные разрывы (т. н. паттерн *cut off*), нарастающие от поколения к поколению. Дело в том, что инстинктивным поведением человека управляют стимулы, контролируемые эмоциональной системой. Чем больше эмоции влияют на

социальное поведение, тем более жизнедеятельность человека подчинена инстинктам, несмотря на все когнитивные барьеры и объяснения. Чем выше его психологическая тревожность, тем вероятнее и значительнее межпоколенческий разрыв у слабо дифференцированных людей. В этом случае недифференцированный индивид, его Я-концепция личности, подвержены сильному влиянию эмоциональной системы, а не логическому мышлению и интеллекту, что может продуцироваться на его противоречивом, часто неадекватном, ситуативном поведении.

Психологи еще в 1930-х годах обнаружили, что женщины-отказницы – эмоционально и психологически незрелые люди, неготовые к семейной жизни в силу эмоциональной неустойчивости и эгоцентризма (Newell, 1934). Как правило, это женщины, которые сами подвергались психологической депривации и насилию в детстве. Не разрешив свои детские или пубертатные конфликты, они концентрируются на своих личных проблемах, рассматривая их через призму установки социальной несправедливости, недостатка любви и уважения к себе. Часто у них наблюдается чрезмерная зависимость от «значимых других» и стремление к новым эмоциональным переживаниям, личностному экспериментированию в сфере сексуальных отношений (беспорядочным связям или экстремальному сексу).

Зарубежные ученые, анализируя положение женщин в своих странах, отмечают, что основными факторами отказа от ребенка являются социально-экономические и личностные, т. н. «индивидуальные риски» (Chamberlen, 1988; Wasserman, 1967). На этом основании Бельгийский комитет по социальным проблемам выделяет следующие категории матерей-отказниц:

- первая категория – отец бросил беременную будущую мать;
- вторая категория – замужняя женщина рождает ребенка от внебрачной связи;
- третья категория – беременная женщина с низкой социальной и моральной ответственностью или социально-экономической адаптацией (Ядов, 2003).

Следовательно, чисто теоретически отказ от ребенка (материнства) – это комплекс социальных, психологических, педагогических и патологических причин, действующих в совокупности и нарушающих механизм формирования материнства. Механизм процесса отказничества не возникает инстинктивно, а детерминирован социокультурными факторами, прежде всего социальным наследованием и воспитанием, а также конкретно-исторической и социально-экономической ситуацией в стране. Несмотря на эти внешние факторы, при анализе причин отказа от ребенка не следует пренебрегать личностными мотивами матери-отказницы. В данном случае исследовательский подход должен базироваться на разнообразии поведенческих

мотивов женщин-отказниц, их возрасте, психологических особенностях (темпераменте, характере и т. п.) и социальном опыте.

Методы

В анализе таких тонких социальных тканей, как отказ от детей, наиболее адекватным представляется качественный метод сбора информации. Данный метод уникален тем, что с его помощью мы изучили жизненные ситуации матерей-отказниц, содержащие специфический «жизненный мир» как совокупность интериоризированных установок и ценностей, особых психологических переживаний и поведенческих паттернов (N = 52). Качественная методология позволила сконцентрировать наше внимание на социальном действии субъекта, выраженном в вербальной форме, в рассказах о своей жизненной ситуации. Комплексный анализ интерактивной информации, полученной в ходе индивидуальных бесед, позволил осмыслить и интерпретировать специфические формы индивидуального поведения матерей-отказниц; обобщить вербальные и невербальные сигналы в их рассказах, которые в дальнейшем были переведены на язык научных терминов. Теоретический анализ нарративного интервью позволил не только изучить конкретные жизненные ситуации матерей, отказавшихся от детей в роддоме, увидеть ситуацию их глазами, но и раскрыть скрытый социальный смысл и механизмы отказничества.

Для проведения нарративного интервью нами был разработан гайд, который состоял из четырех блоков с вопросами открытой формы, а также с некоторыми предложенными вариантами возможных ответов. Первый блок включал вопросы демографической информации о респонденте, второй блок – вопросы о семейном положении респондента, третий блок – об уровне жизни респондента и четвертый – о факторах отказа респондента от ребенка. Для фиксации разговора при проведении интервью мы использовали аудиозапись. Ведение беседы предполагало поэтапное включение в разговор с таким расчетом, чтобы, добившись более непринужденной атмосферы, поддерживать у интервьюируемой интерес к беседе и вести ее по намеченному плану. Для закрепления контакта в интервью нами было подчеркнуто, что получаемая информация важна для нас и интересна: «Это очень важно, то, что Вы сейчас сказали. Нельзя ли несколько более подробно?», «Это очень интересно, мы не думали, что дело обстоит так...». Затем был переход к основным вопросам, который сопровождался вводными словами, подчеркивающими важность последующего разговора: «Какие Вы испытываете чувства после рождения ребенка?», «Какие факторы повлияли на отказ от ребенка?». В заключение был сделан итог логической части беседы (Winter, 1987).

Применение нарративного интервью позволило респондентам свободно повествовать о своей жизни. В ходе свободного изложения информации о жизненной ситуации ассоциативно в памяти респондентов всплывали в первую очередь субъективно ценностные эпизоды жизненного пути, которые они пытались проанализировать, сравнивая свое «Я» и совокупное «мы». Это позволило осмыслить их биографию через наиболее лично значимые «смыслообразующие моменты» жизненного пути. Как показывает практика применения нарративного интервью, такое самоосмысление и выделение своего «Я» наиболее трудно дается людям с низким уровнем образования, что характерно и для нашего исследования, когда матери-отказницы больше мыслят в категориях «мы», а не «Я». Только ситуация интервьюирования заставила их задуматься о себе как о субъекте социализации и самоактуализирующейся личности. Через глубинное интервью нами изучены индивидуальные судьбы матерей-отказниц, их конкретные жизненные ситуации. Личный опыт этих людей как совокупность частных практик повседневных забот и переживаний является как бы частным «фрагментом» общего социального опыта, позволяющим видеть общую картину социального благополучия общества (Гидденс, 2005).

Таким образом, качественный метод в нашей исследовательской практике является незаменимым способом сбора, обработки и анализа информации о конкретных индивидах и их личностных смыслах. В исследовании мы сконцентрировали внимание на агенте социального действия, его личностном повседневном опыте и взаимодействии с другими, выражающемся в словах, высказываниях, рассказах о собственной жизни.

Результаты

В нашем интервью на базе перинатального центра № 1 города Астана приняли участие 52 женщины и девушки в возрасте 17–38 лет. Спецификой данной выборки является рассмотрение только случаев волевого отказа матерей от детей, а не следствием принуждения государства (например, лишение родительских прав по приговору суда). Информация интервьюеров была обработана в программе MAXQDA, а полученные эмпирические данные позволили интерпретировать их следующим образом.

По возрасту на момент отказа: самая молодая отказница – 17 лет, самая возрастная – 36 лет (рис. 1).

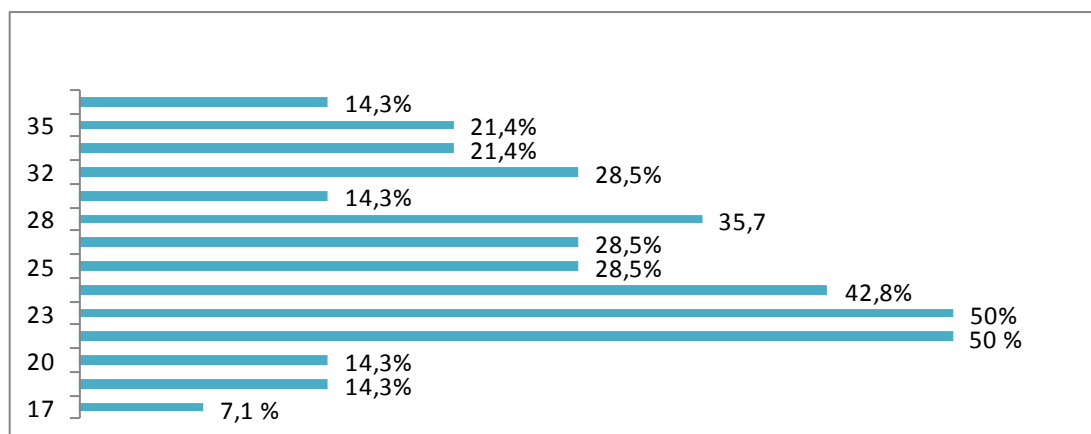

Рис. 1. Распределение женщин, отказавшихся от детей, по возрасту

Fig. 1. Distribution of women who abandoned children by age

Анализ выборки по возрасту показывает, что далеко не всегда отказываются от ребенка девочки-подростки. Средний возраст наших интервьюеров – 26 лет, а большинство из них достигли естественного детородного возраста (22–28 лет) и способны стать полноценными матерями. Следовательно, возраст – это важный, но не основной фактор формирования девиантного материнского поведения. Намного важнее социально-психологические факторы, связанные с социальным инфантилизмом, и незрелость личностного развития большинства отказниц, как результат «неудачной

социализации» (Н. Смелзер). По данным исследования, более половины опрошенных социализировались в неблагоприятной семейно-родительской среде, где детско-родительские отношения носили формальный «эмоционально и психологически холодный», а часто асоциальный характер. Эти психологические особенности первичной социализации изначально заложили негативный сценарий их жизненного пути. Так, по данным исследования, более половины проинтервьюированных матерей-отказниц воспитывались в условиях неполной семьи (табл. 2).

Таблица 2. Особенности первичной социализации матерей, отказавшихся от детей

Table 2. Features of primary socialization of mothers who abandoned children

Тип семейной социализации	Распределение по семейному положению интервьюеров, %			
	Замужем	Не замужем	Вдовы	Разведенные
Социализация в полной семье	85,7	46	–	50
Социализация вне родительской семьи у бабушки / дедушки	–	17,9	50	–
Социализировались мачехой	–	7,8	50	–
Социализировались отчимом	14,3	12,8	–	25
Социализировались родственниками	85,7	45	–	50

На момент интервью 25 женщин не состояли в браке, 12 женщин сожительствовали в гражданском браке от двух месяцев до трех лет, 9 женщин состояли в браке и 6 женщин были разведены, либо вдовы (рис. 2).

Анализ социально-территориальных характеристик личностных мотивов отказа от ребенка показывает, что большинство участниц исследования являются внутренними и внешними мигрантами из неблагополучных регионов Казахстана и ближнего зарубежья. Высокий уровень безработицы вынуждает их периодически срываться из родных мест с целью заработка и трудоустройства. Низкий уровень образования (табл. 3), как правило, позволял им занимать ниши лишь в сфере услуг: официантки, продавцы, пекари, технички, дворники и т. п. с доходом от 40000 до 100000 тенге в месяц (100–300 долларов). Большая часть этого, явно низкого для столицы, дохода уходила на аренду жилья (табл. 4).

Для 37 женщин беременность оказалась незапланированной. При этом количество первородящих женщин (36) превышает количество рожавших повторно (16) более чем вдвое. У 96 % детей-отказничков нет тяжелых или наследственных заболеваний.

Выявленные в ходе нарративного интервью причины отказа от детей можно распределить по следующим уровням: первый – материально-экономические (отсутствие жилья, работы, источников дохода), второй – социально-психологические (стремление скрыть от родителей и близких факт рождения внебрачного ребенка, отсутствие поддержки со стороны отца ребенка), третий – морально-нравственные (асоциальный образ жизни, рождение ребенка с проблемами по здоровью). Обобщение и систематизация причин позволили построить следующую иерархию факторов девиантного материнского поведения (рис. 3).

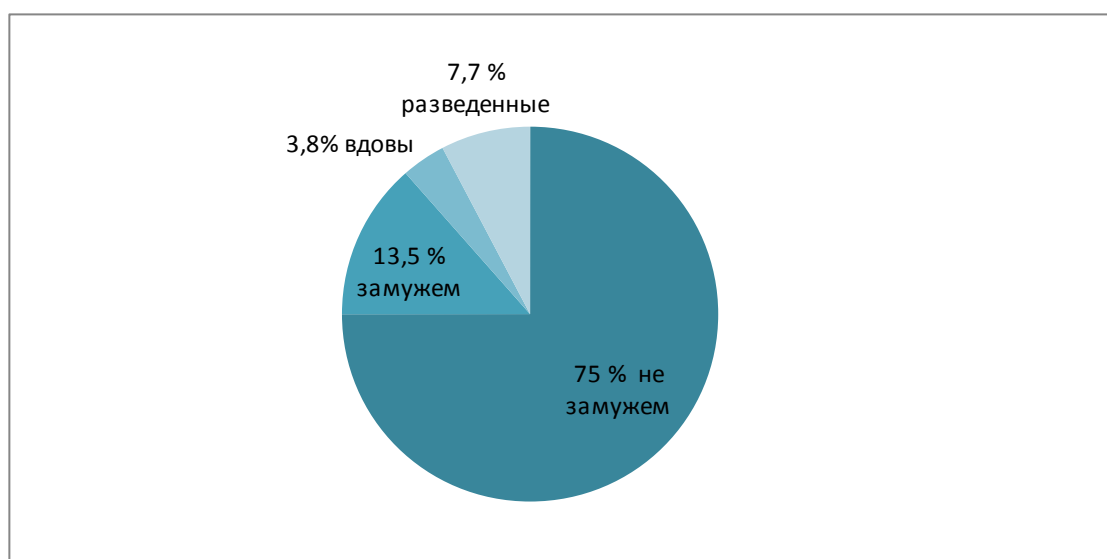

Рис. 2. Распределение женщин, отказавшихся от детей, по семейному положению

Fig. 2. Distribution of women who abandoned children by marital status

Таблица 3. Распределение матерей, отказавшихся от детей, по уровню образования

Table 3. Distribution of mothers who abandoned children by level of education

Распределение матерей, отказавшихся от детей, по уровню образования			
Высшее образование	Средне-специальное	Среднее образование	Не имеют полного среднего образования
1	12	31	8

Таблица 4. Распределение матерей, отказавшихся от детей, по наличию жилья

Table 4. Distribution of mothers who abandoned children by availability of housing

Распределение матерей, отказавшихся от детей, по наличию жилья				
Собственное жилье (проживание с родителями или мужем)	Арендуемое жилье (с подругами)	Совместное проживание с родственниками	Отсутствие жилья на момент выписки из роддома	Проживание в другом населенном пункте (приехали с целью отказа от ребенка)
4	34	6	5	3

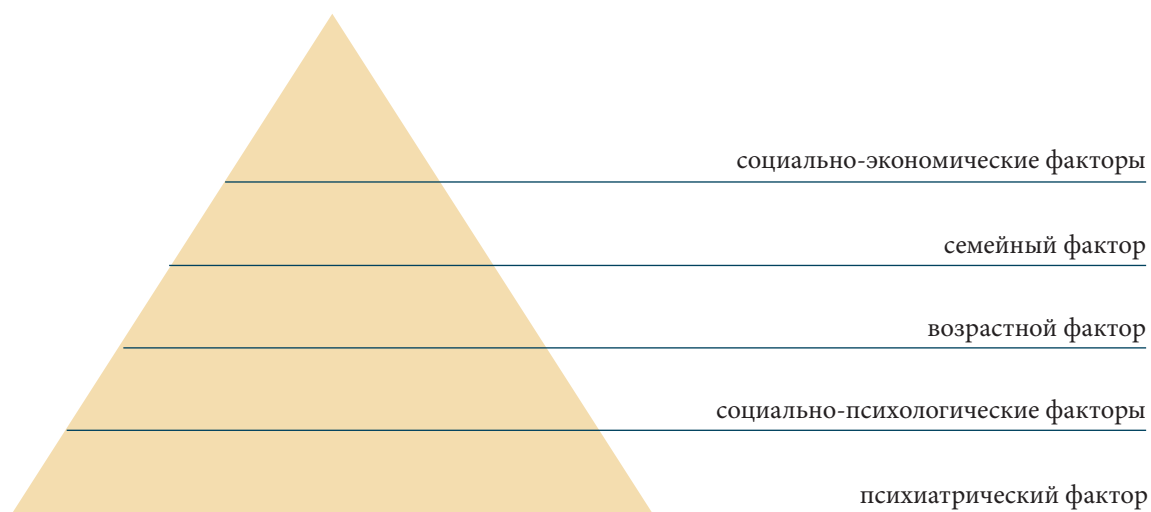

Рис. 3. Иерархия факторов девиантного материнского поведения

Fig. 3. Hierarchy of factors of deviant maternal behavior

Обсуждение

В ходе нарративного интервью были выявлены глубинные личностные причины отказа от ребенка. Результаты исследования убедительно доказывают, что сводить эту актуальнейшую проблему современного общества только к социально-экономическим и социокультурным факторам явно ошибочно. Безусловно, низкий уровень благосостояния современной семьи, культурные и религиозные традиции социума влияют

на женское поведение на всех этапах подготовки к материнству, однако большее влияние оказывают особенности социализации личности, заложенные в детские годы ценностные ориентиры, поведенческие модели и мировоззренческий потенциал. Большинство участниц опроса социализировались в условиях нестабильной или неблагополучной семьи, где отсутствовали родительская любовь и забота. Они с раннего детства впитали в себя своеобразную субкультуру бытового

насилия и агрессивного поведения, негативный опыт детско-родительских отношений. Значительная часть женщин испытали на себе унижающее достоинство обращение и холодное отношение со стороны родителей, прежде всего матери, что сформировало их модель социального поведения. Этот дефект, наложенный на неблагоприятные условия первичной социализации, позволяет нам рассматривать этих женщин как жертвы семейной десоциализации и «недостаточной затронути процессом гуманизации детско-родительских отношений» (Wasserman, 1967, с. 178).

Материнская депривация является глубинным корнем отказа от ребенка женщин, у которых происходило замещение семейных ролей. Функцию социализации выполняли родственники либо часто бабушка, которая не смогла стать «достаточно хорошей» матерью. Из нарративного интервью Динары К.: «Я была маленькая, когда мама отдала меня на воспитание бабушке, я ее не помню, бабушка говорила, что с мамой она отношения не поддерживала», Эльмиры Д.: «Меня воспитывала бабушка, у моей мамы была своя семья, она с нами не общалась, когда мне был 21 год, бабушка умерла, меня воспитывала тетя».

Отказницы скупыми словами описывают семью своей матери, но подробно и многообразно рассказывают о семье бабушки. В этом случае создается впечатление, что функциональной матерью, по крайней мере, основным ухаживающим взрослым была бабушка. В социализации внуков бабушки и дедушки делятся своим опытом, соблюдают обычаи и традиции, предполагающие уважение к предкам, когда образ человека старшего поколения был тесно связан с категорией жизненного опыта, его постепенного накопления и передачи молодым. Но в современном быстро меняющемся мире этот стиль воспитания остается неактуальным для сегодняшних внуков, так как предполагает гиперопеку, излишнюю заботу о внуках. По этой причине дети становятся несамостоятельными – зависимыми, эгоцентричными, инфантильными, не адаптированными к современному обществу. Приведем примеры из рассказов некоторых респондентов. Баян А.: «Бабушка меня никогда не ругала, всегда баловала», Индира А.: «Бабушка с дедушкой баловали меня, позволяли мне делать то, что я захочу, говорили, что я их самая любимая внучка», Гульжан Р.: «Бабушка любила меня, всегда заступалась и решала за меня все».

Тенденция социализации детей бабушками и дедушками в Казахстане становится популярнее с каждым днем. Оставляя своих детей, родители формируют скрытую (латентную) модель социального сиротства, которая может негативно сказаться на тех отношениях, которые в будущем появятся у этих детей. В условиях стремительного развития современного общества зачастую опыт и знания старшего поколения слабо применимы к молодежи, а иногда даже вредны в силу

изменившихся условий жизни, культурных трендов и новых жизненных обстоятельств. Именно поэтому молодежь самостоятельно, методом проб и ошибок ищет собственные способы выживания и выхода из сложных жизненных ситуаций. Алвин Тоффлер отмечает: «Сейчас жизненный стиль стал способом, с помощью которого индивид идентифицирует себя с той или иной субкультурой». Стиль жизни становится способом социальной адаптации человека к современным условиям цивилизации (Toffler, 1970).

В этих условиях личностная незрелость индивида отражается на качестве его социализации и образа жизни. Стереотипное восприятие качества жизни современного человека отражается в ответах участниц нарративных интервью. Так, отвечая на вопрос: «Является ли работа для них необходимой частью жизни или только неизбежным злом?», чаще всего звучал ответ: «Надо работать в меру и зарабатывать столько, чтобы достойно обеспечить себя и ребенка всем необходимым» (35 %). Часть опрошенных предпочла бы высокие заработки, «чтобы покупать все, что душе захочется», причем 10 % из них хотели бы вообще не работать, а 5 % – иметь такую работу, чтобы она была неустойчивой, но высоко оплачиваемой. И только 2 % интервьюеров высказались за адекватную зарплату: «Не стоит гнаться за большим заработком, главное, чтобы работа приносила удовлетворение и соответствовала твоим склонностям и интересам» (Жанна, 22 г.). Правда, последнее мнение явно не согласуется с их же выбором наиболее важных жизненных целей. В целом о желании иметь интересную работу, позволяющую проявить свои способности, заявили 20 % опрошенных, 10 % хотели бы повысить свой образовательный уровень. Налицо парадоксальная ситуация: отказываясь от своего ребенка и обрекая себя на асоциальный образ жизни, большинство отказниц декларируют просоциальные ценности и социальные установки.

В процессе нарративного интервью было установлено, что решение об отказе от новорожденного ребенка возникло у этих женщин, как правило, задолго до самого рождения ребенка в результате борьбы мотивов – когда природный инстинкт материнства и общественная мораль противостоят жизненным обстоятельствам и нежеланию их преодолеть. По всей видимости, все ссылки на неблагоприятные условия жизни всего лишь обычное бегство от ответственности.

Часто звучащая ссылка на отсутствие помощи со стороны отца ребенка при отказе от ребенка есть не что иное, как проявление обратной агрессии как к ребенку, так и к его отцу. В этом случае многие женщины объясняют свое девиантное материнское поведение «благородными» побуждениями: «Все равно я этого ребенка любить не буду, я буду мстить ему за те обиды и страдания, что нанес мне его отец» (Алла, 29 лет).

Как правило, эти женщины уверены, что для их ребенка найдется идеальная семья «крутого бизнесмена», в которой ему будет лучше. Подобная мотивация отказа «выгодна» для ребенка только по одной причине – матери сразу подписывают отказ, и ребенок получает шанс быстрее найти приемную семью.

Большинство женщин-отказниц не до конца уверены в правильности своего решения, иначе бы они прервали беременность на ранних ее этапах, как это делают так называемые сторонники движения *Childfree*, которые готовы на аборт даже на поздних сроках, опасных для жизни. Поэтому чем больше в окружении женщины людей, которым она небезразлична, тем больше шансов склонить ее к сохранению своего святого призывания – быть матерью.

Заключение

Системный анализ эмпирических данных позволяет сделать ряд принципиально важных выводов относительно личностных особенностей женщин-отказниц. Так, характерной особенностью таких женщин является их психологическая и эмоциональная незрелость, проявляющаяся в инфантилизме, эгоцентризме, аффективной несдержанности, материнской депривации. Отличительными чертами выступали неадекватная самооценка, повышенная личностная и ситуативная тревожность, неразрешенные комплексы и страхи, эмоциональная неуравновешенность, неуверенность в успешном выполнении материнской роли. В некоторых случаях наблюдались глубокие личностные нарушения, связанные с конфликтными взаимоотношениями в семье, члены которой зачастую оказываются морально и материально не подготовленными к рождению ребенка, в связи с социальным статусом женщины, не имеющей возможности создать полноценную семью вследствие отказа мужчины, от которого она забеременела, выполнять роль отца.

Исследование еще раз убедительно показало важное значение первичной социализации для становления личности ребенка и роли родителей в этом процессе. Социализация личности, социально-экономический и культурный статус семьи, образовательный уровень родителей в значительной мере определяют жизненный сценарий ребенка. Помимо ответственного и целенаправленного воспитания в семье, на ребенка огромное влияние оказывает социально-психологический климат, внутрисемейная модель детско-родительских отношений, кумулятивный эффект которых с возрастом только накапливается, преломляясь в структуре личности. Специфика детско-родительских отношений, степень их доверия и отзывчивости, эмоциональной близости и привязанности оказывают влияние на личность не только в детские годы, но и на всем протяжении жизни, являясь своеобразным эталоном социального поведения.

Важно отметить, что в условиях модернизации общественного сознания в Казахстане стираются границы прежних социальных норм: старая ценностно-мотивационная система разрушена, а новая еще не утвердилась как общепринятая. Социальные изменения негативно сказываются на некоторых социальных группах, в том числе на семье и детях, которые перестают чувствовать свою сопричастность к общественным процессам, что в дальнейшем сказывается на уровне социальных установок и поведении, как это мы наблюдали в случае отказа от новорожденных детей, связанного с факторами личностного характера. С уверенностью можно утверждать, что внешние социальные макрофакторы, такие как безработица, отсутствие жилья и источников дохода, являются второстепенными при формировании проблемы «социального сиротства», главными же являются личностные факторы, заложенные в самой женщине.

Список литературы

- Бейкер, К., Варги, А. Я. (ред.) (2005). *Теория семейных систем Мюррея Боуэна. Основные понятия, методы и клиническая практика*. Москва: Когито-Центр.
- Беккер, Г. (1998). Аутсайдеры. В *Контексты современности: хрестоматия* (стр. 61–65). Казань: АБАК.
- Бурдые, П. (2007). *Социальное пространство. Поля и практики*. Москва: Алетейя.
- Вебер, М. (1990). Основные социологические понятия. В *Избранные произведения*. Москва: Прогресс.
- Гидденс, Э. (2005). *Устроение общества. Очерк теории структуризации*. Москва: Академический проект.
- Дементьева, И. Ф. (2008). Социализация детей в семье: теории, факторы, модели. *СОЦИС*, (1), 40–49.
- Доклад ЮНИСЕФ (2006). *Положение детей в мире 2006*. Le Fonds des Nations Unies pour l'enfance (UNICEF). <https://www.unicef.org/>
- Дюркгейм, Э. (1996). *О разделении общественного труда* (перевод с французского А. Б. Гофмана). Москва: Канон.
- Дюркгейм, Э. (1998). *Самоубийство: социологический этюд* (перевод с французского А. Н. Ильинского). Санкт-Петербург: Союз.
- Казахстанская правда (2013). Так переплетаются судьбы. В *Казахстанская правда* от 08.06.2013 г. <https://kazpravda.kz/?ysclid=lbm8bpuhm4336637706>
- Лемерт, Э. (1998). Социальная патология. В *Контексты современности: хрестоматия* (стр. 58–61). Казань: АБАК.
- Махалля, вся правда об Узбекистане. В *Казахстане снижается число отказов от детей*. <https://maxala.org/>

- Мертон, Р. К. (1992). Социальная структура и аномия. *Социологические исследования*, 3, 91–105.
- Мертон, Р. К. (2003). *Социальная структура и аномия*. Социология. Хрестоматия. Москва: Гардарики.
- Рыбинский, Е. М. (1997). Управление социальной защиты детства. *Российский журнал социальной работы*, 15, 25–31.
- Щеглова, С. Н. (1999). *Детство как социальный феномен: Концепция социального конструирования детства*: дис. ... д-ра социол. наук. Москва.
- Ядов, В. А. (2003). *Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности*. Москва: Академкнига.
- Chamberlen, R. W. (1988). *Beyond individual risk assessment*. Washington.
- Goffman, E. (2000). *Asylums*. London: Penguin Books.
- Nash, E. S. (1990). Aggressive behaviors in young mother. *Pan African Medical Journal*, 77(3), 147–151.
- Newell, F. (1934). Psychodynamics of maternal rejection. *American Journal of Orthopsychiatry*, 4, 387–401.
- Toffler, A. (1970). *Futuze Shock*. New York: Random House.
- Wasserman, S. (1967). The abused parent of the abused child. *Children*, 14 (Sept.- Oct.), 175–179.
- Winter, S. (1987). The abandoned newborn. *Harefuah*, 112 (7), 360–362.

Reference

- Bejker, K., Vargi, A. Ya. (red.) (2005). *Teoriya semejnyh sistem Myurreya Bouena. Osnovnye ponyatiya, metody i klinicheska-ya praktika*. Moscow: Kogito-Centr.
- Bekker, G. (1998). Autsajdery. V *Konteksty sovremenosti: hrestomatiya* (str. 61–65). Kazan': ABAK.
- Burdë, P. (2007). *Social'noe prostranstvo. Polya i praktiki*. Moscow: Aletejya.
- Veber, M. (1990). Osnovnye sociologicheskie ponyatiya. V *Izbrannye proizvedeniya*. Moscow: Progress.
- Giddens, E. (2005). *Ustroenie obshchestva. Ocherk teorii strukturacii*. Moscow: Akademicheskij projekt.
- Dement'eva, I. F. (2008). Socializaciya detej v sem'e: teorii, faktory, modeli. *SOCIS*, (1), 40–49.
- Doklad YUNISEF (2006). *Polozhenie detej v mire 2006*. Le Fonds des Nations Unies pour l'enfance (UNICEF). <https://www.unicef.org/>
- Dyurkgejm, E. (1996). *O razdelenii obshchestvennogo truda* (perevod s francuzskogo A. B. Gofmana). Moscow: Kanon.
- Dyurkgejm, E. (1998). *Samoubijstvo: sociologicheskij etjud* (perevod s francuzskogo A. N. Il'inskogo). Saint Petersburg: Soyuz.
- Kazahstanskaya pravda (2013). Tak perepletayutsya sud'by. V *Kazahstanskaya pravda* ot 08.06.2013 g. <https://kazpravda.kz/?ysclid=lbm8bpuhm4336637706>
- Lemert, E. (1998). Social'naya patologiya. V *Konteksty sovremenosti: hrestomatiya* (str. 58–61). Kazan': ABAK.
- Mahallya, vsya pravda ob Uzbekistane. V *Kazahstane snizhaetsya chislo otkazov ot detej*. <https://maxala.org/>
- Merton, R. K. (1992). Social'naya struktura i anomiya. *Sociologicheskie issledovaniya*, 3, 91–105.
- Merton, R. K. (2003). *Social'naya struktura i anomiya*. Sociologiya. Hrestomatiya. Moscow: Gardariki.
- Rybinkij, E. M. (1997). Управление social'noj zashchity detstva. *Rossijskij zhurnal social'noj raboty*, 15, 25–31.
- Shcheglova, S. N. (1999). *Detstvo kak social'nyj fenomen: Konceptiya social'nogo konstruirovaniya detstva*: дис. ... d. sociol. n. Moscow.
- Yadov, V. A. (2003). *Strategiya sociologicheskogo issledovaniya: opisanie, ob'yasnenie, ponimanie social'noj real'nosti*. Moscow: Akademkniga.
- Chamberlen, R. W. (1988). *Beyond individual risk assessment*. Washington.
- Goffman, E. (2000). *Asylums*. London: Penguin Books.
- Nash, E. S. (1990). Aggressive behaviors in young mother. *Pan African Medical Journal*, 77(3), 147–151.
- Newell, F. (1934). Psychodynamics of maternal rejection. *American Journal of Orthopsychiatry*, 4, 387–401.
- Toffler, A. (1970). *Futuze Shock*. New York: Random House.
- Wasserman, S. (1967). The abused parent of the abused child. *Children*, 14 (Sept.- Oct.), 175–179.
- Winter, S. (1987). The abandoned newborn. *Harefuah*, 112 (7), 360–362.

Информация об авторе:

Александр Николаевич Тесленко – доктор педагогических наук (РК), доктор социологических наук (РФ), профессор кафедры социально-педагогических дисциплин Кокшетауского университета им. А. Мырзахметова, директор Центра ювенологических исследований, Республика Казахстан, г. Астана
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

About the author:

Alexander N. Teslenko – Doctor of Pedagogical Sciences, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Social and Pedagogical Disciplines, Kokshetau University named after A. Myrzakhmetov, Head of Juvenile Research Center, Republic of Kazakhstan, Astana.

The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 07.09.2022

Одобрена после рецензирования 24.11.2022

Опубликована 29.12.2022

Submitted September 7, 2022

Approved after reviewing November 24, 2022

Accepted December 29, 2022

Оригинальная статья

УДК 159.9.072.43

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-4-397-407

Возможные маркеры аддиктивного поведения при окулографическом исследовании

Ирина Владимировна Воробьева

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
lorisha@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0561-3888

Алёна Игоревна Матвеева

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
lyonchik_7777@list.ru

ORCID: 0000-0002-9595-3458

Ольга Владимировна Кружкова

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
galiat1@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2569-8789

Сергей Дмитриевич Робин

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
robinseryi@gmail.com

ORCID: 0000-0002-1920-4834

Аннотация

Процесс цифровизации, создавая условия для формирования новых видов зависимостей – цифровых аддикций, трансформировал существующие механизмы диссеминации химических форм аддиктивного поведения. Изменения форм, способов и разновидностей психоактивных веществ (ПАВ) и поведенческих моделей актуализируют необходимость глубокого понимания причин данного явления и определения маркеров его проявления. Сложность превентивной диагностики зависимого поведения ставит вопрос использования новых, принципиально иных механизмов получения информации. Необходимыми качествами обладает метод окулографии (или айтрекинга), позволяющий определить скрытые интенции человека с помощью анализа его глазодвигательной активности.

Цель исследования – определение диагностических возможностей метода айтрекинга в выявлении склонности к аддиктивному поведению.

Исследование было проведено в рамках лабораторного эксперимента с применением айтрекера Tobii Pro Spectrum путем демонстрации стимульного материала «поиск слов в филворде».

В эксперименте проверялась гипотеза о подтверждении опыта употребления наркотических, табакосодержащих веществ и алкоголя у молодежи на основании полученных в результате айтрекинга психофизиологических данных. В результате исследования было выявлено, что испытуемые не демонстрируют статистически значимых различий в поиске нейтральных и триггерных стимулов по группе «Алкоголизм», однако нейтральные слова в группе «Наркомания» они замечают и прочитывают чаще.

Проведенный эксперимент позволяет констатировать наличие у метода окулографии диагностических возможностей в отношении выявления маркеров аддиктивного поведения по группе употребления наркотических веществ. Продолжение экспериментальных исследований в данном направлении представляется перспективным и востребованным, поскольку использование психофизиологического метода повышает надежность получаемых данных, минимизирует фактор социальной желательности и оптимизирует саму процедуру диагностики.

Ключевые слова

аддиктивное поведение, маркеры аддиктивного поведения, диагностика, психофизиологический метод, метод айтрекинга, метод окулографии

Original paper

Irina V. Vorobyova

Ural State Pedagogical University
(Yekaterinburg, Russia)

lorisha@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0561-3888

Olga V. Kruzhkova

Ural State Pedagogical University
(Yekaterinburg, Russia)

galat1@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2569-8789

Alyona I. Matveeva

Ural State Pedagogical University
(Yekaterinburg, Russia)

lyonchik_7777@list.ru

ORCID: 0000-0002-9595-3458

Sergey D. Robin

Ural State Pedagogical University
(Yekaterinburg, Russia)

robinseryi@gmail.com

ORCID: 0000-0002-1920-4834

Possible markers of addictive behavior in oculographic examination

Abstract

The process of digitalization, creating conditions for the formation of new types of addictions - digital addictions, has transformed the existing mechanisms for the dissemination of chemical forms of addictive behavior. Changes in the forms, methods and varieties of psychoactive substances (PS) and behavioral models actualize the need for a deep understanding of the causes of this phenomenon and the definition of markers for its manifestation. The complexity of the preventive diagnosis of addictive behavior raises the question of using new, fundamentally different mechanisms for obtaining information. The oculography (or eye-tracking) method has the necessary qualities, which allows you to determine the hidden intentions of a person by analyzing his oculomotor activity. The purpose of the study is to determine the diagnostic capabilities of the eye-tracking method in identifying a tendency to addictive behavior. The study was conducted as part of a laboratory experiment using the Tobii Pro Spectrum eyetracker by demonstrating the stimulus material "search for words in the fieldword". The experiment tested the hypothesis of confirming the experience of using drugs, tobacco-containing substances and alcohol among young people on the basis of the psychophysiological data obtained as a result of eye-tracking. As a result of the study, it was found that the subjects do not show statistically significant differences in the search for neutral and trigger stimuli in the «Alcoholism» group, but they notice and read neutral words in the «Drug addiction» group more often. The conducted experiment allows us to state that the oculography method has diagnostic capabilities in relation to identifying markers of addictive behavior in the group of drug use. The continuation of experimental research in this direction seems promising and in demand, since the use of the psychophysiological method increases the reliability of the data obtained, minimizes the factor of social desirability and optimizes the diagnostic procedure itself.

Keywords

addictive behavior, markers of addictive behavior, diagnostics, psychophysiological method, eye-tracking method, oculography method

For citation: Vorobyova, I. V., Kruzhkova, O. V., Matveeva, A. I., Robin, S. D. (2022). Possible markers of addictive behavior in oculographic examination. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(4), 397–407. doi: 10.35750/2713-0622-2022-4-397-407.

Для цитирования: Воробьева, И. В., Кружкова, О. В., Матвеева, А. И., Робин, С. Д. (2022). Возможные маркеры аддиктивного поведения при окулографическом исследовании. *Российский девиантологический журнал*, 2(4), 397–407. doi: 10.35750/2713-0622-2022-4-397-407.

Введение

Распространение аддиктивного поведения среди молодежи по-прежнему остается одной из самых актуальных социальных проблем. При этом процесс цифровизации, с одной стороны, создал условия для формирования новых специфических зависимостей,

так называемых цифровых аддикций (зависимость от социальных сетей, игровая зависимость и др.) (Xin et al., 2018), а с другой, трансформировал механизмы диссеминации химических форм аддиктивного поведения (Stockings & Degenhardt 2020; Ментюкова, Пуствалова, 2022). Так, данные последних исследований

показывают устойчивые темпы роста у молодежи наркотических и токсических зависимостей, в том числе табакокурения, употребления алкогольных напитков (Ступина, 2022). Среди поведенческих аддикций доминируют интернет-зависимость (зависимость от цифровой коммуникации) и игровая компьютерная аддикция (Кочетков, 2020). Меняются формы, способы, виды и разновидности психоактивных веществ и поведенческих моделей, что ставит перед специалистами, с одной стороны, задачу детального мониторинга проблемы распространения аддиктивного поведения, а с другой, актуализирует необходимость глубокого понимания причин данного явления, механизмов его формирования и маркеров проявления.

В научной литературе под аддиктивным поведением понимают форму деструктивного поведения, которая характеризуется стремлением к бегству от действительности путем изменения своего психического состояния с помощью приема каких-либо веществ (Кулаков, 2003). А. В. Смирнов полагает, что «аддиктивное поведение – это рецидивирующее, компульсивное, ясно и рационально немотивированное, не поддающееся контролю побуждение к совершению определенных действий или поступков, конечной целью которых является получение субъективного физического и психологического удовольствия, источником которого могут выступать как психоактивные вещества, так и различные виды деятельности, опредмечивающие аддикцию» (Смирнов и др., 2022, с. 8). Таким образом, такая модель поведения характеризуется потерей контроля (частичного или полного), повторением определенных действий, ориентированных на кратковременное получение удовольствия и появление отсроченных во времени негативных последствий (Donovan et al., 2012).

Анализируя маркеры аддиктивного поведения, позволяющие предположить его наличие у человека, А. Ю. Егоров указывает, что в этом вопросе ученые придерживаются различных подходов (Егоров, 2020). Так, например I. Marks считает, что для нехимических зависимостей будут характерны: побуждение к контрпродуктивной поведенческой деятельности; нарастающее напряжение, пока деятельность не будет завершена; кратковременное снятие напряжения при завершении данной деятельности; появление повторной тяги и напряжения через определенные промежутки времени; специфические проявления конкретной поведенческой аддикции; определение последующей жизнедеятельности через внешние и внутренние проявления (дисфория, тоска); наличие гедонистического оттенка на ранних стадиях аддикции (Marks, 1990). R. I. F. Brown сформулировал шесть маркеров, универ-

сальных для всех вариантов аддикции: наличие сверхценности, переживание эйфории, рост толерантности, появление симптома отмены, обострение конфликтов с окружающими и самим собой, наличие рецидивов (Brown, 1993). Описанные признаки демонстрируют стадийность в формировании зависимого поведения и указывают на очевидные трудности его выявления. Все это создает новые вызовы для решения задач раннего выявления склонности молодежи к подобной форме отклоняющегося поведения с целью предупреждения развития соответствующей поведенческой модели.

”

*Проведенный эксперимент
позволяет констатировать
наличие у метода окулографии
диагностических возможностей
в отношении выявления
маркеров аддиктивного
поведения по группе
употребления наркотических
веществ*

“

Сложность превентивной диагностики зависимого поведения заключается в том, что любые инструменты, сконструированные на основе метода опроса, ожидаемо демонстрируют высокую степень недостоверности результатов в связи с высокой социальной желательностью ответов на прямые вопросы, связанные с употреблением психоактивных веществ или вовлечением в какие-либо виды деятельности. Принципиально иным механизмом получения информации обладает метод окулографии или айтрекинга, относящийся к психофизиологическим и аппаратным методам психологических измерений. Он позволяет определить скрытые интенции человека с помощью анализа его глазодвигательной активности, точек фиксации взгляда, саккад, появляющихся при предъявляемой визуальной информации, а также моргания и изменения диаметра зрачка, что является объективными признаками непроизвольного внимания человека к значимым для него объектам¹.

¹ Барабанщиков, В. А., Жегалло, А. В. (2014). *Айтрекинг: методы регистрации движений глаз в психологических исследованиях и практике: учебное пособие*. Москва: Когито-центр.

Сам метод отслеживания движения глаз или глазодвигательных реакций человека стал использоваться в науке еще в XX веке, однако, как считают специалисты, он был несовершенен в связи с отсутствием технологических решений, точной аппаратуры и способов обработки получаемой информации (Чернявская, Панченко, 2019). Сегодня эти задачи решены, более того, можно констатировать наличие системного совершенствования технического оборудования для айтрекинга, появление новых программных продуктов, облегчающих расчеты и обеспечивающих визуализацию получаемых результатов (Игнатовский, Иванов, 2020).

Метод айтрекинга в наше время широко используются для определения скрываемой информации, при этом показана его результативность при решении наиболее сложных задач, касающихся исследования памяти человека (Яцык, 2016). Так, на основе метода видео окулографии разработан метод оценки психоэмоционального состояния человека, а также психофизиологических реакций для выявления лжи. При этом такой метод отличается надежностью, высокой прогностичностью и предполагает минимальную подготовительную работу с респондентом (Жбанкова, Гусев, 2018).

Отметим, что области науки и практики, в которых сегодня используется этот метод, многообразны: профотбор кандидатов в опасные виды профессий (Бухтияров и др., 2019), изучение когнитивных механизмов обучающихся в образовательном процессе с использованием технических устройств (Клоктунова и др., 2019), решение разнообразных задач при юзабилити-исследованиях (Компаниец, Лызь, 2017), диагностика психических отклонений (Лобачев и др., 2017) и многое другое. Таким образом, метод окулографии или айтрекинга представляется перспективным и обладает очевидными диагностическими преимуществами, в том числе для решения задачи выявления склонности к зависимому поведению.

Целью настоящего исследования выступило определение диагностических возможностей метода айтрекинга в выявлении склонности к аддиктивному поведению. Склонность к данной форме отклоняющегося поведения рассматривалась как наличие у участников исследования опыта употребления психоактивных веществ, поскольку формирование поведенческой модели зависимого поведения стадийно, временной диапазон вовлечения индивидуален и обусловлен видом веществ, однако в любом случае предполагает их систематическое использование. В эксперименте проверялись гипотезы о подтверждении опыта употребления наркотических, табакосодержащих веществ и алкоголя у молодежи посредством метода окулографии.

Описание исследования

Методы исследования

Исследование было проведено в рамках лабораторного эксперимента с применением айтрекера Tobii Pro Spectrum (150 Hz) путем демонстрации стимульного материала «поиск слов в филворде». Слайды со стимульным материалом демонстрировались на экране ЖК монитора Eizo FlexScan EV245, разрешение экрана 1920x1080. Расстояние от глаз испытуемых до поверхности экрана 53 см. В ходе эксперимента велась запись движений глаз, общего поведения участников, а также протоколировались высказывания и комментарии. Инструкция для выполнения задания давалась в письменном (слайд на экране) и устном (комментарий экспериментатора) виде. Вход на слайд осуществлялся с ориентированной на центр экрана позиции взгляда испытуемого.

В эксперименте приняли участие студенты первого и второго курсов вуза – 27 девушек в возрасте 17–19 лет. По данным беседы с испытуемыми, 23 человека из 27 имеют в анамнезе опыт употребления алкоголя, 21 из 27 – опыт табакокурения, 5 из 27 – опыт употребления наркотических средств.

Проведение эксперимента включало несколько этапов:

- заполнение информированных согласий на диагностику, в том числе с использованием айтрекера, на видеосъемку;

- проведение исследования на айтрекере;

- индивидуальная беседа с участником эксперимента для сбора данных о его опыте употребления психоактивных веществ, а также характеристик его социального окружения;

- обработка результатов и их интерпретация.

Фиксация результатов осуществлялась посредством построения индивидуальных и групповых тепловых карт зон внимания, индивидуальных сценариев движения глаз (Gaze Plots), учета времени (секунды) и количества (единицы) фиксации взгляда на нейтральных и триггерных стимулах, времени (секунды) и количества (единицы) присутствия (визитов) взгляда в зонах нейтральных и триггерных стимулов, количества (единицы) названных испытуемыми нейтральных и триггерных стимулов для каждой тематической группы. При определении окуломоторных маркеров субъективной значимости стимула мы опирались на подход Ю. В. Бессоновой и А. А. Обознова, констатирующих, что последовательность рассматривания, временные показатели фиксации (суммарное время, удельное рассматриванию, длительность первой фиксации, усредненная длительность фиксации) и скоростные характеристики саккад (их длительность и скорость) можно рассматривать в качестве информативных показателей, демонстрирующих значимость раздражителя для человека (Бессонова, Обознов, 2019).

Математико-статистическая обработка данных осуществлялась в программе JASP (непараметрические критерии сравнительного анализа: критерий Манна-Уитни для сравнения независимых выборок и критерий Вилкоксона для сравнения связанных выборок).

Материалы исследования

Подготовка стимульного материала для исследования осуществлялась в несколько этапов. Изначально был составлен первичный список слов по каждой из трех ключевых тем: «Алкоголизм», «Табакокурение», «Наркомания». С помощью Онлайн-словаря ассоциаций² был осуществлен отбор семантически подходящих слов из общего числа коллективных ассоциаций, представленных на сайте. Из списка были исключены слова с несколькими значениями (двойным смыслом).

Далее для каждого из 30 слов общего списка была определена частота употребления с помощью Частотного словаря современного русского языка (Ляшевская, Шаров, 2009). После этого для каждого слова с негативным окрасом, имеющего отношение к определенным видам аддикции, было подобрано нейтральное слово, аналогичное по частоте употребления данной леммы на 1 миллион употреблений, но не имеющего прямой ассоциации, связанной с ключевыми словами исследования (алкоголизм, табакокурение, наркомания). Полученный список (таблица 1) стал базой для создания стимульного материала.

С помощью интернет-сервиса «Onlinetestpad»³ были созданы филворды с зашифрованными 10 парами слов-стимулов (триггерное слово и его нейтральная пара). Филворд – это кроссворд, представляющий собой заполненную буквами сетку, в которой нужно находить слова, соединяя рядом стоящие буквы. Отличительная особенность венгерского филворда (использовавшегося в исследовании) состоит в том, что слова не пересекаются между собой. Ставилась задача найти все зашифрованные слова. Были подготовлены три филворда (один по каждой смысловой группе слов: алкоголизм, табакокурение, наркомания) каждый из которых имел размер 20 на 20 букв и содержал 20 слов (триггерное слово и его нейтральная пара), расположенных строго горизонтально слева направо. Пустые ячейки сетки заполнялись случайными буквами, а возможность найти незапланированные слова была исключена на этапе разработки. Пример филворда по теме «Алкоголизм» представлен на рисунке 1.

Испытуемым давалась инструкция: «На данном этапе исследования Вам будет продемонстрировано 3 филворда. Ваша задача в течение ограниченного времени найти слова. Слова расположены только по горизонтали слева направо. Каждое найденное слово

необходимо сразу же произнести вслух! По истечении времени Вам будет показан белый слайд с точкой. Вам необходимо остановить взгляд на этой точке для перехода на следующий филворд». Каждый слайд демонстрируется в течение 20 секунд, затем изображение переключается на «точку» (изображение с единственной черной точкой посередине) до тех пор, пока взгляд не будет сфокусирован на точке в течение 0,5 секунд, после чего автоматически осуществляется переход на следующий слайд с филвордом.

Й	Ц	К	П	Й	Щ	Л	В	А	Д	Л	А	В	О	Д	К	А	У	А	Е
Ф	В	П	О	С	П	И	Р	Т	Н	О	Е	Й	Ц	К	Е	Н	Ш	Щ	З
П	О	Е	З	Д	И	Ь	А	А	Н	Т	Р	А	К	Т	Ы	С	К	Н	А
М	Ж	Ц	Щ	В	Л	П	И	Т	Б	Д	Щ	К	Д	И	В	А	Н	Ы	В
Ы	П	О	Х	М	Е	Л	Ь	Е	М	Ж	Ш	Щ	Р	Ж	Д	Л	Ф	У	Ф
З	Щ	Ы	В	Ю	Ь	Ц	В	Ы	Т	Р	Е	З	В	И	Т	Е	Л	Ь	О
Щ	Ш	Ф	Ц	Ы	Ю	Ь	Т	В	Б	Я	П	Л	П	Л	Ы	У	Т	К	Ф
З	Т	А	Б	Л	И	Ц	А	Ь	Ц	И	В	И	У	Я	П	И	В	О	К
Ш	У	О	О	Т	Р	Л	Р	У	Х	З	У	Ж	Д	Т	Б	Ч	О	Б	Ь
Х	Г	А	В	И	Н	О	К	Ы	П	Л	Е	Д	Ч	М	Е	У	Я	А	П
Ч	С	Я	Ш	Г	А	Ц	Д	У	А	И	Ь	П	А	Л	К	А	Ш	У	Е
Ч	Н	О	Г	Р	Ы	З	О	К	Т	Ц	П	Р	У	Т	И	К	С	Н	К
И	Н	Й	Ы	У	Ы	Ф	Ж	З	В	Р	Ж	О	Л	П	У	Ь	Т	Н	Я
Б	О	Д	У	Н	Ч	М	Ш	О	Б	А	Я	Н	И	Е	Х	Ш	О	Б	У
Щ	Ш	Н	Ц	О	В	О	Р	Ф	В	П	Р	В	Л	С	Т	С	М	С	И
М	О	Б	Ь	А	З	А	П	О	Й	Ю	Ч	С	Т	О	Р	А	Ф	К	Р
Ш	В	Е	Я	Х	Н	Г	А	А	Л	Т	Б	Ь	С	Я	М	С	В	А	Р
Я	И	С	Р	П	П	Е	Д	Ш	Г	Щ	Ы	П	Ь	Я	Н	С	Т	В	О
У	К	Л	А	Д	З	Ш	Н	А	А	В	П	И	А	Ч	Т	М	Ч	С	Я
Ю	Ь	Я	М	Ч	М	Ы	П	А	В	Н	Ц	А	Н	Ц	К	Е	Е	Р	Л

Рис. 1. Пример филворда по теме «Алкоголизм»

Fig. 1. An example of a field word on the topic «Alcoholism»

Результаты исследования

Учет опыта употребления психоактивных веществ для представленной выборки не определяет в значительной степени количественные показатели движений и фиксации взгляда при поиске нейтральных и триггерных стимулов на филвордах. Исключение составили случаи, когда более часто триггерные стимулы-слова группы «Табакокурение» называли испытуемые без опыта табакокурения (U=83 при p=0,035) и когда время визитов, их количество, а также количество фиксации на триггерных стимулах группы «Табакокурение» выше у испытуемых, утверждавших, что они не имеют опыта употребления алкоголя (U=68 при p=0,002; U=69 при p<0,001; U=64 при p=0,020 соответственно).

² Онлайн-сервис <https://sociation.org/>

³ Онлайн-сервис для создания филвордов и кроссвордов onlinetestpad.com

Таблица 1. Перечень слов с негативной окраской, сгруппированных по ключевым темам исследования, и подобранная пара нейтрально-окрашенных слов

Table 1. List of words with a negative connotation, grouped by key research topics, and a matched pair of neutrally connoted words

№ п/п	Слова негативного окраса по ключевым запросам (триггерные стимулы)	Частота леммы на 1 миллион употреблений	Нейтральные слова, подобранные по частоте употребления (нейтральные стимулы)
Группа «Алкоголизм»			
1	Водка	93,9	Поезд
2	Вино	80,9	Костюм
3	Пьянство	11,4	Обаяние
4	Похмелье	7	Уклад
5	Пиво	60,3	Диван
6	Запой	5,3	Антракт
7	Вытрезвитель	2,5	Огрызок
8	Алкаш	4,8	Плед
9	Бодун	0,9	Яшма
10	Спиртное	8,9	Прутик
Группа «Табакокурение»			
11	Никотин	1,9	Лисичка
12	Табак	16,3	Пирог
13	Сигарета	56,3	Контакт\Золото
14	Кальян	1,1	Ловкач\Лобик
15	Дым	58,8	Записка
16	Трубка	101,7	Стекло
17	Кашель	8,8	Дворик
18	Затяжка	3,2	Дверка
19	Вонь	5,9	Наклон
20	Окурок	11,9	Разбор
Группа «Наркомания»			
21	Игла	14,3	Пальма
22	Наркотик	32,8	Фонарь
23	Ломка	3,1	Локон
24	Кокаин	3,9	Кавычка
25	Травка	8,7	Утюг\Робот
26	Дурь	5,8	Сорока
27	Доза	22,4	График
28	Дилер	16,4	Обложка
29	СПИД	9,6	Чутье
30	Торчок	0,5	Тюлень

Качественный анализ тепловых карт зон внимания и индивидуальных сценариев движения глаз по пространству филворда позволил конкретизировать особенности восприятия нейтральных и триггерных стимулов респондентами с опытом и без опыта употребления ПАВ (рисунок 2).

Можно заметить, что присутствуют качественные отличия в применяемых стратегиях поиска слов по пространству филворда, а также в фиксации на стимулах разного характера (нейтральных и триггерных).

При сравнении фиксируемых показателей в отношении нейтральных и триггерных стимулов были обнаружены статистически значимые различия (таблица 2).

Таким образом, испытуемые девушки не демонстрируют статистически значимых различий в поиске нейтральных и триггерных стимулов по группе «Алкоголизм», однако нейтральные слова в группе «Наркомания» они замечают и прочитывают чаще, что может быть обусловлено отсутствием у большинства испытуемых опыта употребления наркотических веществ, когда триггерные стимулы данной группы не вызыва-

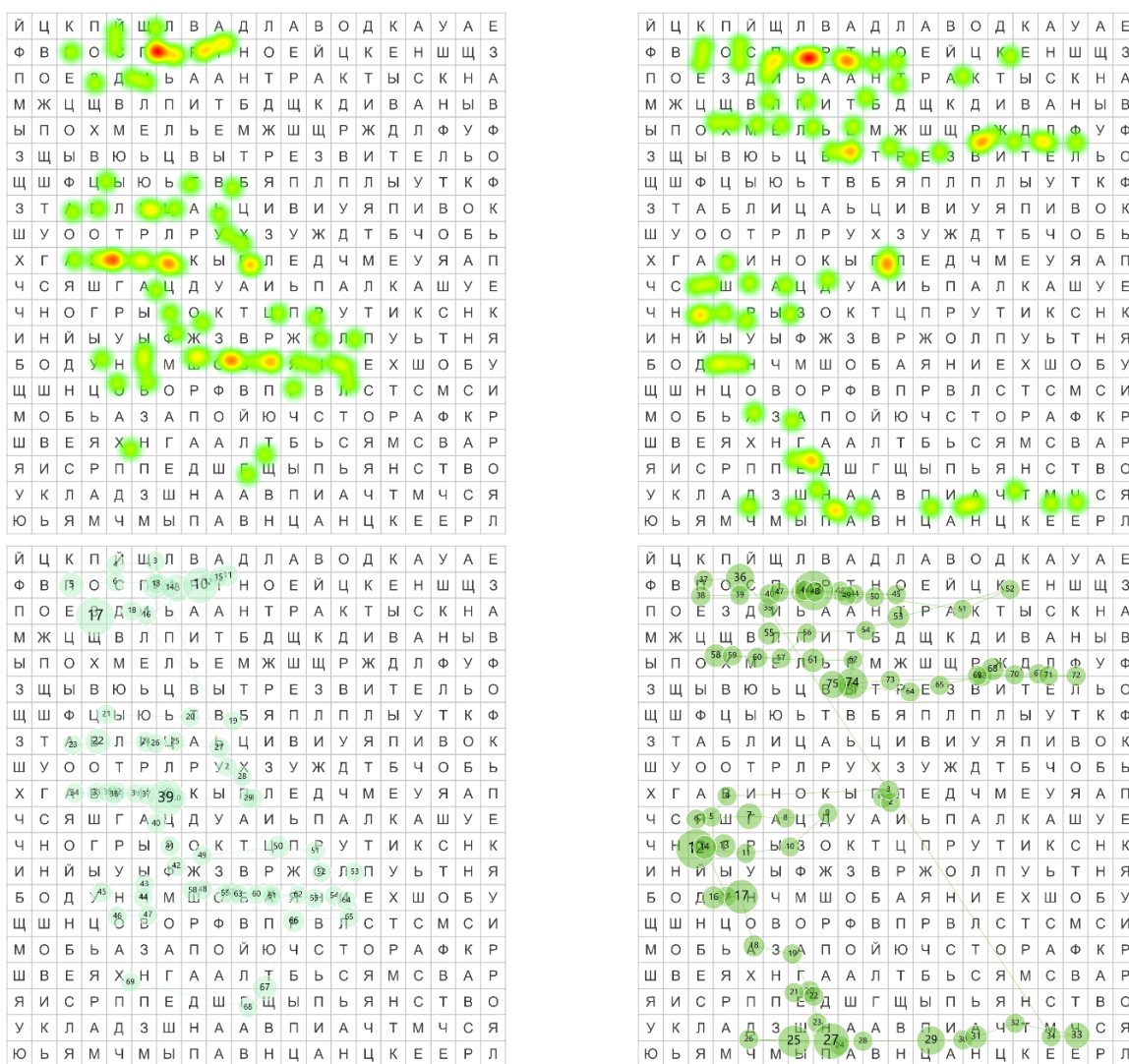

Рис. 2. Тепловые карты зон внимания и индивидуальные сценарии движения глаз по пространству филворда «Алкоголизм» испытуемого без опыта употребления алкоголя (слева) и испытуемого с опытом употребления алкоголя (справа)

Fig. 2. Heat maps of areas of attention and individual scenarios of eye movement in the space of the "Alcoholism" field word of a subject without experience of drinking alcohol (left) and a subject with experience of drinking alcohol (right)

Таблица 2. Результаты статистически значимых различий количественных показателей взгляда при поиске нейтральных и триггерных стимулов в филвордах

Table 2. Results of statistically significant differences in quantitative gaze indicators when searching for neutral and trigger stimuli in fillwords

Показатель	Коэффициент Вилкоксона	Уровень значимости, P	Среднее арифметическое	
			Триггерные стимулы	Нейтральные стимулы
Группа «Наркомания»				
Количество названных стимулов (ед.)	36,00	0,028	0,778	1,333
Общее время фиксации взгляда на зонах стимулов (с)	69,00	0,003	2,424	3,757
Общее время визитов взгляда в зоны стимулов (с)	75,00	0,005	2,648	4,036
Количество фиксации взгляда на зонах стимулов (ед.)	74,50	0,011	11,630	17,333
Количество визитов взгляда в зоны стимулов без фиксации (ед.)	50,00	0,002	4,963	7,000
Группа «Табакокурение»				
Количество названных стимулов (ед.)	25,50	<0,001	0,815	1,778
Количество визитов взгляда в зоны стимулов без фиксации (ед.)	42,50	0,011	6,444	8,444

ют непроизвольного внимания и не выступают доминантами восприятия. Для группы «Табакокурение» количество названных нейтральных стимулов и количество визитов взгляда в зоны данных стимулов статистически выше, чем в отношении триггерных стимулов указанной группы. Можно предположить, что социальное снисхождение по отношению к табакокурению и распространенность мнения о его условной нормативности снижает доминанту восприятия стимулов, связанных с употреблением табака.

Заключение

Таким образом, проведенный эксперимент позволяет констатировать наличие у метода окулографии диагностических возможностей в отношении выявления маркеров аддиктивного поведения по группе употребления наркотических веществ. Отсутствие чувствительности выбранного дизайна эксперимента к выявлению склонности к табакокурению и употреблению алкоголя может быть обусловлено широким распространением таких моделей поведения, определенным социальным принятием и допущением данной активности для молодежи, неочевидными негативными последствиями для общества, а также

подтвержденной протяженностью формирования аддикции при употреблении этих видов ПАВ.

Ограничениями исследования выступает пилотный характер проведенных работ, позволивший очертить возможности и обнаружить дефициты метода окулографии в выявлении склонности молодежи к аддиктивному поведению и однородная по полу выборка эксперимента. Вместе с тем продолжение экспериментальных исследований в данном направлении представляется перспективным и востребованным, поскольку использование психофизиологического метода повышает надежность получаемых данных, минимизирует фактор социальной желательности и оптимизирует саму процедуру диагностики.

Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства просвещения РФ «Научный анализ применения единой методики социально-психологического тестирования обучающихся, направленного на раннее выявление немедицинского потребления наркотических средств и психотропных веществ, и ее разработка».

Список литературы

- Бессонова, Ю. В., Обознов, А. А. (2019). Айтрекинг в диагностике правды-лжи. *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда*, 4(1), 46–86. EDN ZDDJGP.
- Бухтияров, И. В., Жбанкова, О. В., Юшкова, О. И., Гусев, В. Б. (2019). Новые психофизиологические подходы, применяемые при профотборе кандидатов в опасные профессии. *Медицина труда и промышленная экология*, (3), 132–141. <https://doi.org/10.31089/1026-9428-2019-3-132-141>. EDN ZBBKKL.
- Егоров, А. Ю. (2020). Нехимические (поведенческие) аддикции: вопросы типологии, диагностики и классификации. *Вопросы наркологии*, 4(187), 7–23. https://doi.org/10.47877/0234-0623_2020_4_7. EDN JKXZWR.
- Жбанкова, О. В., Гусев, В. Б. (2018). Применение айтрекинга в практике профессионального отбора кадров. *Экспериментальная психология*, 11(1), 156–165 <https://doi.org/10.17759/exppsy.2018110109>
- Игнатовский, Я. Р., Иванов, В. Г. (2020). Айтрекинг: потенциал для применения в государственном управлении, политическом брендинге и планировании избирательных кампаний. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление*, 7(2), 155–160. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2020-7-2-155-160>. EDN GZUDFU.
- Клоктунова, Н. А., Соловьева, В. А., Барсукова, М. И., Кузьмин, А. М. (2019). Изучение когнитивных процессов обучающихся при поиске образовательной информации на экране. *Перспективы Науки и Образования*, 3(39), 326–340. <https://doi.org/10.32744/pse.2019.3.25>
- Компаниец, В. С., Лызь, А. Е. (2017). Эргодизайн пользовательского интерфейса: методы юзабилити-исследований. *Инженерный вестник Дона*, 3(46), 56–62. EDN ZWZESZ.
- Кочетков, Н. В. (2020). Интернет-зависимость и зависимость от компьютерных игр в трудах отечественных психологов. *Социальная психология и общество*, 11(1), 27–54. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110103>. EDN IXEAEI.
- Кулаков, С. А. (2003). *Психотерапия и психопрофилактика аддиктивного поведения у подростков*. Москва: Гардарика.
- Лобачев, А. В., Никольская, С. А., Корнилова, А. А. (2017). Айтрекинг в диагностике психических расстройств. *Вестник психотерапии*, 61(66), 98–112. EDN YJTWX.
- Ляшевская, О. Н., Шаров, С. А. (2009). *Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка)*. Москва: Азбуковник.
- Ментюкова, М. А., Пустовалова, О. С. (2022). Современная наркотическая ситуация как криминогенный фактор роста преступности. *Право: история и современность*, 6 (1), 119–127. <https://doi.org/10.17277/pravo.2022.01.pp.119-127>. EDN MWXTCZ.
- Смирнов, А. В., Симонова, И. А., Попп, И. А., Максимова, Л. А. (2022). Психометрический анализ результатов применения в Российской Федерации единой методики социально-психологического тестирования несовершеннолетних. *Science for Education Today*, 12(1), 7–28. <https://doi.org/10.15293/2658-6762.2201.01>. EDN RZYENV.
- Ступина, С. А. (2022). Некоторые показатели современной наркопреступности и ежегодного мониторинга наркоситуации в Российской Федерации. *Эпоха науки*, 29, 93–103. EDN YBTMVK.
- Чернявская, В. С., Панченко, Л. Л. (2019). Психодиагностические возможности айтрекинга и перспективы использования метода окулографии в обучении психологов. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, 2(27), 400–402. <https://doi.org/10.26140/anip-2019-0802-0089>
- Яцык, Г. Г. (2016). К вопросу об изучении окуломоторного поведения человека в ситуации сокрытия значимой информации. *Северо-Кавказский психологический вестник*, 14(1), 43–47. EDN WYKCID.
- Brown, R. I. F. (1993). Some contributions of the study of gambling to the study of other addictions. In W. R. Eadington, J. A. Cornelius (Eds.), *Gambling behavior and problem gambling* (pp. 241–272). Reno: University of Nevada Press.
- Donovan, D. M., Bigelow, G. E., Brigham, G. S., Carroll, K. M., Cohen, A. J., Gardin, J. G., Hamilton, J. A., Huestis, M. A., Hughes, J. R., Lindblad, R., Marlatt, G. A., Preston, K. L., Selzer, J. A., Somoza, E. C., Wakim, P. G., & Wells, E. A. (2012). Primary outcome indices in illicit drug dependence treatment research: systematic approach to selection and measurement of drug use end-points in clinical trials. *Addiction*, 107(4), 694–708. <https://doi.org/10.1111/j.1360-0443.2011.03473.x>
- Marks, I. (1990). Behavioural (non-chemical) addictions. *British Journal of Addiction*, 85(11), 1389–1394. <https://doi.org/10.1111/j.1360-0443.1990.tb01618.x>
- Stockings E, & Degenhardt L. (2020). All-Cause and Cause-Specific Mortality Among People Using Extramedical Opioids: A Systematic Review and Meta-analysis. *JAMA Psychiatry*, 77(5), 493–502. <https://doi.org/10.1001/jamapsychiatry.2019.4170>. PMID: 31876906; PMCID: PMC6990804

Xin, M., Xing, J., Pengfei, W., Houru, L., Mengcheng, W., & Hong, Z. (2018). Online activities, prevalence of Internet addiction and risk factors related to family and school among adolescents in China. *Addictive Behaviors Reports*, 7, 14–18. <https://doi.org/10.1016/j.abrep.2017.10.003>

References

- Bessonova, Yu. V., Oboznov, A. A. (2019). Ajtreking v diagnostike pravdy-lzhi. Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. *Organizacionnaya psihologiya i psihologiya truda*, 4(1), 46–86. EDN ZDDJGP.
- Buhtiyarov, I. V., Zhbankova, O. V., Yushkova, O. I., Gusev, V. B. (2019). Novye psihofiziologicheskie podhody, primeny-aemye pri profotbore kandidatov v opasnye professii. *Medicina truda i promyshlennaya ekologiya*, (3), 132–141. <https://doi.org/10.31089/1026-9428-2019-3-132-141>. EDN ZBBKKL.
- Egorov, A. Yu. (2020). Nekhimicheskie (povedencheskie) addikcii: voprosy tipologii, diagnostiki i klassifikacii. *Voprosy narkologii*, 4(187), 7–23. https://doi.org/10.47877/0234-0623_2020_4_7. EDN JKXZWR.
- Zhbankova, O. V., Gusev, V. B. (2018). Primenenie ajtrekinga v praktike professional'nogo otbora kadrov. *Ekspertimetal'naya psihologiya*, 11(1), 156–165 <https://doi.org/10.17759/exppsy.2018110109>
- Ignatovskij, Ya. R., Ivanov, V. G. (2020). Ajtreking: potencial dlya primeneniya v gosudarstvennom upravlenii, politich-eskom brendinge i planirovanii izbiratel'nyh kampanij. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie*, 7(2), 155–160. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2020-7-2-155-160>. EDN GZUDFU.
- Kloktunova, N. A., Solov'eva, V. A., Barsukova, M. I., Kuz'min, A. M. (2019). Izuchenie kognitivnyh processov obuchayushchihhsya pri poiske obrazovatel'noj informacii na ekrane. *Perspektivy Nauki i Obrazovaniya*, 3(39), 326–340. <https://doi.org/10.32744/pse.2019.3.25>
- Kompaniec, V. S., Lyz', A. E. (2017). Ergodizajn pol'zovatel'skogo interfejsa: metody yuzabiliti-issledovanij. *Inzhenernyj vestnik Dona*, 3(46), 56–62. EDN ZWZESZ.
- Kochetkov, N. V. (2020). Internet-zavisimost' i zavisimost' ot komp'yuternyh igr v trudah otechestvennyh psihologov. *Social'naya psihologiya i obshchestvo*, 11(1), 27–54. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110103>. EDN IXEDEL.
- Kulakov, S. A. (2003). *Psihoterapiya i psihoprofilaktika addiktivnogo povedeniya u podrostkov*. Moscow: Gardarika.
- Lobachev, A. V., Nikol'skaya, S. A., Kornilova, A. A. (2017). Ajtreking v diagnostike psihicheskikh rasstrojstv. *Vestnik psihoterapii*, 61(66), 98–112. EDN YJTWHX.
- Lyashevskaya, O. N., Sharov, S. A. (2009). *Chastotnyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materialah Nacional'nogo korpusa russkogo yazyka)*. Moscow: Azbukovnik.
- Mentyukova, M. A., Pustovalova, O. S. (2022). Sovremennaya narkoticheskaya situaciya kak kriminogennyj faktor rosta prestupnosti. *Pravo: istoriya i sovremennost'*, 6 (1), 119–127. <https://doi.org/10.17277/pravo.2022.01.pp.119-127>. EDN MWXTCZ.
- Smirnov, A. V., Simonova, I. A., Popp, I. A., Maksimova, L. A. (2022). Psihometricheskij analiz rezul'tatov primeneniya v Rossijskoj Federacii edinoj metodiki social'no-psihologicheskogo testirovaniya nesovershennoletnih. *Science for Education Today*, 12(1), 7–28. <https://doi.org/10.15293/2658-6762.2201.01>. EDN RZYEHV.
- Stupina, S. A. (2022). Nekotorye pokazateli sovremennoj narkoprestupnosti i ezhegodnogo monitoringa narkosituacii v Rossijskoj Federacii. *Epoha nauki*, 29, 93–103. EDN YBTMVK.
- Chernyavskaya, V. S., Panchenko, L. L. (2019). Psihodiagnosticheskie vozmozhnosti ajtrekinga i perspektivy ispol'zovaniya metoda okulografii v obuchenii psihologov. *Azimuth nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologiya*, 2(27), 400–402. <https://doi.org/10.26140/anip-2019-0802-0089>
- Yacyk, G. G. (2016). K voprosu ob izuchenii okulomotornogo povedeniya cheloveka v situacii sokrytiya znachimoj informacii. *Severo-Kavkazskij psihologicheskij vestnik*, 14(1), 43–47. EDN WYKCID.
- Brown, R. I. F. (1993). Some contributions of the study of gambling to the study of other addictions. In W. R. Eadington, J. A. Cornelius (Eds.), *Gambling behavior and problem gambling* (pp. 241–272). Reno: University of Nevada Press.
- Donovan, D. M., Bigelow, G. E., Brigham, G. S., Carroll, K. M., Cohen, A. J., Gardin, J. G., Hamilton, J. A., Huestis, M. A., Hughes, J. R., Lindblad, R., Marlatt, G. A., Preston, K. L., Selzer, J. A., Somoza, E. C., Wakim, P. G., & Wells, E. A. (2012). Primary outcome indices in illicit drug dependence treatment research: systematic approach to selection and measurement of drug use end-points in clinical trials. *Addiction*, 107(4), 694–708. <https://doi.org/10.1111/j.1360-0443.2011.03473.x>
- Marks, I. (1990). Behavioural (non-chemical) addictions. *British Journal of Addiction*, 85(11), 1389–1394. <https://doi.org/10.1111/j.1360-0443.1990.tb01618.x>
- Stockings E, & Degenhardt L. (2020). All-Cause and Cause-Specific Mortality Among People Using Extramedical Opioids:

A Systematic Review and Meta-analysis. *JAMA Psychiatry*, 77(5), 493–502. <https://doi.org/10.1001/jamapsychiatry.2019.4170>. PMID: 31876906; PMCID: PMC6990804.

Xin, M., Xing, J., Pengfei, W., Houru, L., Mengcheng, W., & Hong, Z. (2018). Online activities, prevalence of Internet addiction and risk factors related to family and school among adolescents in China. *Addictive Behaviors Reports*, 7, 14–18. <https://doi.org/10.1016/j.abrep.2017.10.003>

Информация об авторах:

Ольга Владимировна Кружкова – кандидат психологических наук, доцент, заведующий лабораторией перспективных социосредовых исследований Уральского государственного педагогического университета.

Ирина Владимировна Воробьева – кандидат психологических наук, доцент, начальник управления научных исследований Уральского государственного педагогического университета.

Алена Игоревна Матвеева – аналитик управления научных исследований Уральского государственного педагогического университета, аспирант.

Сергей Дмитриевич Робин – лаборант лаборатории перспективных социосредовых исследований Уральского государственного педагогического университета.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 27.09.2022

Одобрена после рецензирования 28.10.2022

Опубликована 29.12.2022

About the authors:

Olga V. Kruzhkova – Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, Head of the Laboratory of Advanced Socio-Environmental Studies, Ural State Pedagogical University.

Irina V. Vorobyova – Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, Head of the Department of Scientific Research, Ural State Pedagogical University.

Alyona I. Matveeva – Analyst of the Department of Scientific Research, Postgraduate Student, Ural State Pedagogical University

Sergey D. Robin – laboratory assistant of the Laboratory of Advanced Socio-Environmental Studies, Ural State Pedagogical University.

Authors' contribution

All authors made an equal contribution to the development of the research, the processing of its results and the writing an article.

The authors declare no conflicts of interests.

Submitted September 29, 2022

Approved after reviewing October 28, 2022

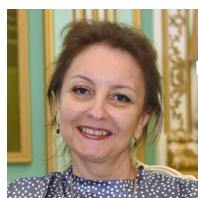
Accepted December 29, 2022

УДК 316.723: 316.722

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-4-408-417

Семиотика молодежных татуировок

Елена Викторовна Чернышева

Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина

(Екатеринбург, Россия)

evchern2010@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6469-8001

Аннотация

Одной из особенностей настоящего времени является повышенный интерес молодых людей к татуировкам на теле. Татуировка – это явление культуры, имеющее продолжительную историю с момента своего возникновения. Проблема исследования заключается в том, что современная молодежная субкультура рассматривается как богатый источник инноваций и открытий в искусстве, моде, формах досуга; как вариант массовой культуры, продукт медиаиндустрии; как форма творческой активности молодежи, не находящей принятия и поддержки со стороны официальной культуры.

Автором исследуются особенности татуировок современной молодежи. Сравнивается молодежная татуировка с криминальной. Делается акцент на ведущей мотивации татуировки – необходимости самовыражения. Устанавливается закономерность использования слов и словосочетаний для выражения отношения к действительности и к себе. Делается акцент на сходствах с тюремными татуировками. Сопоставляются зарубежные татуировки с теми, которые молодые люди предпочитают для создания сюжетов и совмещенных образов.

В данном исследовании использовался анализ научной литературы, была сформирована экспертная анкета по изучению вопросов тату, а также проведено анкетирование молодых людей в возрасте с 18 до 28 лет с дальнейшим анализом полученных результатов.

Ключевые слова

молодежная татуировка, мотивация татуировки, криминальная татуировка, совмещенные образы, самовыражение

Для цитирования: Чернышева, Е. В. (2022). Семиотика молодежных татуировок. *Российский девиантологический журнал*, 2(4), 408–417. doi: 10.35750/2713-0622-2022-4-408-417

Semiotics of youth tattoos

Elena V. Chernysheva

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

(Yekaterinburg, Russia)

evchern2010@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6469-8001

Abstract

One of the features of the present time is the increased interest of young people in tattoos on the body. Tattoo is a cultural phenomenon that has a long history since its inception.

The problem of the research lies in the fact that at present the youth subculture is considered as a rich source of

innovations and discoveries in art, fashion, forms of leisure; as a variant of mass culture, a product of the media industry; as a form of creative activity of young people who do not find acceptance and support from the official culture.

The author examines the features of tattoos of modern youth. A youth tattoo is compared with a criminal one. Emphasis is placed on the leading motivation of the tattoo – the need for self-expression. The regularity of the use of words and phrases to express attitudes towards reality and towards oneself is established. Emphasis is placed on similarities with prison tattoos. Foreign tattoos are compared with those that young people prefer to create plots and combined images. This study used the analysis of scientific literature, the formation of an expert questionnaire on the study of tattoo issues, as well as direct questioning of young people aged 18 to 28 years with further analysis of the results.

Keywords

youth tattoo, tattoo motivation, criminal tattoo, combined images, self-expression

For citation: Chernysheva, E. V. (2022). Semiotics of youth tattoos. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(4), 408–417. doi: 10.35750/2713-0622-2022-4-408-417

Введение

Сегодня мода на татуировки – распространенное явление среди молодежи. Невозможно назвать татуировку лишь современным элементом культуры, поскольку ее история насчитывает более четырех тысяч лет. На протяжении всего этого периода менялись способы нанесения, вид, смысл, мотивация, по которой люди наносили на свое тело изображения, а также общественное мнение относительно этого явления. Кто-то полагает, что татуировка – прерогатива криминальных и асоциальных слоев общества, кто-то считает, что нательные рисунки уродуют тело. Существует мнение, что татуированные люди непостоянны, рискованны, непригодны для ответственной и серьезной работы, излишне подвержены мультимедийному влиянию. Несмотря на это, культура татуировки процветает. В молодежной среде значительно реже можно услышать негативные высказывания по поводу тату. Молодежные татуировки перестали быть антисоциальным явлением, они становятся искусством, неотъемлемой частью субкультуры, своеобразным «дневником», отображающим важные аспекты, взгляды, характер, события биографии, являются способом заявить о своей индивидуальности или придать опыту и воспоминаниям физическое воплощение. Среди посетителей тату-салонов возрос процент девушек, несмотря на то что и в настоящее время татуировка считается преимущественно «мужской практикой».

Методология, методы и материалы исследования

Для выделения закономерных особенностей молодежных татуировок и поиска наиболее характерных образов и выражений мы сформировали исследовательскую выборку из 178 молодых людей в возрасте от 18 до 28 лет, имеющих одну или несколько татуировок: 69,6 % опрошенных отметили, что имеют много друзей с татуировками, у 28,4 % их немного, 2 % указали, что не имеют в своем окружении татуированных людей (рис. 1).

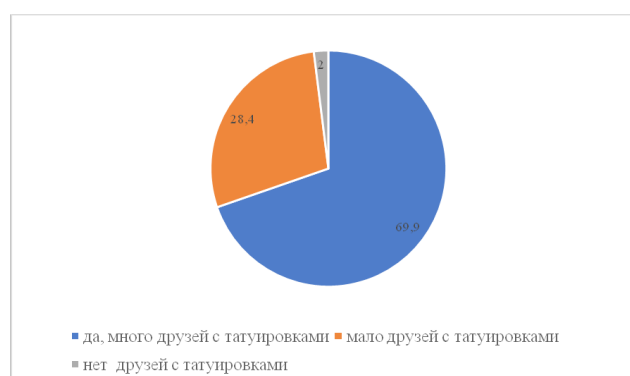

Рис. 1. Ответы респондентов на вопрос «Есть ли среди Ваших друзей люди с татуировками?»

Fig. 1. Respondents' answers to the question «Are there people with tattoos among your friends?»

Более трети респондентов первую татуировку сделали до 18 лет (11,3 % в возрасте 15 лет, 9,9 % – в 16 лет, 14,1 % – в 17 лет), в 18 лет – 35,2 %, остальные – после 18 лет (рис. 2).

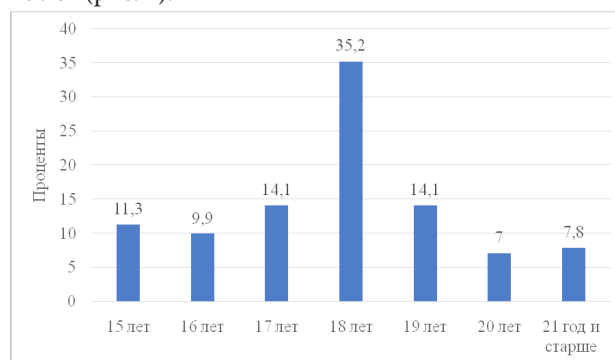

Рис. 2. Ответы респондентов на вопрос «В каком возрасте Вы сделали первую татуировку?»

Fig. 2. Respondents' answers to the question «At what age did you get your first tattoo?»

Большинство респондентов (81,3 %) имеют 2 и более татуировки, 5 и более татуировок – у 30,4 % (рис. 3). Имеются респонденты и с 26 и 40 рисунками (3 человека).

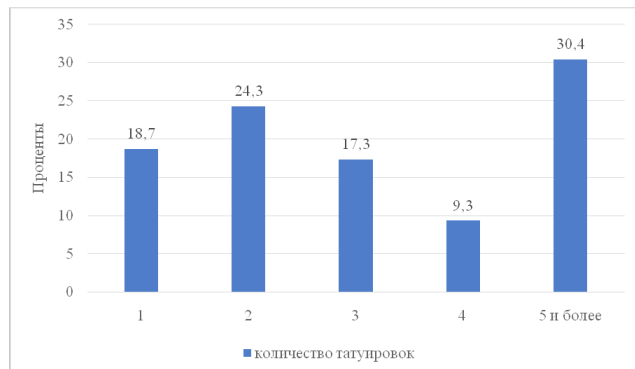

Рис. 3. Ответы респондентов на вопрос «Сколько у Вас татуировок?»

Fig. 3. Respondents' answers to the question «How many tattoos do you have?»

Наиболее распространенные мотивы: сделать татуировку для самовыражения – 59,2 %, «на память» – 39,4 %, из любопытства – 38 %, для выражения принципов и взглядов – 33,8 %. Реже встречались следующие мотивы: обретение контроля над своим телом и жизнью – 26,8 %, обозначение причастности к искусству – 23,9%, желание иметь оберег – 16,9 %, стремление хорошо выглядеть – 15,5 %. Еще реже мотивами служили: указание на причастность к группе и переживание боли – по 9,9 %, влияние знакомых и стремление скрыть дефекты кожи – по 8,5 %, выражение зрелости и осознанности – 7 %. Самыми непопулярными мотивами оказались: эпатаж, подражание кумиру, демонстрация статуса – 4,2 %, приверженность моде – 2,8 % (табл. 1).

Молодые люди считают тату важным средством самовыражения, отображающим свою позицию, фиксирующим важное событие, привлекающим внимание окружающих. Желание сделать татуировку возникает из любопытства, по индивидуальным мотивам, отражающим личность и характер.

Результаты исследования и их обсуждение

Самовыражение как основной мотив молодежных татуировок. Как было отмечено выше, более половины респондентов называют мотивом нанесения татуировки стремление выразить себя, полагая, что татуировка выполняет эстетическую функцию, является украшением, своеобразным «паспортом», дающим возможность показать достижения, возможно, даже недостатки и черты характера.

Растущий интерес к татуированию среди молодежи ведет к появлению новых стилей и значений к самовыражению и творчеству. Татуировка становится значи-

Таблица 1. Ответы на вопрос «Почему Вы решили сделать татуировку?»

Table 1. Answers to the question «Why did you decide to get a tattoo?»

№ п/п	Варианты ответов (можно выбрать несколько вариантов)	Проценты
1	Для самовыражения	59,2
2	Запечатлеть в памяти что-то/кого-то	39,4
3	Было любопытно	38
4	Выразить свои принципы, взгляды	33,8
5	Чтобы почувствовать контроль над своей жизнью и телом	26,8
6	Хотелось быть частью искусства	23,9
7	Желание иметь оберег	16,9
8	Желание хорошо выглядеть	15,5
9	Чтобы быть частью определенной культуры	9,9
10	Чтобы испытать боль	9,9
11	Чтобы скрыть дефекты кожи (шрамы и т. п.)	8,5
12	У знакомых были тату	8,5
13	Чтобы показать свою зрелость и осознанность	7
14	Хотелось иметь сходство с кумиром/авторитетом	4,2
15	Привлечение внимания, эпатаж	4,2
16	Обозначить свой статус	4,2
17	Это было модно	2,8
18	Сохранить воспоминание	2,8
19	Просто нравится	1,4
20	Детская мечта	1,4
21	На спор	0

мым идентификатором молодого человека и механизмом социализации.

Учитывая «возраст» первой татуировки (рис. 2), татуировка среди подростков – доказательство зрелости и самостоятельности (рис 4).

Татуировки, сделанные до 18 лет, часто примитивны, но имеют важное значение для личности подростка, а в более старшем возрасте интерпретируются уже совсем по-другому. Пример такой татуировки приведен на рисунке 5а: «Сделан в 13 лет ручкой и иглой дома. Сначала были 3 точки в честь дружбы, позднее появились треугольник (почему уже не помню) и знак бесконечности, как сошлась с бывшим. Жалею? Абсолютно нет. Хочу свести? Нет, это рисунок, кото-

Рис. 4. «Мне будет 70, кому будет дело до тела?...
Била, бью и буду бить еще...»

Fig. 4. «I will be 70, who will care about the body?...
I beat, I beat and I will beat again... »

рый всегда напоминает о прожитом опыте. Видно ли? На этом месте всегда часы».

Причиной сделать татуировку в подростковом возрасте могут стать влияние контркультуры, выражение

своей оппозиции обществу, обозначение принадлежности к определенной группе, обряд становления полноценным членом этой группы, вызов обществу. Часто такие татуировки имеют провокационные сюжеты.

Татуировки, сделанные в период ранней юности, отличаются трепетным отношением обладателей: «Тату сделала в салоне. Предложили по бартеру за рекламу. Для того времени это было «огненное» предложение и, конечно же, я согласилась. Эскиз рисовали под меня. Жалею? 50/50, не помню, почему именно захотела яблоню, планирую перебить на любимые цветы. Сводить? Нет! Видно ли? Всегда под одеждой, из-за того что у меня присутствуют женские половые признаки, периодически забываю о ее существовании» (рис. 96).

Влияние зарубежных татуировок. На выбор эскиза татуировки у молодых людей влияет визуальный ряд зарубежных (американских (рис. 6) и западных (рис. 7)) примеров образов: орел, самолет, оружие, крылья, череп, цветы, ягоды и др.

Молодежные татуировки содержат визуальный ряд, сопоставимый с американским и западным, но обладают своими особенностями. Так, для молодежи (по данным нашей выборки) характерен выбор следующих визуальных образов: животные – 34,7 %, растения – 30,6 %, абстрактные изображения – 20,8 %, узоры – 13,9 %, портреты – 11,1 %, птицы – 6,9 %, насекомые и черепа – по 5,6 %, а также совмещенные образы флоры и фауны и абстрактные изображения (рис. 8, 9, 10).

Рис. 5а. Татуировка, сделанная в 13 лет

Fig. 5a. Tattoo done at 13

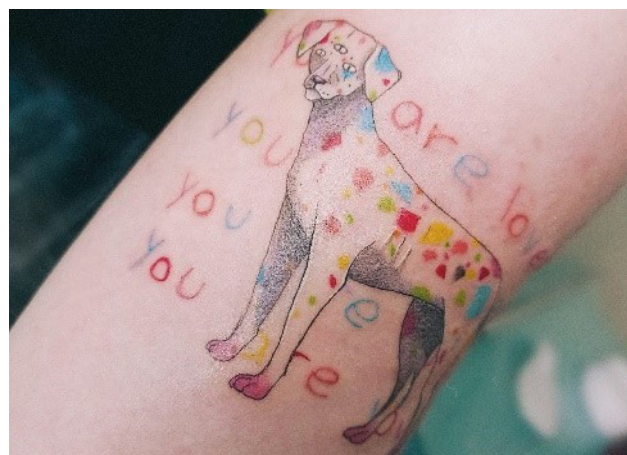

Рис. 5б. Рисунок собаки, сделанный в 17-летнем возрасте

Fig. 5b. Drawing of a dog made at the age of 17

Рис. 5. Татуировки, сделанные до 18 лет

Fig. 5. Tattoos made before the age of 18

Рис. 6. Примеры мужских американских татуировок

Fig. 6. Examples of American male tattoos

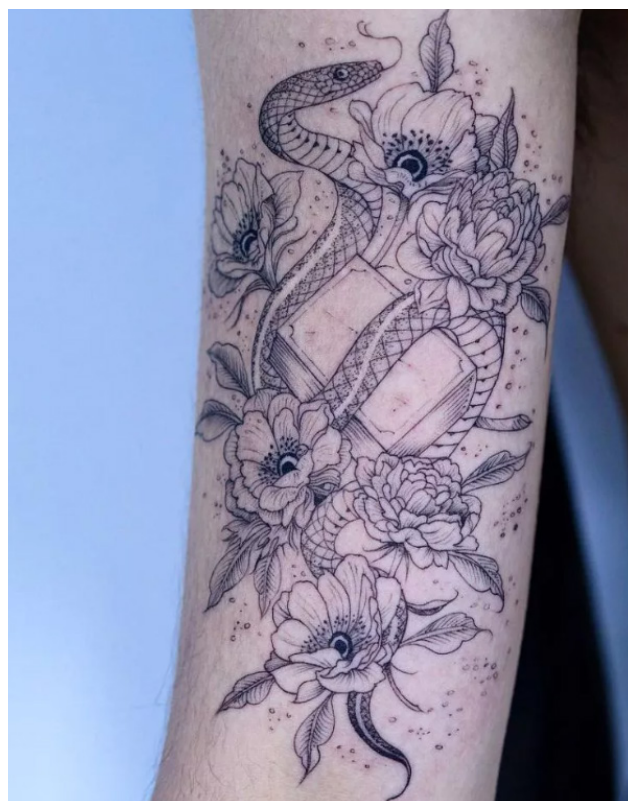

Рис. 7. Примеры западных женских татуировок

Fig. 7. Examples of Western female tattoos

Рис. 8. Совмещенные образы флоры и фауны

Fig. 8. Combined images of flora and fauna

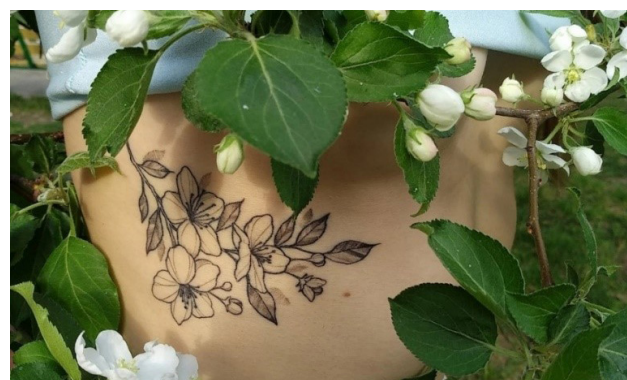
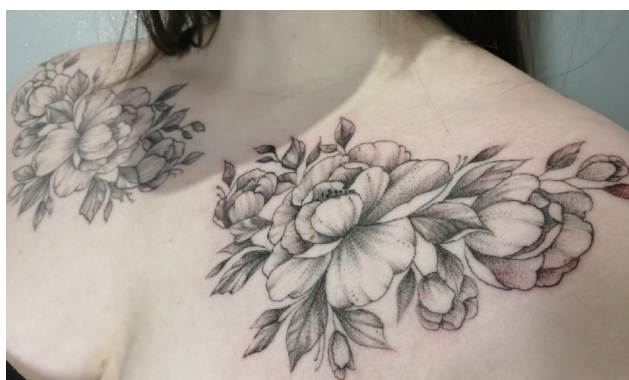

Рис. 9. Монохромные татуировки в виде цветов на груди

Fig. 9. Monochrome tattoos in the form of flowers on the chest

Сравнение молодежных татуировок с тюремными. Можно предположить, что на эскизы молодежных татуировок оказали влияние тюремные, поскольку нанесение «наколок» имело массовое распространение в советское время и ассоциировалось с криминальной средой. Практика клеймления была истоком для развития криминальной татуировки и сохранялась до середины XX века.

Криминальная (тюремная, воровская) среда в советские годы отличалась крайне негативным отношением к государству и его институтам. Так, в некоторых молодежных татуировках присутствуют характерные для тюремных «наколок» образы: черепа, иконы, кресты, ангелы, звезды, элементы свастики, пауки, женщины. Параллели между тюремными и молодежными татуировками можно обнаружить и в анималистических образах: орла

Рис. 10. Абстрактное изображение

Fig. 10. Abstract image

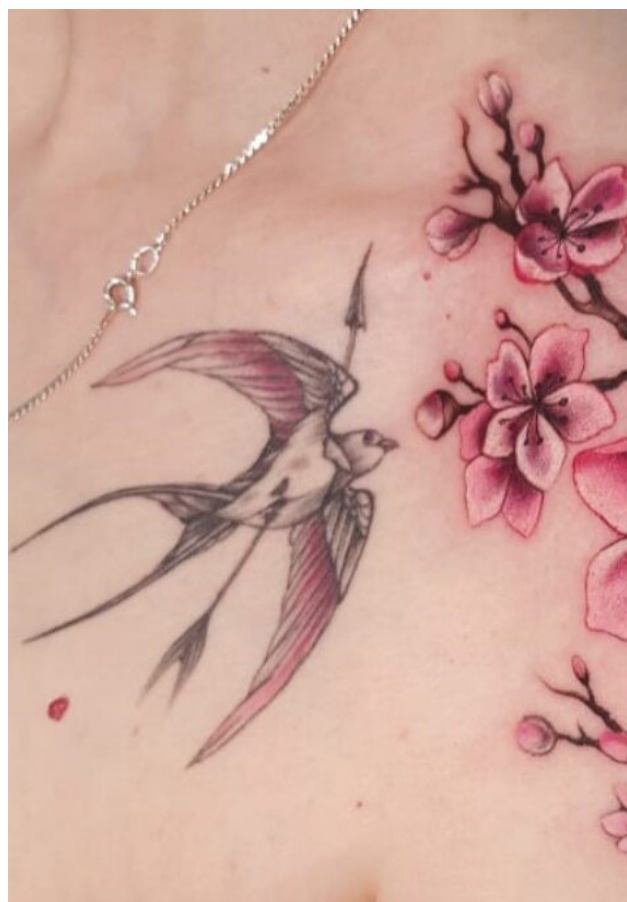

Рис. 12. Рисунок птицы как символа свободы

Fig. 12. Drawing of a bird as a symbol of freedom

Рис. 11. Молодежные татуировки в виде черепов

Fig. 11. Youth tattoos in the form of skulls

Рис. 13а. Татуировки с применением надписей

Fig. 13a. Tattoos with inscriptions

и других птиц, тигра, насекомых и др. Образы орла и тигра имеют универсальный смысл – сила, могущество и бесстрашие, птица несет смысл свободы (рис. 11, 12).

Использование афоризмов. Большое место в молодежных татуировках занимают краткие и лаконичные слова (фразы), которые в своеобразной форме

передают обобщенную мысль (рис. 13). Универсальна любовь к выбору фраз на латыни, а также к китайским и японским иероглифам. Использование в татуировках символов и знаков предпочитают 54,2 % респондентов, надписей и букв – 45,8 %.

Для большинства респондентов каждая татуировка имеет свою историю возникновения и несет особое

Рис. 13б. Татуировки с применением надписей

Fig. 13b. Tattoos with inscriptions

значение. Приведем несколько примеров вкладываемого в татуировки смысла.

Пример 1. «Напоминание себе о том, что важно поступать мудро, в какой бы ситуации ни оказался, и о том, что важно хотя бы попытаться услышать другого, даже если очень не хочется слушать».

Пример 2. «Я сама придумывала все эскизы и просто хотела оставить их у себя на теле. Эти рисунки можно понимать по-разному, но они несут память о том периоде жизни, когда были сделаны».

Пример 3. «Гиперссылки на определенные аспекты моей личности».

Пример 4. «Личное, что-то вроде кнопки сохранения в видеоигре: “Да, я хочу здесь сохраниться, чтобы не потерять полученный опыт”».

Пример 5. «Просто запечатлено последнее мгновение персонажа, которым восхищаюсь» (рис. 14).

Предполагается, что персонажи фильмов, книг, мультфильмов оказывают большое влияние на лич-

Рис. 14. Татуировка с изображением сцены из аниме

Fig. 14. Tattoo depicting a scene from an anime

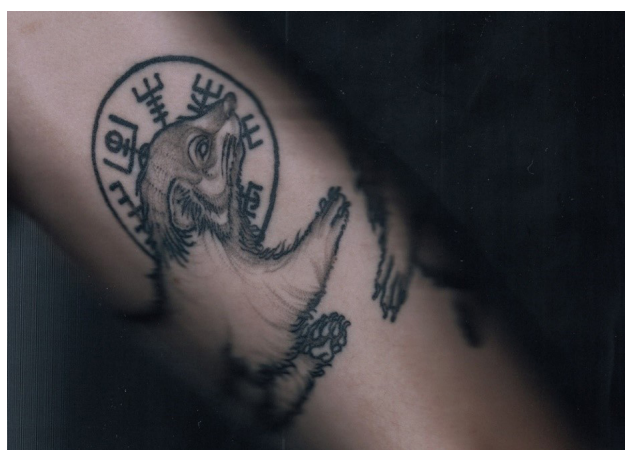

Рис. 15а. Композиционные молодежные татуировки

Fig. 15a. Composite youth tattoos

Рис. 15б. Композиционные молодежные татуировки

Fig. 15b. Composite youth tattoos

ность молодого человека и помогают сформировать жизненные установки и моральные нормы.

Специфика интерпретаций молодежных татуировок в том, что их нанесение может не иметь конкретной цели изначально, а наделяться смыслом спустя некоторое время. Понимание содержания татуировки со временем изменяется.

Молодежные татуировки полиморфны: важно не только обозначить визуальный ряд, но и указать сочетаемость образов в рамках одной композиции. Наиболее распространены композиции на открытых местах: предплечьях, голени и др. (рис. 15). Изображения содержат центральный образ, имеют задний план, могут сопровождаться надписями.

Заключение

Тату встречаются у молодых людей разных национальностей, идеологических предпочтений, возрастов, профессий, вероисповеданий, гендерных идентичностей. Имеется специфика современных молодежных татуировок, проявляющаяся во влиянии зарубежной моды, выполнении эстетической функции. Молодежная татуировка не является элементом криминального или контркультурного характера, но содержит элементы стилей тюремных татуировок. Наличие у молодого человека татуировок перестало быть экзотичным и шокирующим и представляет собой распространенное явление. Молодежные татуировки – проекция общемирового тату-

арта. Они выражают определенное отношение, жизненный опыт. Татуировка в молодежной среде является невербальным средством коммуникации с другими людьми, сообщением о принадлежности к социальной группе, статусе. Молодежные татуировки обладают повторяемостью, орнаментальностью образов. Многие изображения выражают типические, а не уникальные и неповторимые идеи. Образный ряд отражает специфическую молодежную конкретику и имеет ограниченный набор символов, своего рода молодежный тату-язык. Образный ряд молодежных татуировок вполне может быть использован при анализе современных процессов, происходящих в обществе, а также молодежной субкультуры.

Список литературы

- Бахадова, Е. В. (2021). Психологические аспекты татуирования тела у современной молодежи. *Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование*, 4, 96–116. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2021-4-96-116>
- Бородина, А. З. (2020). Татуирование как знаковая система общения в молодежной среде. *Организационная психолингвистика*, 3(11), 106–118.
- Иванова, Л. А. (2021). Популярны стили тату среди молодежи как один их аспектов обучения мастеров художественной татуировки. *East European Scientific Journal*, 4(68), 26–30. <https://doi.org/10.31618/ESSA.2782-1994.2021.6.68.34>
- Иванова, Л. А., Владимирова, Д. Д. (2020). Татуировка. Психологический анализ. *Горизонты гуманитарного знания*, 2, 88–101. <https://doi.org/10.17805/ggz.2020.2.6>
- Кораблева, О. В. (2020). К вопросу об отношении общественности к татуировке. *Карельский научный журнал*, 3(32), 85–89. <https://doi.org/10.26140/knz4-2020-0903-0020>
- Кубанцева, Д. И., Ростовская, С. Р. (2021). Смысловое содержание татуировок для юношей и девушек в возрасте от 14 до 20 лет. *Общество: социология, психология, педагогика*, 8(88), 161–169. <https://doi.org/10.24158/spp.2021.8.23>
- Смирнова, М. В., Марьин, М. И., Касперович, Ю. Г., Пастухова, М. В. (2020). Исследование личностных предиктов самоповреждающего поведения в форме телесных модификаций. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 2(81), 188–196. <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2020-12010>
- Федорова, А. А., Жукова, К. В. (2020). Личностные особенности лиц юношеского возраста, имеющих татуировки. *Тенденции развития науки и образования*, 58-9, 49–53. <https://doi.org/10.18411/lj-02-2020-192>
- Хамбли, У. Д. (2014). *История татуировки. Знаки на теле: ритуалы, верования, табу*. Москва: Центрполиграф.
- Чернышева, Е. В. (2022). Личностная мотивация нанесения татуировок в молодежной среде. В *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции (30 сентября 2022 года, Санкт-Петербург, стр. 123-126)*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации.

References

- Bahadova, E. V. (2021). Psihologicheskie aspekty tatuirovaniya tela u sovremennoj molodezhi. *Vestnik RGGU. Seriya: Psihologiya. Pedagogika. Obrazovanie*, 4, 96–116. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2021-4-96-116>
- Borodina, A. Z. (2020). Tatuirovanie kak znakovaya sistema obshcheniya v molodezhnoj srede. *Organizacionnaya psiholingvistika*, 3(11), 106–118.
- Ivanova, L. A. (2021). Populyarnye stili tatu sredi molodyozhi kak odin ih aspektov obucheniya masterov hudozhestvennoj tatuirovki. *East European Scientific Journal*, 4(68), 26–30. <https://doi.org/10.31618/ESSA.2782-1994.2021.6.68.34>
- Ivanova, L. A., Vladimirova, D. D. (2020). Tatuirovka. Psihologicheskij analiz. *Gorizonty gumanitarnogo znaniya*, 2, 88–101. <https://doi.org/10.17805/ggz.2020.2.6>
- Korableva, O. V. (2020). K voprosu ob otnoshenii obshchestvennosti k tatuirovke. *Karel'skij nauchnyj zhurnal*, 3(32), 85–89. <https://doi.org/10.26140/knz4-2020-0903-0020>
- Kubanceva, D. I., Rostovskaya, S. R. (2021). Smyslovoe sodержanie tatuirovok dlya yunoshej i devushek v vozraste ot 14 do 20 let. *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika*, 8(88), 161–169. <https://doi.org/10.24158/spp.2021.8.23>
- Smirnova, M. V., Mar'in, M. I., Kasperovich, Yu. G., Pastuhova, M. V. (2020). Issledovanie lichnostnyh prediktov samopovrezhdayushchego povedeniya v forme telesnyh modifikacij. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah*, 2(81), 188–196. <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2020-12010>

- Fedorova, A. A., Zhukova, K. V. (2020). Lichnostnye osobennosti lic yunosheskogo vozrasta, imeyushchih tatuirovki. *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya*, 58-9, 49–53. <https://doi.org/10.18411/lj-02-2020-192>
- Hambli, U. D. (2014). *Istoriya tatuirovki. Znaki na tele: ritualy, verovaniya, tabu*. Moscow: Centrpoligraf.
- Chernysheva, E. V. (2022). Lichnostnaya motivaciya naneseniya tatuirovok v molodezhnoj srede. V *Rossiyskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (30 sentyabrya 2022 goda, Sankt-Peterburg, str. 123-126). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii.

Информация об авторе:

Елена Викторовна Чернышева – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 27.09.2022

Одобрена после рецензирования 01.11.2022

Опубликована 29.12.2022

About the author:

Elena V. Chernysheva – Candidate of Sciences (in psychology), associate-professor at the chair of general and social psychology.

The author declare no conflicts of interests.

Submitted September 27, 2022

Approved after reviewing November 1, 2022

Accepted December 29, 2022

УДК 159.9.07

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-4-418-427

Влияние психологического благополучия трудовых мигрантов на их социально-психологическую адаптацию

Денис Витальевич Дзьоник

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
kaf-up-spbumvd@ya.ru

ORCID: 0000-0002-9737-1080

Аннотация

Проблема психологической адаптации личности находится в постоянном фокусе внимания исследователей и выступает в качестве ведущего фактора при поиске методов и средств психологической профилактики правонарушающего поведения. Однако психологический потенциал исследований влияния психологического благополучия трудовых мигрантов на их социально-психологическую адаптацию не используется в полной мере. В настоящей статье представлены результаты эмпирического исследования. Автор приходит к выводу, что психологическое благополучие трудовых мигрантов оказывает влияние на показатели их социально-психологической адаптации. Оптимальный уровень социально-психологической адаптации, самопринятия мигрантов обусловлен наличием у них позитивных отношений с окружающей действительностью, наличием жизненных целей, способности принимать себя такими, какие они есть, с позитивными и негативными качествами, не сопровождающимися чувством вины. Социально-психологическая дезадаптация, неприятие себя, экстернальный локус контроля, ведомость и эскапизм связаны со стремлением к автономии и самостоятельным управлением окружающим миром, недостаточно позитивным отношением с окружающим миром, самопринятием, недостатком жизненных целей. Низкому уровню социально-психологической адаптации сопутствует низкий уровень психологического благополучия. Чем хуже отношения у мигрантов с окружающим миром и меньше степень психологического благополучия, тем сильнее у них чувство эмоционального дискомфорта.

Ключевые слова

психология трудовой миграции, социально-психологическая адаптация, удовлетворенность жизнью, психологическое благополучие, дезадаптация личности, ностальгия

Для цитирования: Дзьоник, Д. В. (2022). Влияние психологического благополучия трудовых мигрантов на их социально-психологическую адаптацию. *Российский девиантологический журнал*, 2(4), 418–427. doi: 10.35750/2713-0622-2022-4-418-427.

The impact of the psychological well-being of migrant workers on their socio-psychological adaptation

Denis V. Dz'onik

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia) kaf-up-spbumvd@ya.ru

ORCID: 0000-0002-9737-1080

Abstract

The problem of psychological adaptation of personality is in the constant focus of attention of researchers and acts as a leading factor in the search for methods and means of psychological prevention of delinquent behavior. However, the psychological potential of studies of the impact of the psychological well-being of migrant workers on their socio-psychological adaptation is not fully used. This article presents the results of an empirical study. The author comes to the conclusion that the psychological well-being of migrant workers influences the indicators of their socio-psychological adaptation. The optimal level of socio-psychological adaptation, self-acceptance of migrants is associated with the presence of positive relations with the surrounding reality, the presence of life goals, the ability to accept themselves as they are, with positive and negative qualities, which is not accompanied by a sense of guilt. Socio-psychological maladaptation, self-rejection, external locus of control, vedomosti and escapism are associated with the desire for autonomy and independent management of the surrounding world, insufficiently positive relationships with the outside world, self-acceptance, lack of life goals. A low level of socio-psychological adaptation is accompanied by a low level of psychological well-being. The worse the migrants' relationship with the outside world and the lower the degree of psychological well-being, the stronger their sense of emotional discomfort.

Keywords

psychology of labor migration, socio-psychological adaptation, life satisfaction, psychological well-being, personality maladaptation, nostalgia

For citation: Dz'onik, D. V. (2022). The impact of the psychological well-being of migrant workers on their socio-psychological adaptation. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(4), 418–427. doi: 10.35750/2713-0622-2022-4-418-427.

Введение

Общемировая геополитическая ситуация вынуждает законодателя «идти по пути самозащиты от внешней угрозы» (Бавсун, 2016), обуславливая сосредоточение нормативно-правового регулирования отношений в области сохранения культурной целостности и самобытности. Стремление иностранных граждан к поиску лучших условий для жизнедеятельности, с одной стороны, и нуждаемость государства в иностранных специалистах – с другой, вызывают необходимость обращения к проблеме психологического сопровождения мигрантов в целях их успешной адаптации и достижения возложенных на них задач.

Психология трудовой миграции как область научных исследований только начинает свое формирование, несмотря на ее актуальность на протяжении последних десятилетий. Современные ученые преимущественно раскрывают социальные, экономические, правовые основы трудовой миграции. Исследований психологических особенностей миграции в настоящее время недостаточно в аспекте значимости данной проблемы, в силу чего представляется актуальным изучение социально-психологических особенностей адаптации трудовых мигрантов.

Российская Федерация нацелена на поиск и определение наиболее конструктивных методов и форм взаимодействия с иностранными гражданами, осу-

ществляющими трудовую деятельность на территории государства. Однако наличие экономических, социальных, этнических, языковых и иных трудностей обуславливают обращение к психологической составляющей трудовой миграции. Мигрант, осуществляющий трудовую деятельность, в том числе во благо России, должен быть осведомленным о возможностях получения психологической помощи на территории государства в целях безболезненной адаптации к его особенностям, традициям и законам.

По итогам I квартала 2022 г. МВД России фиксирует существенный рост преступности со стороны мигрантов: количество совершенных ими преступлений составило 10,4 тысяч, что на 8,1% превышает число преступлений, выявленных по итогам аналогичного периода 2021 г. В числе совершаемых мигрантами преступлений выявлены тяжкие и особо тяжкие виды деяний, оказывающие резко негативное влияние на общественную безопасность государства: разбой, изнасилования, убийства (Дзюник, Крылова, 2021).

Анализ современных исследований демонстрирует их направленность на проблему «секьюритизации» миграционных процессов, ужесточение контроля и пресечение нелегальной миграции, однако психологическим аспектам влияния переселения на состояние мигранта уделено недостаточно внимания.

Теоретические основы исследования

Социально-экономическое и политическое развитие общества характеризуется определенными показателями, среди которых одним из наиболее реалистичных является уровень миграции населения (Тишков, 1996). Миграционные процессы, происходящие в обществе, оказывают существенное воздействие на все сферы общественной жизнедеятельности. Сегодня выделяются конкретные последствия миграции. К основным из них относят динамику численности населения, изменения в половозрастной структуре населения, воздействие на рынок труда, изменения в социальной структуре общества, этнокультурные преобразования в обществе (Матренин, Сулейманова, 2019). Последствия наблюдаются и для самого мигранта, оказавшегося в непривычной, а порой и кардинально иной социальной ситуации, которая, особенно на первоначальных этапах, наполнена различными препятствиями и проблемами (Михайлова, 2000). Данные последствия связывают с понятием адаптации. Ряд исследователей (А. В. Котельникова (Котельникова, 2009), Н. С. Хрусталева (Хрусталева, 2010), Е. А. Бауэр¹ и т. д.) подчеркивает существенный психотравмирующий характер социально-психологической адаптации к жизни в новом государстве, новом обществе и новой культуре. По мнению Н. С. Хрусталева (Хрусталева, 2010), психические травмы связаны с чувством вины перед семьей, члены которой в большинстве случаев остаются в родном государстве, утратой прежнего социально-трудового статуса и необходимостью заново занимать место в обществе, размыванием чувства собственной значимости в обществе, комплексом эмоций и чувств, вызванных переездом в иную среду, физической утратой (пусть и временной) родственных связей, нарушением процессов самоощущения, самоидентификации и т. д.

Трудности адаптации мигрантов обусловлены также фактором профессионального становления личности. Общепринятая классификация стадий профессионального развития личности Э. Ф. Зеера свидетельствует о пребывании личности в возрасте 18–25 лет в стадии профессиональной адаптации, характеризуемой освоением новой социальной роли и формированием профессионально важных качеств². Исследование данной проблемы показало, что мигранты именно данного возраста чаще всего прибывают на

территорию Российской Федерации для осуществления трудовой деятельности.

Как отмечает А. А. Рожков с соавторами, переход к следующей стадии профессионального развития имеет кризисную природу и связан с существенными затратами для адаптации к новым условиям деятельности³. Мигрант сталкивается не только с социально-психологической, но и профессиональной адаптацией и необходимостью преодоления внутренних кризисов, что еще более усложняет адаптационный процесс.

Адаптация мигрантов предполагает приспособление к новой социокультурной среде с отличными от родных традициями, правилами, обычаями и нормами. Попадание в иную среду часто сопровождается культурным шоком, под которым понимается состояние, приводящее к агрессии, враждебному настрою по отношению к принимающей стороне. Это может быть вызвано спектром негативных чувств и эмоций, связанных с ощущением чувства утраты, потери и приводящих к нарушениям социорольевой структуры и повышению тревожности (Oberg, 1973).

В процессе приобщения к новой культуре мигранты проходят несколько стадий:

1 этап – «медовый месяц», мигрант позитивно оценивает новую культуру, традиции и обычаи, он полон надежд и уверен, что сможет справиться со всеми возникающими трудностями;

2 этап – «культурный шок», сопровождается разочарованием, сомнениями относительно правильности своего решения о переезде, вызванными недостаточной степенью владения языком, трудностями в понимании традиций и обычаев принимающей стороны;

3 этап – обострение переживаний, который характеризуется осознанием собственной беспомощности, желанием возвращения в родную страну, повышенными ностальгическими чувствами;

4 этап отмечается возвращением уверенности в собственных силах: мигрант уже решил большинство бытовых трудностей, связанных с местом проживания, трудоустройством и испытывает чувство удовлетворения;

5 этап сопровождается встраиванием мигранта в новую культуру, адаптацией к ее традициям, нормам и правилам⁴.

По мнению зарубежного исследователя G. Simpson, состояние культурного шока приводит к выбору одного из шести типов отношений в контексте «родная –

¹ Бауэр, Е. А. (2019). *Травматерапия и процесс психологической адаптации мигрантов*: учебное пособие. Московская гуманитарно-техническая академия.

² Зеер, Э. Ф., Рудей, О. А. (2008). *Психология профессионального самоопределения в ранней юности*: учебное пособие. Московский психолого-социальный институт; НПО «МОДЭК».

³ Хвезенко, С. П., Рожков, А. А., Жидкова, О. А. (2021). *Психология труда*: учебное пособие. Санкт-Петербургский университет МВД России. ISBN 978-5-91837-415-3

⁴ Почебут, Л. Г. (2005). *Взаимопонимание культур: методология и методы этнической и кросс-культурной психологии. Психология межэтнической толерантности*: учебное пособие. Санкт-Петербургский государственный университет.

чужая культура»: поглощение культурного (этнического) меньшинства большой принимающей этнической группой, сохранение этнической идентичности, постепенное погружение в новую культуру при существенном воздействии принимающей культуры (в том числе посредством насильственных действий), обращение за защитой прав при угрозе дискриминации, добровольное или насильственное переселение, геноцид (Simpson, 1847).

”

Анализ современных исследований демонстрирует их направленность на проблему «секьюритизации» миграционных процессов, ужесточение контроля и пресечение нелегальной миграции, однако психологическим аспектам влияния переселения на психическое состояние мигранта уделено недостаточно внимания

“

Г. К. Триандис придерживается мнения о существовании трех моделей приобщения мигранта к новой культуре: аффилиативная модель выражается в глубокой убежденности необходимости сохранения собственной культуры, следования ее традициям и ценностям; аккомодационная модель характеризует мигранта с позиции и применения новых культурных и поведенческих моделей и поддержания тех, которые заложены в родной культуре, приверженность принимающей культуре в степени, более выраженной, чем у ее представителей; ассимилятивная модель выражается в утрате этнической идентификации и растворении в иной социально-экономической культуре⁵.

О. Г. Мокрецова полагает, что для трудовых мигрантов наиболее актуальным психотравмирующим состоянием, вызванным временным переселением в другое государство, являются ностальгические переживания, глубина которых, по мнению исследователя, связана со степенью психологического благополучия личности мигранта в обществе государства-реципиента, его

психологическими особенностями и видом профессиональной деятельности, в которой он осуществляет свои трудовые функции (Мокрецова, 2015).

Под ностальгией в психологии миграции понимается компенсаторная личностная реакция, наступающая в результате коренного изменения жизненных стереотипов, вызванного переселением в другое государство. Ностальгия представляет собой неосознаваемое стремление к связи настоящего с прошлым и обеспечивает восстановление внутреннего самосознания (Недува, 2013).

А. А. Овчинникова, А. Н. Султанова выявили, что глубокое переживание ностальгии негативно сказывается на социально-психологической адаптации мигрантов, вызывая, в первую очередь, деструкцию отношений с окружающими (Овчинникова, Султанова, 2014).

Н. С. Хрусталева полагает, что в зависимости от глубины переживания ностальгии следует выделить четыре группы мигрантов (Хрусталева, 2010):

1) «практичные» мигранты – не испытывают болезненных ностальгических переживаний, отличаются низким уровнем личных и профессиональных притязаний и бытовых потребностей. В основу психологического благополучия представителей этой группы ложится только ощущение физической безопасности и возможность ознакомиться с другими культурами, что вполне благоприятно решается во время переезда в другую страну. Они нацелены исключительно на материальное обеспечение собственной семьи, проживающей в родном государстве. Ни социальный статус, ни низкоквалифицированный труд и отсутствие каких-либо перспектив профессионального развития не оказывают негативного воздействия на их психологическое благополучие. Адаптация данных мигрантов проходит преимущественно успешно, а новое общество воспринимается в качестве вынужденного, но обеспечивающего уверенность в завтрашнем дне, наполненном материальной и социальной защищенностью;

2) «космополиты» – отсутствие глубоких переживаний, связанных с ностальгией, в этой группе мигрантов объясняется изначально низкой ценностью родственных и дружеских связей в структуре ценностно-смысловой сферы личности мигрантов. Часто они социально и психологически изолированы от взаимоотношений даже в собственном государстве. Миграция для таких мигрантов связана с потребностью в новых ощущениях, а также возможностью профессиональной реализации: они комфортно ощущают себя на новом месте, нацелены на определенное профессиональное развитие, поскольку уровень профессиональных и социальных притязаний достаточно высок. Отличаются высокой ассимиляцией в новой социальной

⁵ Триандис, Гарри К. (2007). *Культура и социальное поведение: учебное пособие* (перевод с английского В. А. Соснина). Иллинойский университет. Форум.

среде, часто создают семьи с представителями другой культуры и легко адаптируются;

3) «рефлексивные» мигранты – в противоположность первым двум группам отличаются глубокими ностальгическими переживаниями и в результате вынужденного лишения социальных, родственных и дружественных связей испытывают ощущение глубокого психологического дискомфорта. Психологическое благополучие отличается выраженным низким уровнем, что отрицательно сказывается на построении взаимоотношений в новом обществе и психологической адаптации;

4) «творческие» мигранты – глубина ностальгических переживаний и продолжительность адаптационного периода определяются возможностями творческой самореализации. Эта группа мигрантов немногочисленна, поскольку большинству представителей творческих профессий удается реализовать себя в родном государстве. Решение об эмиграции ими принимается нечасто и связано исключительно с реальными перспективами быть принятыми в иной культуре, близкой по духу или традициям (Хрусталева, 2010).

Коллектив авторов под руководством Г. Энгберсена (Engbersen, 2013) придерживается типологии трудовых мигрантов исходя из степени их привязанности к государству-реципиенту или государству-донору:

1) сезонные мигранты – отличаются сильными связями с родной страной и не готовы к аккультурации в принимающем государстве; их профессиональная деятельность носит сезонный характер (например, в осенне-зимний или только зимний периоды);

2) бинациональные мигранты – обладают выраженной привязанностью к обеим странам, например, они готовы к созданию семьи в принимающем государстве, однако исключительно с представителем своего народа;

3) «потерянные» мигранты – не испытывают привязанности ни к одной из стран, отличаются глубокой неопределенностью относительно будущих перспектив;

4) переселенцы – у таких мигрантов не выражена привязанность к родному государству, нацелены на культурное растворение в принимающей стране, не стремятся к возвращению на Родину (Engbersen, 2013).

Иностранцы социологи Ф. Дювель и Д. Вогель выделили типы мигрантов в зависимости от стремления возвращения на родину или полной аккультурации в государстве-реципиенте:

1) ориентированные на возвращение мигранты – отличаются небольшим сроком пребывания в принимающей стране, не связывают себя новыми социальными контактами, имеют определенную цель, по достижении которой возвращаются к родной семье;

2) транснациональные мигранты – характеризуются стремлением обеспечивать семью, оставшуюся на родине или мигрирующую вместе с ними; решение о возвращении на родину принимают исходя

из объективности положительных и отрицательных факторов;

3) эмигранты/иммигранты – обладают выраженным стремлением постоянно проживать в государстве-реципиенте, но поддерживают крепкие связи с родными и близкими, проживающими в родном государстве, соблюдают традиции и обычаи собственного народа; устанавливают широкие социальные контакты в государстве-реципиенте, ведут образ жизни, близкий к принятому в принимающей культуре, не стремятся к возвращению на родину;

4) кочующие мигранты – относительно новый вид мигрантов, характеризующийся непрекращающимися переездами из государства в государство в целях поиска более комфортных условий социального проживания и трудоустройства. Легко перенимают традиции и обычаи народов, с которыми их сталкивает временное переселение, возвращение на родину не является для них важным, поэтому обычно они принимают гражданство иного государства (Triandafyllidou, 2006).

М. В. Подольской с коллегами (Подольская и др., 2021) в результате исследования личностных особенностей мигрантов из Центральной Азии выделена типология молодых мигрантов, в основу которой положена этническая идентичность:

1) «этнофанатисты» – такие мигранты отличаются выраженным стремлением к поддержанию этнических традиций, среди личностных особенностей отмечается мотивация к достижению успеха в трудовой деятельности, самостоятельность, конформность и доброта;

2) «этноэгоисты» – ценностно-смысловая сфера личности таких мигрантов характеризуется такими ценностями, как универсализм, гедонизм, безопасность;

3) «этнонигилисты» – для этих мигрантов свойственен уход от собственной этногруппы, они нацелены на достижение высокого социального и профессионального статуса в государстве-реципиенте (Подольская и др., 2021).

Таким образом, анализ современных исследований демонстрирует их направленность на проблему «секьюритизации» миграционных процессов, ужесточение контроля и пресечение нелегальной миграции, однако психологическим аспектам влияния переселения на психическое состояние мигранта уделено недостаточно внимания.

Целью эмпирического исследования является изучение влияния психологического благополучия трудовых мигрантов на их социально-психологическую адаптацию.

Методика исследования

Эмпирическое исследование особенностей социально-психологической адаптации трудовых мигрантов проводилось с сентября 2021 г. по март 2022 г. на

базе Управления по вопросам миграции ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Объектом исследования стали трудовые мигранты, в том числе 50 с делинквентным поведением (привлечение к ответственности в соответствии с КоАП РФ, УК РФ) и 50 – с правопослушным поведением.

Психодиагностический инструментарий исследования: скрининговый опросник «Шкала удовлетворенности жизнью» (УДЖ) Н. Н. Мельниковой, анкета «Социальное благополучие» Н. Н. Мельниковой, опросник «Шкала психологического благополучия Рифф». Используемые психодиагностические методики позволили выявить качество психологического благополучия личности трудовых мигрантов, обнаружить его связи с социально-психологической адаптацией. Статистическая обработка результатов проведена посредством непараметрического коэффициента корреляции Спирмена.

Результаты исследования и их обсуждение

Удовлетворенность жизнью является субъективным переживанием человека. В качестве признаков удовлетворенности/неудовлетворенности жизнью следует учитывать эмоциональное состояние респондента в связи с его актуальными жизненными обстоятельствами, качество активности (пассивности, наличие целей), ощущение насыщенности или пустоты жизни, состояние стабильности/нестабильности окружающего мира, чувство удовлетворенности/разочарования от достижения лично значимых целей.

Для выявления процента трудовых мигрантов, неудовлетворенных своей жизнью, произведен частотный анализ. Установлено, что чувство разочарования жизнью и ощущение расхождения желаемого с действительным характерно для 36 % обследованных мигрантов. На усталость от жизни, чему сопутствует сниженное эмоциональное состояние, физическое и психическое истощение, повышенная пассивность и апатия, отсутствие интереса к прежним увлечениям, указали 7 % респондентов. Наконец, тревога и беспокойство о собственном будущем выражены у 8 % человек.

В среднем для обследованных мигрантов характерна средняя включенность в жизнь ($6,30 \pm 1,57$). Они в достаточной мере ощущают насыщенность и полноту жизни, активны и стремятся к действию, испытывают позитивные эмоции и ощущают душевное равновесие. При этом нельзя исключать возникновение ощущений опустошенности, разочарования и фрустрации, а также временных спадов активности ($4,02 \pm 1,76$).

Обследованные мигранты в большинстве своем не испытывают разочарование и чувство несправедливости от расхождения идеальных представлений о жизни и действительностью. По всей видимости, они в большей мере удовлетворены своей деятельностью, результатами труда, ощущают наличие жизненной перспек-

тивы, позитивно смотрят на будущее, прорабатывая его наиболее реалистичные модели.

Для большинства обследованных мигрантов нехарактерно развитие астенических состояний (усталость, пассивность, апатия). Они в большей мере позитивно смотрят в будущее и уверены в завтрашнем дне ($5,58 \pm 1,58$).

В таблице 1 представлены данные, полученные в выборке трудовых мигрантов с помощью анкеты «Социальное благополучие».

Таблица 1. Удовлетворенность жизнью трудовых мигрантов

Table 1. Satisfaction with the life of labor migrants

Название показателя	N	M	σ
Статус, доход	100	3,52	2,00
Уровень жизни	100	3,43	1,33
Условия труда	100	5,68	1,62
Семейная обустроенность	100	5,16	1,69
Социальное благополучие	100	5,30	1,09

В таблице 1 показано, что в среднем обследованные мигранты имеют невысокий уровень дохода. Их ожидания в плане профессиональных функций, занимаемой должности, престижа профессии и получаемой заработной платы за свой труд не вполне удовлетворены ($3,52 \pm 2,00$). Также скорее неудовлетворительно оцениваются ими уровень жизни, реализуемый в возможности пользоваться социальными благами; особенности проведения свободного времени; регулярность отпуска; возможности трат на питание; оздоровительные, досуговые мероприятия ($3,43 \pm 1,33$). При этом условия труда большинством обследованных лиц оцениваются как удовлетворительные ($5,68 \pm 1,62$). По шкале «Семейная обустроенность» получен результат, указывающий на достаточное благополучие трудовых мигрантов в семейной сфере ($5,16 \pm 1,69$). Аналогичные показатели демонстрируют мигранты и по шкале «Социальное благополучие» ($5,30 \pm 1,09$).

Диагностика комплекса психологических проявлений трудовых мигрантов, сопровождающих процесс их социально-психологической адаптации, и ее интегральные показатели (адаптация, интернальность, принятие себя и других, эмоциональная комфортность и стремление к доминированию) выявлены с помощью методики диагностики социаль-

но-психологической адаптации Роджерса–Даймонда (табл. 2).

Таблица 2. Показатели социально-психологической адаптации

Table 2. Indicators of socio-psychological adaptation

Название показателя	N	M	σ
Адаптивность	100	116,93	35,84
Деадаптивность	100	116,42	37,73
Принятие себя	100	41,05	12,73
Неприятие себя	100	27,72	31,63
Принятие других	100	21,19	4,01
Неприятие других	100	19,58	4,96
Эмоциональный комфорт	100	28,42	4,31
Эмоциональный дискомфорт	100	12,08	6,61
Внутренний контроль	100	31,10	7,18
Внешний контроль	100	22,75	7,51
Доминирование	100	4,63	1,89
Ведомость	100	10,69	6,06
Эскапизм	100	13,66	6,56

В таблице 2 показано, что обследованные мигранты в достаточной мере адаптированы к существованию в обществе, удовлетворены особенностями своего характера, испытывают умеренную потребность во взаимодействии с другими людьми. Обследованным мигрантам свойственно в большей мере позитивное эмоциональное отношение к действительности. Они склонны принимать на себя ответственность за происходящие с ними события, а в ряде ситуаций – избегать проблем. Предпочтительным является выполнение поставленных руководителем задач.

Для определения уровня общего психологического благополучия трудовых мигрантов было проведено исследование с помощью методики «Шкала психологического благополучия Рифф» (табл. 3).

В таблице 3 отражено, что по шкале «Позитивные отношения» средний балл в выборке обследованных мигрантов относится к диапазону нормативных зна-

чений ($4,16 \pm 1,82$). Это указывает на то, что обследованные лица имеют достаточное количество доверительных отношений с окружающими. В незнакомых ситуациях они могут испытывать сложности во взаимодействии, проявлении теплоты и заботы о других. У них в меру развиты способности к эмпатии. В целом обследованные мигранты понимают, что человеческие отношения строятся на взаимных уступках.

По шкале «Автономия» средний балл в выборке обследованных мигрантов относится к диапазону нормативных значений ($5,78 \pm 1,35$). Это характеризует обследованных лиц как вполне самостоятельных людей, в меру конформных.

Полученный по шкале «Управление окружением» средний балл говорит о том, что обследованные мигранты обладают достаточной компетенцией в управлении окружением ($6,24 \pm 1,76$). В привычных для них условиях они контролируют свою деятельность, способны корректировать и создавать условия и обстоятельства, подходящие для достижения личностно значимых целей. При этом в ситуации дезадаптации возможны сложности в организации повседневной деятельности, появление ощущений бессилия в попытках изменить или улучшить складывающиеся обстоятельства.

Полученный по шкале «Личностный рост» средний балл показывает, что обследованные мигранты не в полной мере обладают чувством перманентного развития. Обычно они воспринимают себя людьми, открытыми новому опыту, испытывают чувство реализации своего потенциала, наблюдают улучшение в себе и своих действиях с течением времени; изменяются в соответствии

Таблица 3. Психологическое благополучие трудовых мигрантов

Table 3. Psychological well-being of labor migrants

Название показателя	N	M	σ
Позитивные отношения	100	4,16	1,82
Автономия	100	5,78	1,35
Управление средой	100	6,24	1,76
Личностный рост	100	6,43	1,78
Цели в жизни	100	5,28	1,52
Самопринятие	100	5,26	1,80
Психологическое благополучие	100	5,59	1,72

с собственными познаниями и достижениями. Однако изменение условий окружающей среды может значительно снизить выраженность ощущения личностного роста у обследованных мигрантов ($6,43 \pm 1,78$).

По шкале «Цель в жизни» средний балл в выборке обследованных мигрантов относится к диапазону нормативных значений. Это говорит о том, что они имеют цель в жизни и чувство направленности, считают, что прошлая и настоящая жизнь имеет смысл, придерживаются убеждений, которые являются источниками цели в жизни ($5,28 \pm 1,52$).

По шкале «Самопринятие» средний балл в выборке обследованных мигрантов относится к диапазону нормативных значений ($5,26 \pm 1,80$). Это характеризует их как людей с позитивным отношением к себе. При этом они бывают недовольны собой, разочарованы событиями своего прошлого и могут время от времени испытывать беспокойство по поводу некоторых личных качеств.

Таким образом, результаты, полученные по опросникам и анкете, указывают в целом на средний уровень удовлетворенности жизнью, социального и психологического благополучия, а также социально-психологической адаптации обследованных трудовых мигрантов.

В таблице 4 представлены результаты корреляционного анализа психологического благополучия и по-

казатели социально-психологической адаптации трудовых мигрантов.

В таблице 4 показано, что показатели адаптации, дезадаптации и личностных свойств, напрямую с ними связанные, имеют тесные значимые связи с рядом показателей психологического благополучия трудовых мигрантов. Так, оптимальный уровень социально-психологической адаптации, самопринятия мигрантов обусловлен наличием у них позитивных отношений с окружающей действительностью (0,01), наличием жизненных целей (0,05), способностью принимать себя такими, какие они есть, с позитивными и негативными качествами, что не сопровождается чувством вины (0,05). Высокому уровню социально-психологической адаптации сопутствует высокий уровень психологического благополучия (0,01).

Напротив, социально-психологическая дезадаптация, неприятие себя, экстернальный локус контроля, вedomость и эскапизм связаны со стремлением к автономии (0,05) и самостоятельным управлением окружающим миром (0,01), недостаточно позитивными отношениями с окружающим миром, самопринятием, недостатком жизненных целей (0,05). Низкому уровню социально-психологической адаптации сопутствует низкий уровень психологического благополучия (0,01). Чем хуже отношения у мигрантов с окружающим ми-

Таблица 4. Взаимосвязь психологического благополучия и показателей социально-психологической адаптации трудовых мигрантов

Table 4. Relationship between psychological well-being and indicators of socio-psychological adaptation of labor migrants

	Адаптив- ность	Дез- адаптив- ность	Приня- тие себя	Неприя- тие себя	Неприя- тие других	Эмоцио- нальный дискон- форт	Внеш- ний кон- троль	Ведо- мость	Эска- пизм
Позитивные отношения	0,53	-0,55	0,42	-0,66	-0,61	-0,38	-0,70	-0,64	-0,61
Автономия	-0,40	0,28	-0,35	0,52	0,47		0,58	0,55	0,52
Управление средой	-0,37	0,45	-0,46	0,48	0,56		0,60	0,58	0,51
Цели в жизни	0,34	-0,24	0,39	-0,50	-0,51		-0,58	-0,54	-0,56
Самопринятие	0,38	-0,35	0,40	-0,59	-0,50		-0,54	-0,52	-0,57
Психологическое благополучие	0,40	-0,43	0,34	-0,57	-0,50	-0,21	-0,61	-0,56	-0,52

ром и меньше степень психологического благополучия, тем сильнее у них чувство эмоционального дискомфорта (0,05).

Выводы

В результате проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы.

1. Адаптация мигрантов предполагает приспособление к новой социокультурной среде с отличными от свойственных родной культуре традициями, правилами, обычаями и нормами, поэтому попадание в иную среду часто сопровождается культурным шоком, под которым понимается состояние, приводящее к агрессии, враждебному настрою по отношению к принимающей стороне. Это может быть вызвано спектром негативных чувств и эмоций, связанных с ощущением утраты, потери и приводящих к нарушениям социорольевой структуры и повышению тревожности.

2. Погружение трудового мигранта в иную культуру и систему социально-экономических отношений обуславливает актуальность проблемы его социально-психологической адаптации, под которой понимается процесс включения личности во взаимодействие с социальной средой, предполагающий ориентировку в ней, осознание проблем, возникающих в ходе этого взаимодействия, и нахождение путей их разрешения, набор наиболее адекватной для нее деятельности в дан-

ных условиях в целях достижения соответствия между собой (своими интересами, потребностями, возможностями) и социальной средой. Социально-психологическая адаптация заключается в достижении равновесия между личностью и новой социокультурной средой.

3. Психологическое благополучие трудовых мигрантов оказывает влияние на показатели их социально-психологической адаптации. Так, оптимальный уровень социально-психологической адаптации, самопринятия мигрантов связан с наличием у них позитивных отношений с окружающей действительностью (0,01), наличием жизненных целей (0,05), способностью принимать себя такими, какие они есть, позитивных и негативных качеств, что не сопровождается чувством вины (0,05).

4. Социально-психологическая дезадаптация, неприятие себя, экстернальный локус контроля, ведомость и эскапизм связаны со стремлением к автономии (0,05) и самостоятельным управлением окружающим миром (0,01), недостаточно позитивным отношением с окружающим миром, самопринятием, недостатком жизненных целей (0,05). Низкому уровню социально-психологической адаптации сопутствует низкий уровень психологического благополучия (0,01). Чем хуже отношения у мигрантов с окружающим миром и меньше степень психологического благополучия, тем сильнее у них чувство эмоционального дискомфорта (0,05).

Список литературы

- Бавсун, М. В. (2016). Влияние факторов социокультурного характера на формирование уголовно-правовой политики. *Общество и право*, 4(58), 32–36.
- Дзюник, Д. В., Крылова, Н. А. (2021). Роль МВД России в стабилизации миграционной обстановки. В *Актуальные проблемы законодательного регулирования миграционных процессов на территории государств-участников СНГ: материалы ежегодной международной научно-практической конференции* (г. Санкт-Петербург, 23 октября 2020 года, стр. 49–52). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Котельникова, А. В. (2009). *Личностные корреляты посттравматического стресса (на материале выборки вынужденных переселенцев)*: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва.
- Матренин, Р. О., Сулейманова, Н. З. (2019). Миграция на примере России: причины, факторы и последствия. *Международный студенческий научный вестник*, (1), 112.
- Михайлова, Н. Б. (2000). Психологическое исследование ситуации эмиграции. *Психологический журнал*, 21(1), 26–38.
- Мокрецова, О. Г. (2015). *Социально-психологические особенности адаптации трудовых мигрантов из Узбекистана*: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Санкт-Петербург.
- Недува, А. А. (2013). Психология и психопатология ностальгии у эмигрантов. *Психиатрия*, 2(58), 44–47.
- Овчинников, А. А., Султанова, А. Н. (2014). Сравнительный анализ психологического благополучия и стратегий адаптации студентов-мигрантов и студентов титульного этноса. *Медицина и образование в Сибири*, (4), 15.
- Подольская, М. В., Винькова, Г. А., Пономарева, И. В., Пахомова, Я. Н. (2021). Ценности молодежи, мигрирующей из Центральной Азии с различным типом этнической идентичности. *Человеческий капитал*, 10 (154), 120–126.
- Тишков, В. А. (отв. ред.) (1996). *Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах*. Москва: Институт этнологии и антропологии РАН.
- Хрусталева, Н. С. (2010). Переживание психической травмы и печали в условиях эмиграции. *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*, (1), 253–260.
- Engbersen, G., Leerkes, A., Grabowska-Lusinska, I., Snel, E., & Burgers, J. (2013). On the differential attachments of migrants from Central and Eastern Europe: A typology of labour migration. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 39(6), 959–981. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2013.765663>

- Oberg, K. (1973). *The Social Economy of the Tlingit Indians*. University of Washington Press.
- Simpson, G. (1847). *Narrative of a Journey round the World during the Years 1841 and 1842* (Vol. 1–2). London: Henry Colburn.
- Triandafyllidou, A. (2006). *Contemporary Polish Migration in Europe. Complex Patterns of Movement and Settlement*. New York: Edwin Mellen Press.

References

- Bavsun, M. V. (2016). Vliyanie faktorov sociokul'turnogo haraktera na formirovanie ugovolno-pravovoy politiki. *Obshchestvo i pravo*, 4(58), 32–36.
- Dz'oniĭ, D. V., Krylova, N. A. (2021). Rol' MVD Rossii v stabilizacii migracionnoj obstanovki. V *Aktual'nye problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya migracionnykh processov na territorii gosudarstv-uchastnikov SNG: materialy ezhegodnoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (g. Sankt-Peterburg, 23 oktyabrya 2020 goda, str. 49–52). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Kotel'nikova, A. V. (2009). *Lichnostnye korrelyaty posttravmaticheskogo stressa (na materiale vyborki vynuzhdennykh pereselenec)*: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. Moskov.
- Matrenin, R. O., Sulejmanova, N. Z. (2019). Migraciya na primere Rossii: prichiny, faktory i posledstviya. *Mezhdunarodnyj studencheskij nauchnyj vestnik*, (1), 112.
- Mihajlova, N. B. (2000). Psihologicheskoe issledovanie situacii emigracii. *Psihologicheskij zhurnal*, 21(1), 26–38.
- Mokrecova, O. G. (2015). *Social'no-psihologicheskie osobennosti adaptacii trudovykh migrantov iz Uzbekistana*: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. Saint Petersburg.
- Neduva, A. A. (2013). Psihologiya i psihopatologiya nostalgii u emigrantov. *Psihiatriya*, 2(58), 44–47.
- Ovchinnikov, A. A., Sultanova, A. N. (2014). Sravnitel'nyj analiz psihologicheskogo blagopoluchiya i strategij adaptacii studentov-migrantov i studentov titul'nogo etnosa. *Medicina i obrazovanie v Sibiri*, (4), 15.
- Podol'skaya, M. V., Vin'kova, G. A., Ponomareva, I. V., Pahomova, YA. N. (2021). Cennosti molodezhi, migriruyushchej iz Central'noj Azii s razlichnym tipom etnicheskoy identichnosti. *Chelovecheskij kapital*, 10(154), 120–126.
- Tishkov, V. A. (otv. red.) (1996). *Migracii i novye diaspory v postsovetskikh gosudarstvakh*. Moskov: Institut etnologii i antropologii RAN.
- Hrustaleva, N. S. (2010). Perezhivanie psihicheskoy travmy i pechali v usloviyah emigracii. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 12. Psihologiya. Sociologiya. Pedagogika*, (1), 253–260.
- Engbersen, G., Leerkes, A., Grabowska-Lusinska, I., Snel, E., & Burgers, J. (2013). On the differential attachments of migrants from Central and Eastern Europe: A typology of labour migration. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 39(6), 959–981. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2013.765663>
- Oberg, K. (1973). *The Social Economy of the Tlingit Indians*. University of Washington Press.
- Simpson, G. (1847). *Narrative of a Journey round the World during the Years 1841 and 1842* (Vol. 1–2). London: Henry Colburn.
- Triandafyllidou, A. (2006). *Contemporary Polish Migration in Europe. Complex Patterns of Movement and Settlement*. New York: Edwin Mellen Press.

Информация об авторе:

Денис Витальевич Дзьоник – кандидат юридических наук.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

About the author:

Denis V. Dz'oniĭ – Cand. Sci. (jurid.).

The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 05.09.2022

Одобрена после рецензирования 13.11.2022

Опубликована 29.12.2022

Submitted September 5, 2022

Approved after reviewing November 13, 2022

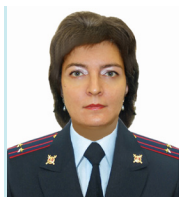
Accepted December 29, 2022

УДК 159.972

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-4-428-437

Гендерный аспект психологических факторов риска суицидального поведения

Юлия Юрьевна СтрельниковаСанкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
ulich1969@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8375-1293

Аннотация

В статье рассматриваются личностные факторы риска и внутренние протективные (защитные) факторы суицидального поведения на примере психологических особенностей женщин, совершивших попытку самоубийства ($n=40$, возраст $38,6 \pm 5,1$ лет), в сравнении с контрольной группой. Актуальность исследования обусловлена необходимостью прогнозирования совершения повторных суицидальных попыток, а также безотлагательностью оказания психокоррекционной и психотерапевтической помощи. Методы исследования: 16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла (16-ФЛЮ, форма С), тест рисуночной ассоциации (фрустрационных реакций) С. Розенцвейга, тест П. И. Юнацкевича «СР-45» (выявление склонности к суицидальным реакциям). С помощью анонимной анкеты регистрировались социально-демографические показатели: возраст, семейное положение, количество детей, уровень образования и профессиональная занятость. Статистический анализ эмпирических данных проводился в программе «SPSS Statistics, ver. 19.0» с использованием U-критерия Манна-Уитни ($p \leq 0,05$) и r-коэффициента корреляции Пирсона ($p = 0,05$; $p = 0,01$). В результате исследования установлено, что психологическими факторами риска суицидального поведения (в контексте значимости переживаемой ситуации) являются социально-демографические и личностные особенности: одиночество, отсутствие работы, замкнутость, скрытность, отчужденность, необщительность, эмоциональная лабильность, импульсивность, слабый волевой самоконтроль, пессимизм, тревожность, социальная пассивность, несамостоятельность, потребность в поддержке окружающих, робость, зависимость, низкая самооценка, готовность брать вину на себя, неорганизованность, безответственность, конкретность и ригидность мышления, низкая нормативность поведения, социальная дезадаптация, недостаточно развитые навыки конструктивного поведения в стрессовой ситуации. В индивидуальной работе необходимо проработать актуальный и прошлый травматический опыт, используя интегративный подход (методы телесно-ориентированной, когнитивно-поведенческой, экзистенциальной и гештальт-терапии, трансактного анализа, техники нейролингвистического программирования и др.). После нормализации соматического и эмоционального состояния показана групповая психотерапия, например, в виде тренингов коммуникативной компетентности, повышения самооценки, стрессоустойчивости и др., в целях формирования конструктивных навыков решения конфликтных ситуаций и преодоления жизненных трудностей.

Ключевые слова

самоубийство, суицидент, суицидальная попытка, суицидальное поведение, суицидальные факторы, женщины, фрустрация

Для цитирования: Стрельникова, Ю. Ю. (2022). Гендерный аспект психологических факторов риска суицидального поведения. *Российский девиантологический журнал*, 2(4), 428–437. doi: 10.35750/2713-0622-2022-4-428-437.

Original paper

The gender aspect of psychological risk factors for suicidal behavior

Yulia Yu. Strelnikova

Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Saint Petersburg, Russia)

ulich1969@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8375-1293

Abstract

In article the personal risk factors and internal protective factors of the suicide behavior on an example of psychological features of the women who have made attempted suicide ($n=40$, age $38,6\pm 5,1$ years), in comparison with control group are considered. The relevance of the study is due to the need to predict the commission of repeated suicide attempts, as well as the urgency of psychocorrective and psychotherapeutic assistance. Methods of research: R. Kettell's 16-factor personality questionnaire (16-FLO, form C), S. Rosenzweig's test of drawing association (frustration reactions). Rosenzweig, P. I. Junatzkevich's test «SR-45» (detection of propensity to suicidal reactions). Using an anonymous questionnaire, socio-demographic indicators were recorded: age, marital status, number of children, level of education and professional employment. Statistical analysis of empirical data was carried out in the program «SPSS Statistics, ver. 19.0» using Mann-Whitney U-criterion ($p\leq 0.05$) and Pearson's r-correlation coefficient ($p=0.05$; $p=0.01$). As a result of the study, it was found that psychological risk factors for suicidal behavior (in the context of the significance of the situation experienced), are socio-demographic and personal characteristics: loneliness, lack of work; reticence, secrecy, aloofness, non-sociability, emotional lability, impulsivity, weak willful self-control, pessimism, anxiety, social passivity, non-self-sufficiency, need for support from others, timidity, dependence, low self-esteem, willingness to take the blame for themselves, not In individual work, it is necessary to work through current and past traumatic experiences, using an integrative approach (methods of body-oriented, cognitive-behavioral, existential and Gestalt therapy, transactional analysis, techniques of neurolinguistic programming, etc.). After normalization of the somatic and emotional state, group psychotherapy is indicated, for example, in the form of training in communicative competence, self-esteem, stress-resistance, etc., in order to form constructive skills for resolving conflict situations and overcoming difficulties in life.

Keywords

suicide, suicide, suicide attempt, suicidal behavior, suicidal factors, women, frustration

For citation: Strelnikova, Yu. Yu. (2022). The gender aspect of psychological risk factors for suicidal behavior. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(4), 428–437. doi: 10.35750/2713-0622-2022-4-428-437.

Введение

Суицид (самоубийство) – одна из форм отклоняющегося поведения (аутодеструктивная, по Е. В. Змановской). По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), в мире ежегодно более 700 тысяч человек заканчивают жизнь самоубийством, при этом на каждый завершённый суицид приходится значительно больше попыток самоубийства¹. В России доля самоубийств в структуре смертности от внешних причин в 2020 г. составила 12,1 %, а в структуре общей

смертности – 1 % (Аминов, 2021). По данным ВОЗ, суицид является четвертой по значимости причиной смертности в мире (в возрастной группе 15–29 лет), а в России это вторая по частоте причина смертей молодых людей 15–29 лет (8,5 %) и третья – в возрастной группе 30–35 лет². Женщины испытывают более высокий уровень суицидальных мыслей, чем мужчины, и в три раза чаще совершают попытки самоубийства (Weissa et al., 2022). А. А. Пичиков указывает, что «женщины чаще мужчин пытаются покончить с собой, но

¹ Самоубийство: информ. бюл. от 17 июня 2021 г. URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs398/ru/>

² Письмо Министерства здравоохранения РФ от 6 марта 2020 г. № 15-2/И/2-2645 О методических рекомендациях «Суицидальное поведение несовершеннолетних (профилактические аспекты)». <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74231984/>

в итоге мужчины значительно чаще доводят дело до конца и лишают себя жизни (Пичиков, 2015, с. 7). В развитых странах мужчин-суицидентов в три раза больше, чем женщин; в развивающихся это соотношение составляет 1:6. Эти данные подтверждаются статистикой Росстата: в 2019 г. в нашей стране в результате самоубийства умерли 17 200 человек (на 1 тыс. меньше, чем в 2018 г., из них мужчин – 14 299, женщин – 2893), в 2020 г. – 16 500 (мужчин – 13 731, женщин – 2815)³.

Выяснение причин и обстоятельств, которые приводят человека к потребности уйти из жизни, поиск суицидообразующих и протективных (защитных) факторов, снижающих такую вероятность, а также первичная и вторичная профилактика повторных попыток являются комплексной междисциплинарной проблемой: медицинской, социально-психологической, педагогической и юридической. Суицидальное поведение может рассматриваться и как социально-экономическая проблема, поскольку в случае нефатального исхода попытка самоубийства может привести к длительной утрате трудоспособности или инвалидности (Ваулин, 2012, с. 4).

Актуальность исследования личностных особенностей (факторов риска и протективных – защитных факторов) женщин-суицидентов обусловлена необходимостью прогнозирования степени риска повторных суицидальных попыток, а также безотлагательностью оказания им психотерапевтической и медицинской помощи. Данная работа является более подробным описанием результатов исследования, апробированного на III Всероссийском симпозиуме психологов в 2021 г. (Стрельникова, 2022).

Цель исследования: провести анализ социально-психологических характеристик женщин-суицидентов, разработать рекомендации по оказанию психологической помощи и профилактике суицидального поведения у обследованного контингента.

Объект исследования: гендерный аспект психологических факторов риска суицидального поведения.

Предмет исследования: психологические особенности женщин, сознательно совершивших суицидальную попытку.

Обзор литературы

Суицидент – это лицо, совершившее суицидальную попытку или самоубийство. Суицидальное поведение «включает как самоубийство, так и акты самоповреждения, которые не имеют смертельного исхода: попытку самоубийства (высокие суицидальные намерения), умышленное самоповреждение (должно было привести к смерти) и парасуицид, т. е. поведение со смешанным амбивалентным чувствами или без суицидального намерения» (Божкова, Агафонова, Рытова, 2018).

Согласно концепции А. Г. Амбрумовой, «суицид – это социально-психологическая дезадаптация личности в условиях переживаемого микросоциального конфликта (Пичиков, 2015, с. 23). При этом риск дезадаптации и, соответственно, суицида повышается при сочетанном влиянии психических травм (разных форм насилия) и истощения ресурсов личности на фоне длительного хронического стресса (социальных и семейно-бытовых стрессоров повседневной жизни).

В обществе имеются гендерные стереотипы, представления о социальном статусе, правах мужчин и женщин. Известно также, что существуют половые различия в психологических особенностях: мотивации, доминировании базовых эмоций, общении, само-

”

Выяснение причин и обстоятельств, которые приводят человека к потребности уйти из жизни, поиск суицидообразующих и протективных (защитных) факторов, снижающих такую вероятность, а также первичная и вторичная профилактика повторных попыток являются комплексной междисциплинарной проблемой

“

оценке, свойствах личности, поведении в конфликтных и фрустрирующих ситуациях. Женщины, в отличие от мужчин, больше страдают от аффективных (депрессивных) расстройств, нередко являющихся причиной совершения суицидальных попыток, однако они реже усугубляют свое состояние алкоголем, используют менее летальные способы суицида и чаще обращаются к врачам в поисках поддержки и помощи (следовательно, чаще попадают в статистическую отчетность). А. А. Пичиков отмечает, что «мужчины гораздо чаще имеют сочетание нескольких факторов риска в виде «смертельной суицидальной триады»: депрессии, импульсивных и агрессивных черт личности, а также злоупотребления психоактивными веществами» (Пичиков, 2015, с. 39–40). Кроме того, теория социализации подчеркивает значимость для аутоагрессивного

³ Статистика смертности по данным Росстат. <https://rosinfostat.ru/smernost/>

поведения социокультурных норм и полоролевых стереотипов в отношениях между полами. Следовательно, гендер может влиять не только на состояние здоровья человека, но и на его экзистенциальное отношение к смерти.

До настоящего времени многими исследователями неоднократно предпринимались попытки объяснения преобладающей доли мужчин в общей статистике завершенного суицида. Н. А. Орлова указывает, что их «аргументы сводятся к сложившемуся гендерному порядку, а именно к тем социальным ролям, которые предписаны женщинам (хранительница очага, мать, выполняющая экспрессивную функцию) и мужчинам (охотник, ищущий достижений во внешнем мире, выполняющий инструментальную функцию). Стереотипы феминности и маскулинности рисуют женщину как зависимую, а мужчину как доминирующего. При этом общество позволяет женщине выказывать свои чувства и обсуждать их, тогда как мужчина должен держать эмоции при себе» (Орлова, 2015, с. 35).

Данное объяснение не соответствует реалиям настоящего времени, в котором женщина часто несет на себе равную, а иногда и более весомую психоэмоциональную нагрузку, связанную с высокой ответственностью, профессиональными и семейно-бытовыми обязанностями. Так, S. J. Weissa с соавторами считает, что женщины несут основную ответственность в своих семьях, а также в рабочей среде, при этом неблагоприятные последствия системного стресса являются далекоидущими для них самих и общества в целом (Weissa et al., 2022). W. Lin с соавторами также установили, что семейный и рабочий стресс связаны с суицидальным поведением у женщин (Lin et al., 2020). Следует отметить, что в России, как и за рубежом, женщины составляют значительную долю сотрудников в силовых структурах и опасных профессиях, что дает дополнительную психофизиологическую и эмоциональную нагрузку на их психику. Так, А. Н. Померлян, О. В. Григорьев отмечают, что «в последнее десятилетие в Вооруженных Силах РФ, воинских формированиях и службах, а также в органах МВД происходит изменение гендерного состава... При этом условия заключения контракта не предполагают разделения по половому признаку» (Померлян, Григорьев, 2020, с. 94–95). М. Е. Репин, Д. Д. Серебровская приводят следующие статистические данные: «В Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации из общей численности личного состава в 340 000 примерно 45 000 – женщины. При этом сотрудников – 25 000, а статус военнослужащих имеют 19 650 женщин. Еще больше женщин служит в Министерстве внутрен-

них дел России. Специальное звание сотрудника полиции имеют 167 300 женщин. При этом в отдельных подразделениях МВД количество женщин достигает 50 %» (Репин, Серебровская, 2018, с. 1132). Однако В. Д. Губин, П. С. Сысоев, С. Н. Шишлов в социально-психологическом анализе суицидальных происшествий среди военнослужащих войск национальной гвардии не приводят данных о количестве суицидов среди женщин⁴. Означает ли это закономерно более высокую суицидальную активность мужской части сотрудников, несмотря на идентичные для обоих полов критерии профессионального отбора? Если да, то какие психологические протективные факторы препятствуют суицидальному поведению женщин в силовых структурах? Ответы на данные вопросы еще предстоит получить в последующих научных изысканиях.

В зарубежной научной литературе приводятся противоречивые данные о связи психофизиологических особенностей женщин с риском суицидального поведения. Так, в исследованиях L. Appleby (Appleby, 1996), P. M. Marzuk (Marzuk, 1997) установлено, что беременность в три раза снижает риск суицида по сравнению с небеременными женщинами детородного возраста. Также антисуицидальным фактором является наличие маленького ребенка (Qin, Agerbo, Westergard-Nielsen, 2000). Напротив, А. Е. Czeizel считает, что риск суицидального поведения возрастает во время беременности, на фоне предменструального синдрома и снижения уровня эстрогенов во вторую фазу менструального цикла (Czeizel, 2011). Исследования показывают также, что в перинатальный период женщины с опытом предменструального дисфорического расстройства имеют суицидальные мысли, в период послеродовой депрессии и в пременопаузе (Osborn et al., 2021) подвергаются большему риску самоубийства вследствие суицидальных попыток, независимо от сопутствующих психиатрических заболеваний (Meurk et al., 2021).

Однако в настоящее время отечественные и зарубежные исследователи придерживаются общего мнения, что наиболее эффективным в прогнозировании риска самоубийства является личностно-ориентированный подход. К социально-демографическим факторам риска, связанным с суицидальными мыслями или попыткой самоубийства, относятся следующие: неполное среднее образование, бедность, отсутствие партнера (супруга), работы, конфликты в семье, психосоматические заболевания, гипотимия и молодой возраст женщин (от 16 до 44 лет) (Ivey-Stephenson et al., 2022). S. J. Weissa с соавторами установили, что суицидальные мысли присутствовали у молодых женщин, лишенных поддержки со стороны семьи. Женщины, которые пы-

⁴ Губин, В. Д., Сысоев, П. С., Шишлов, С. Н. (2018). *Психология и педагогика самоубийств среди военнослужащих: методология, теория, практика: учеб.-метод. пособие*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации.

тались покончить с собой, отличались от тех, кто этого не делал, психотравмирующим опытом: они пережили физическое или сексуальное насилие в молодом возрасте, в их анамнезе наблюдалась тяжелая форма депрессии, чувство безнадежности, самоубийство или психическое заболевание у близких родственников. Женщины, которые были свидетелями и подверглись насилию, имели в 1,86 раза больше шансов суицидальной попытки (Weissa et al., 2022). Существуют также убедительные доказательства того, что генетические и общие факторы окружающей среды ответственны за передачу суицидального поведения и могут накапливаться в семьях независимо от половой принадлежности (Hill et al., 2020; Fehling & Selby, 2021).

В рекомендациях по профессиональному психологическому отбору в органы внутренних дел перечислены характерологические особенности, которыми может обладать потенциальный мужчина-суицидент: неуверенность в себе, несамостоятельность, потребность в эмпатии, понимании и поддержке со стороны окружающих; затруднения в принятии волевых решений, пессимизм, сниженная активность в состоянии фрустрации; тенденции к самообвинению, повышенная тревожность, чувство вины; низкий уровень социализации, незрелость личности⁵. Перечисленные психологические факторы суицидального риска у мужчин, с одной стороны, связаны с психическим инфантилизмом, с другой – отчасти напоминают феминные черты, что ставит перед учеными новые исследовательские вопросы.

Таким образом, имеющиеся в настоящее время сведения оставляют открытым вопрос о гендерном аспекте психологических факторов риска суицидального поведения. Это свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения данной проблемы для создания профилактических, реабилитационных и психокоррекционных программ, дифференцированных по половому признаку.

Методология, методы и материалы исследования

Гипотеза исследования: индивидуально-психологические особенности женщин влияют на выбор стратегии поведения во фрустрирующей ситуации и могут являться как протективными, так и суицидобразующими факторами.

Выборку составили две группы испытуемых. Первая группа «суициденты» – женщины (n=40), средний возраст $38,6 \pm 5,1$ лет, имеющие среднее образование и находящиеся в момент обследования на лечении в психиатрической больнице в связи с совершенной суицидальной попыткой. Профессиональная заня-

тость в данной группе была различной: безработные, находящиеся в отпуске по уходу за детьми, занятые в отраслях народного хозяйства (торговле, общественном питании, жилищно-коммунальном хозяйстве, бытовом обслуживании населения). Служащих силовых ведомств представлено не было.

Вторая группа «контрольная» – женщины (n=40), средний возраст $37,8 \pm 5,6$ лет, имеющие среднее образование (медицинское), стаж работы в психиатрической больнице более трех лет.

Для реализации поставленной цели использовались следующие **методы**: 16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла (16-ФЛО, форма С), тест рисуночной ассоциации (фрустрационных реакций) С. Розенцвейга, тест П. И. Юнацкевича «СР-45» (выявление склонности к суицидальным реакциям), тест М. Люшера (модификация попарные сравнения). С помощью анонимной анкеты регистрировались социально-демографические показатели: возраст, семейное положение, количество детей, уровень образования и профессиональная занятость. Статистический анализ эмпирических данных проводился в программе «SPSS Statistics, ver. 19.0» с использованием U-критерия Манна-Уитни ($p \leq 0,05$) и r-коэффициента корреляции Пирсона ($p = 0,05$; $p = 0,01$).

Результаты исследования и их обсуждение

В группе суицидентов 47 % женщин являлись безработными, что значительно отличало их от контрольной группы ($p=0,04$), в которой все обследуемые были трудоустроены. 38 % женщин, совершивших суицидальную попытку, формально были замужем, но на момент опроса находились в состоянии бракоразводного процесса, 63 % из них имели одного ребенка, 35 % – двух, 2 % – трех и более детей. Однако в сравнении с контрольной группой значимых различий по уровню образования, семейному положению и количеству детей обнаружено не было.

В результате сравнительного анализа были выявлены статистически значимые различия ($p \leq 0,05$) по показателям 16-ФЛО Р. Кеттелла, теста С. Розенцвейга и теста «СР-45» (табл. 1).

Женщины, совершившие попытку суицида, отличаются от контрольной группы, прежде всего, свойствами нервной системы, эмоциональными характеристиками личности и реакцией на фрустрирующие обстоятельства, а также невысоким уровнем вербальной культуры, подчиненностью и низкой нормативностью поведения. Для них характерны следующие социально-психологические особенности:

– интровертированность, сдержанность и формализм в межличностных контактах, невысокая экспрессив-

⁵ Костюкевич, В. П. (2002). *Проблема суицидов в органах внутренних дел и пути их профилактики: учебное пособие*. Домодедово: ВИПК МВД России.

Таблица 1. Результаты сравнительного анализа личностных особенностей женщин, совершивших попытку суицида

Table 1. The results of a comparative analysis of the personality characteristics of women who attempted suicide

Показатель	Значения показателей (M ±δ)		t	p
	Суициденты	Контрольная группа		
16-ФЛО Р. Кеттелла (форма С), факторы				
А «замкнутость – общительность»	4,5±2,39	6,5±1,61	3,8	0,0003
В «интеллект»	4,6±2,14	6,3±2,0	3,2	0,002
С «эмоциональная стабильность – нестабильность»	4,2±2,49	6,2±2,21	3,3	0,001
Е «подчиненность – доминантность»	5,3±2,38	7,1±2,09	3,2	0,002
Г «сдержанность – экспрессивность»	6,2±2,39	7,5±1,77	2,5	0,01
Г «низкая – высокая нормативность поведения»	4,5±2,53	7,3±1,43	5,1	0,0001
Н «робость – смелость»	4,2±2,13	5,7±1,89	2,8	0,008
О «спокойствие – тревожность»	6,9±1,85	4,8±2,45	3,9	0,0001
Q ₃ «низкий – высокий самоконтроль»	5,0±2,51	6,8±2,37	2,9	0,006
Q ₄ «расслабленность – напряженность»	5,6±2,72	8,0±1,58	4,2	0,0001
Q ₂ «конформизм – неконформизм»	4,9±2,70	6,0±2,09	1,8	0,07*
Тест рисуночной ассоциации С. Розенцвейга (%)				
Экстрапунитивные реакции (Е)	17,5±11,15	37,3±12,98	6,3	0,0001
Импунитивные реакции (М)	34,9±10,56	21,9±8,16	-5,3	0,0001
Реакции с фиксацией на препятствии (О-D) ₁	33,8±7,85	23,9±7,63	-4,9	0,0001
Реакции, направленные на разрешение ситуации (N-P)	22,3±10,04	38,3±8,17	6,7	0,0001
Коэффициент групповой адаптации (КГА)	24,4±16,17	39,9±8,23	4,7	0,0001
тест П. И. Юнацкевич «СР-45»				
Склонность к суицидальным реакциям	0,38±1,13	0,08±0,38	4,8	0,0001

* Тенденция к различию $0,05 \geq p \leq 0,08$

*Trend towards difference $0.05 \geq p \leq 0.08$

ность, трудности в общении и принятии самостоятельных решений, социальная пассивность, пессимистичность в восприятии будущего, ожидание возможных неудач и несчастий (сочетание факторов А, F, Н 16-ФЛО);

– эмоциональная лабильность, зависимость от настроений, импульсивность, низкая волевая регуляция эмоций и поведения, раздражительность, неумение анализировать мотивы партнера, апатичность, отсутствие мотивации достижения, недостаточная дисциплинированность, простота и наивность (факторы С, О, Q₃, Q₄ 16-ФЛО, в сочетании с фактором N 16-ФЛО, по которому не было получено различий);

– зависимость, безропотность, услужливость, пассивность, потребность в поддержке окружающих,

готовность брать вину на себя, склонность к непостоянству чувств, потворство своим желаниям, неорганизованность, безответственность, несоблюдение социальных норм и правил (факторы Е, G 16-ФЛО) в сочетании с конкретностью и невысокой оперативностью мышления (фактор В 16-ФЛО).

При фрустрирующих обстоятельствах женщины из группы суицидентов, с одной стороны, склонны болезненно фиксироваться на препятствии и преувеличивать трудности, а с другой – могут беспечно обесценивать и игнорировать их («ничего страшного не случилось»). Они также стремятся избегать ответственности, недооценивать серьезность ситуации, не желая прикладывать усилия по ее преодолению («ни-

чего не надо делать»). Подобное поведение свойственно невротическому варианту дезадаптации. Показателем невротизации служит также низкий коэффициент групповой адаптации (КГА, тест Розенцвейга), который свидетельствует о недостаточном коммуникативном потенциале, нарушении нормальных взаимоотношений с окружающими. Только в 24,4 % случаев обследованные ведут себя в соответствии с нормами поведения, принятыми в обществе. У них недостаточно развиты рациональные, конструктивные навыки разрешения ситуации и преодоления трудностей.

Перечисленные характерные психологические особенности женщин, совершивших попытку самоубийства, можно рассматривать как *личностные факторы риска суицидального поведения*. На фоне длительной психической травматизации и при реактивных состояниях психики нельзя исключать вероятность повторной суицидальной попытки, поскольку склонность к суицидальным реакциям в данной группе выше, чем в контрольной. Однако на момент обследования эти реакции маловероятны, так как оценка суицидального риска находится на уровне средних значений (3,8 балла; СР-45). Позитивный результат, видимо, связан с эффективным медикаментозным и психотерапевтическим лечением, проводимым в стационаре. Наглядно результаты исследования представлены на гистограмме средних значений по методике «СР – 45» (рис. 1).

Отличительными признаками женщин контрольной группы являются следующие: преобладание стенических эмоций; развитое абстрактное мышление, высокий уровень общей культуры; общительность, до-

брота, уживчивость в коллективе; стабильность в поведении и интересах, упорство в достижении своей цели, ответственность и чувство долга; адекватная самооценка; наличие адаптивных и конструктивных навыков стресс-преодолевающего поведения, отсутствие склонности к суицидальным реакциям.

Корреляционный анализ позволил установить следующие взаимосвязи в личностной структуре женщин-суицидентов: чем выше эмоциональная неустойчивость, импульсивность (С-фактор 16-ФЛО, $r = -0,37$), упрямство, доминантность (Е-фактор 16-ФЛО, $r = -0,41$), экспрессивность, беспечность (F-фактор 16-ФЛО, $r = -0,38$), тем хуже развиты навыки конструктивного поведения во фрустрирующей ситуации (NP, тест Розенцвейга) и сильнее выражена гипотимия, ощущение беспросветности будущего (черный цвет, тест Люшера, $r = -0,39$). Ригидность в стрессовой ситуации, фиксацию на препятствии, отсутствие продуктивных действий (OD, тест Розенцвейга) чаще демонстрируют покладистые, уступчивые женщины, для которых характерно чувство собственной незначительности (L-фактор 16-ФЛО, $r = -0,41$). При этом экстрапунитивные реакции во фрустрирующих обстоятельствах (E, тест Розенцвейга, $r = 0,36$) снижают риск суицидального поведения (СР-45). Социальная адаптация (КГА, тест Розенцвейга) хуже у напряженных, раздражительных женщин, склонных к суетливой активности (Q4 16-ФЛО, $r = -0,48$), предпочитающих в стрессовой ситуации отрицать или игнорировать негативную информацию (M, тест Розенцвейга, $r = -0,56$) (Стрельникова, 2022).

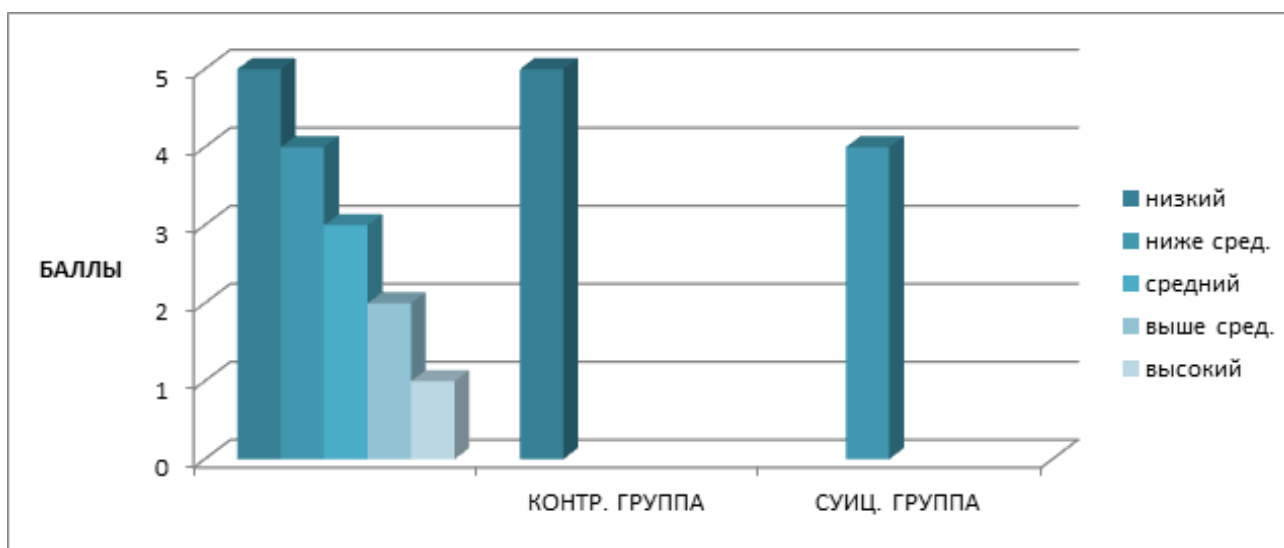

Рис. 1. Суицидальный риск в обследованных группах (методика «СР -45», баллы)

Fig. 1. Suicidal risk in the examined groups (method «SR -45», points)

Выводы

На основании проведенного исследования можно заключить, что для женщин *психологическими факторами риска суицидального поведения* (в контексте значимости переживаемой ситуации) являются:

1) *социально-демографические показатели*: одиночество, отсутствие работы; при этом в некоторых случаях наличие детей не препятствует попытке лишить себя жизни;

2) *личностные особенности*: замкнутость, скрытность, отчужденность, необщительность, эмоциональная лабильность, склонность к непостоянству чувств, импульсивность, слабый волевой самоконтроль, противоречие своим желаниям, пессимизм, тревожность, социальная пассивность и незрелость, несамостоятельность в принятии решений, потребность в поддержке окружающих, робость, зависимость, низкая самооценка, готовность брать вину на себя, неорганизованность, безответственность, конкретность и ригидность мышления, свободное отношение к общепринятым моральным правилам и нормам, низкая социальная адаптация, недостаточно развитые навыки конструктивного поведения в стрессовой ситуации (склонность фиксироваться на препятствии и преувеличивать трудности либо обесценивать и отрицать фрустрирующие обстоятельства).

В качестве *протективных (защитных) факторов* суицидального поведения могут выступать:

1) *социально-демографические показатели*: наличие семьи (поддержки близких) и профессиональная занятость;

2) *личностные особенности*: общительность, открытость, готовность к сотрудничеству, внимание к людям, уживчивость в коллективе, эмоциональная устойчивость, преобладание стенических эмоций, активность, энергичность, жизнерадостность, оптимистичность, смелость, решительность, независимость, самостоятельность, целеустремленность, ответственность и чувство долга, высокая нормативность поведения, адекватная самооценка, развитое абстрактное мышление, высокий уровень общей культуры, наличие адаптивных и конструктивных навыков стресс-преодолевающего поведения (при этом экстрапунитивные реакции во фрустрирующих обстоятельствах снижают риск суицидального поведения).

В отношении женщин-суицидентов не существует однотипных рекомендаций по психологическому сопровождению и реабилитации, поскольку часть из них рассматривает суицидальную попытку как средство манипулирования окружающими (в demonstra-

тивно-шантажных целях), другие – как крик о помощи в безвыходной ситуации, третьи – с целью защитить своих близких, четвертые – на фоне острого или посттравматического стрессового расстройства и др. В связи с этим необходим индивидуальный подход к каждой женщине, находящейся в кризисной ситуации или ситуации личностного конфликта. Психологическая помощь должна оказываться с учетом мотивации суицидального поведения и обстоятельств происшествия (Стрельникова, 2022).

Профилактика рецидивов заключается в выявлении суицидальных факторов у женщин, переживших психотравмирующие ситуации (разведенных, потерявших близких, подвергшихся любого вида насилию и др.) и своевременной коррекции их состояния. В индивидуальной работе необходимо проработать актуальный и прошлый травматический опыт, для этого возможно использовать интегративный подход, совмещающий телесно-ориентированной, поведенческой, экзистенциальной и гештальт-терапии, а в ранний постсуицидальный период – поддерживающей терапии (при которой психотерапевт временно занимает позицию дополнения базового дефекта у пациента, используя для этой цели эклектические методы, трансактный анализ, техники нейролингвистического программирования, конфронтации с самодеструктивным поведением и др.). Важно при этом не принимать во внимание истерические реакции, агрессивные высказывания, попытки манипулирования терапевтом с целью извлечь выгоду из своего состояния. Существуют доказательства того, что когнитивно-поведенческая психотерапия оказывает положительное влияние на профилактику суицидального поведения, включая суицидальные мысли и попытки самоубийства (Hua Wu et al., 2022). Фокусом работы может быть исследование ошибок в когнитивных установках и суждениях, лежащих в основе суицидального импульса, терпеливый поиск доводов в пользу жизни, а не смерти. В процессе психотерапии необходимо «эмоционально достучаться» до женщины, добиться понимания того, что при разводе (утрате близких) жизнь не заканчивается, а также направить усилия на повышение уровня ответственности перед собой и своими детьми как одного из способов «привязки к жизни».

После нормализации соматического и эмоционального состояния показана групповая психотерапия, например, в виде тренингов коммуникативной компетентности, повышения самооценки, стрессоустойчивости и др., в целях формирования конструктивных навыков решения конфликтных ситуаций и преодоления жизненных трудностей (Стрельникова, 2022).

Список литературы

Аминов, И. (2021). Самоубийства и их профилактика в Российской Федерации, 2021 год: основные факты. *Демоскоп Weekly*, (911-912). URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2021/0911/suicide.php>

- Божкова, Е. Д., Агафонова, А. И., Рытова, А. Ю. (2018). Факторы суицидального риска и защитные факторы: стратегия предотвращения самоубийств молодежи. *Нижегородский психологический альманах*, 2, 36–44.
- Ваулин, С. В. (2012). *Суицидальные попытки и незавершенные суициды (госпитальная диагностика, оптимизация терапии, профилактика)*: автореф. дис. ... д-ра мед. наук. Москва.
- Орлова, Н. А. (2015). Гендерные аспекты самоубийств. *Теория и практика общественного развития*, 20, 35–37.
- Пичиков, А. А. (2015). *Половые различия суицидального поведения у подростков (клиника, диагностика, профилактика рецидивов)*: дис. ... канд. мед. наук. Санкт-Петербург.
- Померлян, А. Н., Григорьев, О. В. (2020). Женщины России в силовых структурах: мотивы, проблемы, перспективы. *Историческая и социально-образовательная мысль*, 12(2), 93–99. <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2020-12-2-93-99>.
- Репин, М. Е., Серебровская, Д. Д. (2018). Женщины в российской полиции. В *Российская полиция: три века служения Отечеству*: сборник материалов юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции (23–25 апреля 2018 года, стр. 1132–1134). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Стрельникова, Ю. Ю. (2022). Психологические особенности женщин, совершивших попытку суицида. В *Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития*: сборник материалов III Всероссийского симпозиума психологов с международным участием, посвященного 30-летию со дня образования психологического факультета Академии ФСИН России (г. Рязань, 8–9 апреля 2021 года, стр. 154–157). Рязань: Академия ФСИН России.
- Appleby, L. (1996). Suicidal behaviour in childbearing women. *International Review of psychiatry*, 8, 107–115.
- Czeizel, A. E. (2011). Attempted suicide and pregnancy. *Journal of Injury and Violence Research*, 3(1), 45–54. <https://doi.org/10.5249/jivr.v3i1.77>
- Fehling, K. B., & Selby, E. A. (2021). Suicide in DSM-5: current evidence for the proposed Suicide Behavior Disorder and other possible improvements. *Frontiers in Psychiatry*, 11. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2020.499980>
- Hill, N. T., Robinson, J., Pirkis, J., Andriessen, K., Kryszynska, K., Payne, A., Boland, A., Clarke, A., Milner, A., Witt, K., Krohn, S., & Lampit, A. (2020). Association of suicidal behavior with exposure to suicide and suicide attempt: a systematic review and multilevel meta-analysis. *PLoS Medicine*, 17(3). <https://doi.org/10.1371/journal.pmed.1003074>.
- Hua Wu, Liu Lu, Yan Qian, Xiao-Hong Jin, Hai-Rong Yu, Lin Du, Xue-Lei Fu, Bin Zhu, & Hong-Lin Chen. (2022). The significance of cognitive-behavioral therapy on suicide: An umbrella review. *Journal of Affective Disorders*, 317, 142–148. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2022.08.067>
- Ivey-Stephenson, A., Crosby, A., Hoenig, J., Gyawali, S., Park-Lee, E., & Hedden, S. (2022) Suicidal Thoughts and Behaviors Among Adults Aged ≥18 Years — United States, 2015–2019. *MMWR Surveillance Summary. U.S. Department of Health and Human Services*, 71(1), 1–19. <https://doi.org/10.15585/mmwr.ss7101a1>
- Lin, W., Wang, H., Gong, L., Lai, G., Zhao, X., Ding, H., & Wang, Y. (2020). Work stress, family stress, and suicide ideation: a cross-sectional survey among working women in Shenzhen, China. *Journal of Affective Disorders*, 277, 747–754. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2020.08.081>
- Marzuk, P. M. (1997) Lower risk of suicide during pregnancy. *American Journal of Psychiatry*, 154(1), 122–123. <https://doi.org/10.1176/ajp.154.1.122>
- Meurk, C., Wittenhagen, L., Lucke, J., Barker, R., Roberts, S., Moss, K., Waterson E., & Heffernan E. (2021) Suicidal behaviours in the peripartum period: a systematic scoping review of data linkage studies. *Archives of women's mental health*, 24(4), 579–593. <https://doi.org/10.1007/s00737-021-01102-x>.
- Qin, P. Agerbo, E., Westergard-Nielsen, N., Eriksson T., & Mortensen, Pr. Bo (2000). Gender differences in risk factors for suicide in Denmark. *The British Journal of Psychiatry*, 177(6), 546–550. <https://doi.org/10.1192/bjp.177.6.546>
- Osborn, E., Brooks, J., O'Brien, P., & Wittkowski, A. (2021). Suicidality in women with Premenstrual Dysphoric Disorder: a systematic literature review. *Archives of women's mental health*, 24 (2), 173–184. <https://doi.org/10.1007/s00737-020-01054-8>
- Weissa, S.J., Simeonova, D.I., Koleva, H., Muzikd, M., Clarke, K.D., Ozerdem, A., Cooperg, B., & Ammerman, R.T. (2022) Potential paths to suicidal ideation and suicide attempts among high-risk women. *Journal of Psychiatric Research*, 155(8), 493–500. <https://doi.org/10.1016/j.jpsychires.2022.09.033>

References

- Aminov, I. (2021). Samoubijstva i ih profilaktika v Rossijskoj Federacii, 2021 god: osnovnye fakty. *Demoskop Weekly*, (911–912). URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2021/0911/suicide.php>
- Bozhkova, E. D., Agafonova, A. I., Rytova, A. Yu. (2018). Faktory suicidal'nogo riska i zashchitnye faktory: strategiya predotvrashcheniya samoubijstv molodezhi. *Nizhegorodskij psihologicheskij al'manah*, 2, 36–44.

- Vaulin, S. V. (2012). *Suicidal'nye popytki i nezavershennyye suicidy (gospital'naya diagnostika, optimizatsiya terapii, profilaktika)*: avtoref. dis. ... d-ra med. nauk. Moscow.
- Orlova, N. A. (2015). Gendernyye aspekty samoubijstv. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 20, 35–37.
- Pichikov, A. A. (2015). *Polovyye razlichiya suicidal'nogo povedeniya u podrostkov (klinika, diagnostika, profilaktika recidivov)*: dis. ... kand. med. nauk. Saint Petersburg.
- Pomerlyan, A. N., Grigor'ev, O. V. (2020). Zhenshchiny Rossii v silovykh strukturah: motivy, problemy, perspektivy. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'*, 12(2), 93–99. <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2020-12-2-93-99>.
- Repin, M. E., Serebrovskaya, D. D. (2018). Zhenshchiny v rossijskoy politsii. V *Rossiyskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu*: sbornik materialov yubilejnoj mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 300-letiyu rossijskoy politsii (23–25 aprelya 2018 goda, str. 1132–1134). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Strel'nikova, Yu. Yu. (2022). Psihologicheskie osobennosti zhenshchin, sovershivshih popytku suicida. V *Psihologiya XXI veka: vyzovy, poiski, vektory razvitiya*: sbornik materialov III Vserossiyskogo simpoziuma psihologov s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennogo 30-letiyu so dnya obrazovaniya psihologicheskogo fakul'teta Akademii FSIN Rossii (g. Ryazan', 8–9 aprelya 2021 goda, str. 154–157). Ryazan': Akademiya FSIN Rossii.
- Appleby, L. (1996). Suicidal behaviour in childbearing women. *International Review of psychiatry*, 8, 107–115.
- Czeizel, A. E. (2011). Attempted suicide and pregnancy. *Journal of Injury and Violence Research*, 3(1), 45–54. <https://doi.org/10.5249/jivr.v3i1.77>
- Fehling, K. B., & Selby, E. A. (2021). Suicide in DSM-5: current evidence for the proposed Suicide Behavior Disorder and other possible improvements. *Frontiers in Psychiatry*, 11. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2020.499980>
- Hill, N. T., Robinson, J., Pirkis, J., Andriessen, K., Kryszynska, K., Payne, A., Boland, A., Clarke, A., Milner, A., Witt, K., Krohn, S., & Lampit, A. (2020). Association of suicidal behavior with exposure to suicide and suicide attempt: a systematic review and multilevel meta-analysis. *PLoS Medicine*, 17(3). <https://doi.org/10.1371/journal.pmed.1003074>.
- Hua Wu, Liu Lu, Yan Qian, Xiao-Hong Jin, Hai-Rong Yu, Lin Du, Xue-Lei Fu, Bin Zhu, & Hong-Lin Chen. (2022). The significance of cognitive-behavioral therapy on suicide: An umbrella review. *Journal of Affective Disorders*, 317, 142–148. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2022.08.067>
- Ivey-Stephenson, A., Crosby, A., Hoenig, J., Gyawali, S., Park-Lee, E., & Hedden, S. (2022) Suicidal Thoughts and Behaviors Among Adults Aged ≥18 Years — United States, 2015–2019. MMWR Surveillance Summary. *U.S. Department of Health and Human Services*, 71(1), 1–19. <https://doi.org/10.15585/mmwr.ss7101a1>
- Lin, W., Wang, H., Gong, L., Lai, G., Zhao, X., Ding, H., & Wang, Y. (2020). Work stress, family stress, and suicide ideation: a cross-sectional survey among working women in Shenzhen, China. *Journal of Affective Disorders*, 277, 747–754. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2020.08.081>
- Marzuk, P. M. (1997) Lower risk of suicide during pregnancy. *American Journal of Psychiatry*, 154(1), 122–123. <https://doi.org/10.1176/ajp.154.1.122>
- Meurk, C., Wittenhagen, L., Lucke, J., Barker, R., Roberts, S., Moss, K., Waterson E., & Heffernan E. (2021) Suicidal behaviours in the peripartum period: a systematic scoping review of data linkage studies. *Archives of women's mental health*, 24(4), 579–593. <https://doi.org/10.1007/s00737-021-01102-x>.
- Qin, P. Agerbo, E., Westergaard-Nielsen, N., Eriksson T., & Mortensen, Pr. Bo (2000). Gender differences in risk factors for suicide in Denmark. *The British Journal of Psychiatry*, 177(6), 546–550. <https://doi.org/10.1192/bjp.177.6.546>
- Osborn, E., Brooks, J., O'Brien, P., & Wittkowski, A. (2021). Suicidality in women with Premenstrual Dysphoric Disorder: a systematic literature review. *Archives of women's mental health*, 24 (2), 173–184. <https://doi.org/10.1007/s00737-020-01054-8>
- Weissa, S.J., Simeonova, D.I., Koleva, H., Muzikd, M., Clarke, K.D., Ozerdem, A., Cooper, B., & Ammerman, R.T. (2022) Potential paths to suicidal ideation and suicide attempts among high-risk women. *Journal of Psychiatric Research*, 155(8), 493–500. <https://doi.org/10.1016/j.jpsychires.2022.09.033>

Информация об авторе:

Юлия Юрьевна Стрельникова – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и психологии.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

About the author:

Yulia Yu. Strelnikova – doctor of psychological sciences, associate professor.

The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 02.09.2022

Одобрена после рецензирования 30.10.2022

Опубликована 29.12.2022

Submitted September 9, 2022

Approved after reviewing October 30, 2022

Accepted December 29, 2022

УДК 159

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-4-438-442

Практика использования полиграфа в Монголии: проблемные аспекты и пути их решения

Цолмон Баяндорж

Университет внутренних дел Монголии
(Улан-Батор, Монголия)
f65gd@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9949-401X

Аннотация

Современное состояние преступности в Монголии характеризуется ростом опасных криминальных проявлений. Увеличение числа тяжких преступлений, повышение уровня их технической оснащённости и коррупционная составляющая объективно требуют принятия адекватных и своевременных мер со стороны правоохранительных органов.

В целях противодействия преступности на современном этапе правоохранительные и иные государственные органы вынуждены активно внедрять в практику борьбы с общественно опасными проявлениями эффективные средства, методы и формы.

Одним из приоритетных направлений в этом вопросе видится комплексное использование достижений прикладной психологии в сочетании с техническими устройствами. В частности речь идет о внедрении в практику работы правоохранительных органов методов проведения опроса с применением полиграфа.

Автором исследования обращается внимание на проблемы организационного, правового и методического характера, возникающие при использовании полиграфа в деятельности правоохранительных органов.

В процессе проведения исследования применялись общенаучные методы анализа, синтеза, формально-логические и сравнительно-правовые.

Таким образом, в статье на основе анализа современного состояния практики применения полиграфа в правоохранительной деятельности Монголии выявлены актуальные проблемы и предложены пути их решения.

Ключевые слова

полиграфология, Университет внутренних дел, учебно-исследовательская лаборатория, обучение, специалист-полиграфолог

Для цитирования: Баяндорж, Ц. (2022). Практика использования полиграфа в Монголии: проблемные аспекты и пути их решения. *Российский девиантологический журнал*, 2(4), 438–442. doi: 10.35750/2713-0622-2022-4-438-442.

Original paper

The practice of using the polygraph in Mongolia: problem aspects and their solutions

Tsolmon Bayandorj

University of Internal Affairs of Mongolia
(Ulaanbaatar, Mongolia) f65gd@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9949-401X

Abstract

The current state of crime in Mongolia is characterized by the growth of dangerous criminal manifestations. An increase in the number of serious crimes, an increase in the level of their technical equipment and a corruption component objectively require the adoption of adequate and timely measures by law enforcement agencies. In order to combat crime at the present stage, law enforcement and other state bodies are forced to actively introduce effective means, methods and forms into the practice of combating socially dangerous manifestations. One of the priority areas in this matter is the integrated use of the achievements of applied psychology in combination with technical devices. In particular, we are talking about the introduction of methods of conducting a survey using a polygraph into the practice of law enforcement agencies. The author of the study draws attention to the organizational, legal and methodological problems that arise when using a polygraph in the activities of law enforcement agencies. In the process of conducting the study, general scientific methods of analysis, synthesis, formal logical and comparative legal methods were used. Thus, in the article, based on an analysis of the current state of the practice of using a polygraph in law enforcement in Mongolia, urgent problems are identified and ways to solve them are proposed.

Keywords

polygraphology, University of Law Enforcement, training and research laboratory, training, specialist polygraph examiner

For citation: Bayandorj, Ts. (2022). The practice of using the polygraph in Mongolia: problem aspects and their solutions. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(4), 438–442. doi: 10.35750/2713-0622-2022-4-438-442.

Вина всегда сопровождается страхом...
Даниэль Дефо

В настоящее время одним из эффективных методов изобличения лжи является опрос с применением полиграфа. Об этом свидетельствует тот факт, что полиграфология как область научного знания получила не только широкое распространение в различных сферах деятельности, но и положительный общественный резонанс во многих странах мира.

В Монголии полиграфология как область научного знания находится на стадии формирования. Специалистов-полиграфологов готовили в основном в российских образовательных организациях. Первые проверки на полиграфе были проведены в 2004 г. в органах полиции¹. Это послужило толчком для дальнейшего распространения полиграфа и в других структурах, в частности, в органах разведки, подразделениях по борьбе с коррупцией, судебной экспертизы, высшего профессионального образования и здравоохранения, из которых полиграф наиболее востребован в органах разведки и полиции.

Как показывает статистика, в последние 10 лет наблюдается стабильный рост числа психофизиологических исследований с применением полиграфа, проводимых в правоохранительных органах Монго-

лии. Так, по сравнению с 2012 г. число проводимых исследований с использованием полиграфа увеличилось почти в 3 раза.

Сегодня в государственных структурах системы Министерства юстиции и внутренних дел Монголии работают всего 7 специалистов-полиграфологов, из которых в Следственном управлении, Управлении по борьбе с коррупцией, Национальном институте судебной экспертизы по одному, в Главном управлении разведки и в Университете внутренних дел – по два сотрудника.

Что касается технического обеспечения, в правоохранительной практике Монголии в основном используются полиграфы американского и российского производства, аппаратные комплексы из серии «Лаффайет», «РИФ», «Диана» и «Барьер».

В плане научно-методического обеспечения наблюдаются некоторые позитивные сдвиги. Так, в 2013 г. профессором Ж. Болдбаатаром была защищена докторская диссертация на тему «Теоретико-методические аспекты использования полиграфа в раскрытии преступлений» (Отчет Университета внутренних дел Монголии за 2013–2016 гг.) Более того, разработан проект создания учебно-исследовательской лаборатории при Университете внутренних дел Монголии (2017–2018 гг.), а также ведется ра-

¹ Приказ начальника Главного Управления полиции Монголии № 168 от 16 июня 2004 г.

бота над созданием учебно-методического пособия и рекомендаций.

Далее о нормативно-правовом регулировании. В 2004 г. был утвержден приказ начальника Главного управления полиции, согласованный с Главным прокурором Монголии «Инструкция о временном использовании полиграфа»². Начиная с 2006 г., правовое регулирование отношений, возникающих в процессе использования результатов полиграфа при расследовании и раскрытии преступлений, нашло свое отражение в отраслевом законодательстве, в частности, в Законе Монголии «О разведывательных органах» (2006) и Законе «О полицейской службе» (в новой редакции 2017 г.). Так, п. 1 ст. 12 Закона «О разведывательных органах» гласит, что для осуществления своих функций в соответствии с законом разведывательные органы используют полиграф и другое оборудование³.

В настоящее время некоторые правовые документы находятся на стадии разработки, например, «Инструкция о порядке проведения тестирования с помощью полиграфа» для скрининговой проверки сотрудников правоохранительной службы, а также поступающих на ту или иную должность в Университет внутренних дел Монголии и его абитуриентов.

В рамках международного сотрудничества правоохранительных структур в 2004 г. в России был подготовлен первый специалист-полиграфолог для органов полиции. В 2013 г. по инициативе Университета внутренних дел Монголии совместно с Евразийской ассоциацией полиграфологов были подготовлены 20 специалистов, а в 2017 г. в Республике Беларусь обучались 3 сотрудника, двое из которых прошли курсы повышения квалификации⁴. В этом направлении тесное сотрудничество установлено с Российской Федерацией (ОО «Полико-ниус»), Республикой Казахстан (Евразийская ассоциация полиграфологов), Республикой Беларусь (ОО «Полиграфолог»), США («Lafayette Instrument Company»).

Несмотря на эти сдвиги, перспективы применения полиграфа в правоохранительной деятельности Монголии зависят от решения ряда взаимосвязанных проблем, к которым следует подходить комплексно. Кратко рассмотрим их с точки зрения организационно-технического, законодательно-правового и научно-методического обеспечения, а также подготовки специалистов-полиграфологов.

Трудности *организационного обеспечения* можно рассмотреть как со стороны руководства, так и со стороны сотрудника. Не секрет, что помимо основной сферы деятельности в большинстве случаев должность специалиста-полиграфолога совмещают с другими должностями (в основном юридического психолога

или следователя), в связи с чем увеличивается нагрузка. Кроме того, не должным образом оцениваются значимость и важность профессии, также не соблюдаются стандарты и требования к рабочему месту специалиста-полиграфолога. Среди недостатков можно указать на ненадлежащее выполнение отчетов о проделанной работе, равнодушное отношение к повышению своего профессионального уровня, а также к самому исследуемому предмету.

В техническом плане необходимо отметить проблемы, связанные с несоблюдением технических рекомендаций по эксплуатации полиграфа (во время работы и при длительном его хранении), со сбоями в работе и настройкой оборудования, с программным обеспечением из-за отсутствия подготовленного соответствующим образом программиста и других специалистов, а также с ограниченным доступом к полиграфу вследствие нехватки соответствующей аппаратуры.

”

Несмотря на эти сдвиги, перспективы применения полиграфа в правоохранительной деятельности Монголии зависят от решения ряда взаимосвязанных проблем, к которым следует подходить комплексно

“

Из указанных проблем, на наш взгляд, наиболее актуальной следует считать проблему, касающуюся учебно-методического обеспечения подготовки специалистов-полиграфологов. Как известно, в практике применения полиграфа существует простое правило: «Обмануть можно полиграфолога, но не полиграф» (Болдбаатар, 2013). Исходя из этого принципа, одной из ключевых задач в сфере применения полиграфа является подготовка специалистов-полиграфологов

² Закон об органах разведки Монголии. <http://www.legalinfo.mn>

³ Закон Монголии «О полицейской службе». www.legalinfo.mn

⁴ Приказ начальника Главного Управления полиции Монголии № 168 от 16 июня 2004 г.

и повышение их профессиональной квалификации. Скорейшее разрешение данной проблемы будет способствовать развитию не только полиграфологии как области научного знания, но и самих специалистов-полиграфологов.

Несмотря на то, что в этом направлении намечается некоторая динамика, из-за отсутствия должной учебно-методической базы (и, соответственно, преподавательского состава) проблема подготовки таких специалистов для правоохранительных органов Монголии пока остается одной из первоочередных. Об этом свидетельствует тот факт, что в течение 2004–2013 гг. обучение специалистов-полиграфологов не проводилось, если не считать того, что в 2013 г. по инициативе Университета внутренних дел Монголии совместно с Евразийским союзом полиграфологов было организовано обучение по подготовке специалистов-полиграфологов среди сотрудников и работников соответствующих структур не только государственного, но и частного сектора⁵.

Следует также отметить, что в подготовке специалистов значительное содействие оказывают ООО «Полиграфолог» и Центр специальной подготовки Республики Беларусь, благодаря которым в 2017 г. удалось организовать онлайн-обучение для сотрудников правоохранительных органов Монголии.

К проблемам научно-методического обеспечения можно отнести следующие:

- отсутствие необходимой научно-методической литературы;
- ограниченный доступ к необходимой информации;
- несформированность системы и процессов информационного обеспечения;
- отсутствие комплексных научных исследований в этом направлении.

Необходимо остановиться и на законодательно-правовом обеспечении данного направления. Се-

годня правовые отношения, возникающие в процессе использования полиграфа, регулируются в основном отраслевыми нормативными правовыми актами. Проблемами являются несогласованность как отраслевых законодательств, так и локальных нормативных правовых актов, недостаточная осведомленность со стороны как законодателя, так и правоприменителя, а также отсутствие единного мнения в отношении использования результатов полиграфа. Как верно заметил А. Б. Пеленицын, «нельзя забывать, что существуют такие нормативно-правовые аспекты, которые очень сложно будет прописать в общем законе, поскольку они носят сугубо локальный характер и могут меняться в зависимости от ситуации, в которой применяется полиграф»⁶.

На наш взгляд, к оптимальным способам решения указанных проблем следует отнести прежде всего меры, направленные на профессиональную подготовку и переподготовку специалистов-полиграфологов, на формирование надежной законодательно-правовой базы, которая будет способствовать не только регулированию отношений, возникающих в процессе проведения опроса с применением полиграфа, но и использованию его результатов в качестве доказательств в суде; на создание учебного центра (или лаборатории) полиграфологии в структуре Университета внутренних дел Монголии; на расширение и развитие международного сотрудничества в области полиграфологии и т. д.

Таким образом, в практике Монголии по использованию результатов психофизиологических исследований с применением полиграфа существует немало проблем, решение которых требует комплексного подхода. Из них особо следует выделить такие, как совершенствование законодательной базы по использованию результатов психофизиологических исследований с применением полиграфа, а также профессиональная подготовка специалистов-полиграфологов.

Список литературы:

- Болдбаатар, Ж. (2013). *Теоретико-методические аспекты использования полиграфа в раскрытии преступления*: автореф. ... док. дисс. Улан-Батор.
- Отчет Университета внутренних дел Монголии за 2013–2016 гг. (2017). Улан-Батор.
- Пеленицын, А. Б., Сошников, А. П. (2010). Основные трудности и проблемы использования полиграфа в правоохранительной деятельности и кадровой работе и рекомендуемые пути их преодоления. В *Актуальное состояние и перспективы развития метода инструментальная «детекция лжи» в интересах государственной и общественной безопасности*: материалы международной научно-практической конференции (2-4 декабря 2008 года).
- Handler, M., Honts, Ch. R., Krapohl, D. J., Nelson, R., & Griffin, St. (2009). Integration of Pre-Employment Polygraph Screening into the Police Selection Process. *Journal of Police and Criminal Psychology*, 24, 69–86. <https://doi.org/10.1007/s11896-009-9050-2>
- Kassin, S. M. (2013). A critical appraisal of modern police interrogations. In T. Williamson (Red.), *Investigative Interviewing: Rights, Research and Regulation* (pp. 207–228). <https://doi.org/10.4324/9781843926337>

⁵ Приказ начальника Главного Управления полиции Монголии № 168 от 16 июня 2004 г.

⁶ Князев, В. М. (2012). *Полиграф и его практическое применение*: учебное пособие. Принт-Центр.

- Synnott, J., Dietzel, D., & Ioannou, M. (2015). A review of the polygraph: history, methodology and current status. *Crime Psychology Review*, 1(1), 59–83. <https://doi.org/10.1080/23744006.2015.1060080>
- Vrij, A., & Fisher, R. P. (2016). Which lie detection tools are ready for use in the criminal justice system? *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*, 5(3), 302–307. <https://doi.org/10.1016/j.jarmac.2016.06.014>
- Wood, J. L., Alleyne, E., Ó Ciardha, C., & Gannon, Th. A. (2020). *An Evaluation of Polygraph Testing by Police to Manage Individuals Convicted or Suspected of Sexual Offending*. University of Kent.

References

- Boldbaatar, Zh. (2013). *Teoretiko-metodicheskie aspekty ispol'zovaniya poligrafa v raskrytii prestupleniya: avtoref. ... dok. diss.* Ulan-Bator.
- Otchet Universiteta vnutrennih del Mongolii za 2013–2016 gg.* (2017). Ulan-Bator.
- Pelenicyn, A. B., Soshnikov, A. P. (2010). Osnovnye trudnosti i problemy ispol'zovaniya poligrafa v pravoohranitel'noj deyatel'nosti i kadrovoj rabote i rekomenduemye puti ih preodoleniya. V *Aktual'noe sostoyanie i perspektivy razvitiya metoda instrumental'naya «detekciya lzhi» v interesah gosudarstvennoj i obshchestvennoj bezopasnosti: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (2-4 dekabrya 2008 goda)*.
- Handler, M., Honts, Ch. R., Krapohl, D. J., Nelson, R., & Griffin, St. (2009). Integration of Pre-Employment Polygraph Screening into the Police Selection Process. *Journal of Police and Criminal Psychology*, 24, 69–86. <https://doi.org/10.1007/s11896-009-9050-2>
- Kassin, S. M. (2013). A critical appraisal of modern police interrogations. In T. Williamson (Red.), *Investigative Interviewing: Rights, Research and Regulation* (pp. 207–228). <https://doi.org/10.4324/9781843926337>
- Synnott, J., Dietzel, D., & Ioannou, M. (2015). A review of the polygraph: history, methodology and current status. *Crime Psychology Review*, 1(1), 59–83. <https://doi.org/10.1080/23744006.2015.1060080>
- Vrij, A., & Fisher, R. P. (2016). Which lie detection tools are ready for use in the criminal justice system? *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*, 5(3), 302–307. <https://doi.org/10.1016/j.jarmac.2016.06.014>
- Wood, J. L., Alleyne, E., Ó Ciardha, C., & Gannon, Th. A. (2020). *An Evaluation of Polygraph Testing by Police to Manage Individuals Convicted or Suspected of Sexual Offending*. University of Kent.

Информация об авторе:

Цолмон Баяндорж – заведующий центром исследования высшего профессионального образования внутренних дел Научно-исследовательского института при Университете внутренних дел Монголии, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 09.09.2022

Одобрена после рецензирования 17.11.2022

Опубликована 29.12.2022

About the author:

Tsolmon Bayandorj – Head of the Research Center for Higher Professional Education of Internal Affairs of the Research Institute at the University of Internal Affairs of Mongolia, Candidate of Law, Associate Professor, Police Colonel.

The author declare no conflicts of interests.

Submitted September 9, 2022

Approved after reviewing November 17, 2022

Accepted December 29, 2022

УДК 159.9.072

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-4-443-453

Коррекция криминальной зараженности подростков с делинквентным поведением

Александр Михайлович Рябков

Главное управление Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации по Свердловской области

(Екатеринбург, Россия)

saintal@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-1785-0795

Аннотация

Проблема криминальной зараженности подростков и молодежи актуализируется в связи с их делинквентным поведением. Рассматриваются отечественные и зарубежные подходы к объяснению криминальной зараженности, дается характеристика ее признаков и определяется взаимосвязь с криминальной субкультурой. Обосновываются принципы противодействия ее распространению среди несовершеннолетних, отбывающих наказание в исправительных учреждениях системы ФСИН России. Предполагается, что коррекция криминальной зараженности может быть осуществлена методом психологического тренинга посредством формирования у подростков общечеловеческих ценностей, повышения осмысленности жизни и развития критического отношения к криминальной субкультуре.

В рамках эмпирического исследования данное предположение подвергается проверке. Выборка исследования – 99 подростков, отбывающих наказание за совершение корыстных и корыстно-насильственных преступлений, все – мужского пола, средний возраст 17,26 лет, SD – 0,94 года. Оценка уровня зараженности проводится опросником криминальной зараженности несовершеннолетних. Коррекция осуществляется методом ролевого психологического тренинга в подвыборке подростков с высоким показателем криминальной зараженности. Установлено значимое снижение криминальной зараженности участников эксперимента в аспекте эмоционального и поведенческого компонентов криминальной зараженности (U-крит., $p \leq 0,05$).

Результаты свидетельствуют о возможности влияния на уровень криминальной зараженности несовершеннолетних методом психологического тренинга, развивающего смысловые ориентации, временную перспективу и обесценивающего привлекательные стороны криминальной субкультуры. На основе полученных результатов обсуждаются пути и перспективы психологической коррекции криминальной зараженности.

Ключевые слова

несовершеннолетние, воспитательные колонии, криминальная зараженность, криминальная субкультура, смысловые ориентации, общечеловеческие ценности, критическое мышление

Для цитирования: Рябков, А. М. (2022). Коррекция криминальной зараженности подростков с делинквентным поведением. *Российский девиантологический журнал*, 2(4), 443–453. doi: 10.35750/2713-0622-2022-4-443-453.

Correction of criminal infection of adolescents with delinquent behavior

Aleksander M. Ryabkov

Main Directorate of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation for the Sverdlovsk Region (Yekaterinburg, Russia), saintal@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-1785-0795

Abstract

The problem of criminal infection of teenagers and youth is actualized in connection with their delinquent behavior. Domestic and foreign approaches to the explanation of criminal infection are considered, its features are characterized and the relationship with the criminal subculture is determined. The principles of countering its spread among minors serving sentences in correctional institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia are substantiated. It is assumed that the correction of criminal infection can be carried out by the method of psychological training through the formation of universal human values in adolescents, increasing the meaning of life and developing a critical attitude towards the criminal subculture.

In the framework of empirical research, this assumption is tested. The sample of the study is 99 adolescents serving sentences for committing acquisitive and acquisitive-violent crimes, all of them are male, cf. age 17.26 years, SD - 0.94 years. The assessment of the level of infection is carried out by a questionnaire on the criminal infection of minors. Correction is carried out by the method of role-playing psychological training in a subsample of adolescents with a high rate of criminal infection. A significant decrease in the criminal infection of the experiment participants was established in terms of the emotional and behavioral components of the criminal infection (U -crit, $p \leq 0.05$).

The results indicate the possibility of influencing the level of criminal infection of minors by the method of psychological training, which develops meaningful life orientations, time perspective and devalues the attractive aspects of the criminal subculture. Based on the results obtained, the ways and prospects of psychological correction of criminal infection are discussed.

Keywords

minors, educational colonies, criminal infection, criminal subculture, meaningful life orientations, universal values, critical thinking

For citation: Ryabkov, A. M. (2022). Correction of criminal infection of adolescents with delinquent behavior. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(4), 443–453. doi: 10.35750/2713-0622-2022-4-443-453.

Введение

В последние годы наблюдается широкое распространение криминальной зараженности в российском обществе, особенно среди детей и подростков. В образовательных организациях периодически фиксируются случаи правонарушений, совершаемых подростками, придерживающимися криминальной идеологии (Дворянсков, Панфилов, 2018; Меняйло, Иванова, Меняйло, 2019; Семочкина, 2020). Яркий пример – криминогенная ситуация с подростковой преступностью в ряде регионов России, где отдельные детские дома (интернаты) и общеобразовательные школы оказались фактически под властью криминальных группировок, состоящих в основном из таких же несовершеннолетних учеников и бывших выпускников. В учебных заведениях так называемые «смотрящие» собирали с учеников денежные средства, продукты питания, одежду в «воровской общак» (Польшиков, Буданова, 2019).

Меры по борьбе с криминальной зараженностью населения принимаются на самом высоком государственном уровне. В 2016 г. в докладе специальной комиссии Совета по правам человека при Президенте РФ распространение криминальной субкультуры среди молодежи было названо угрозой национальной безопасности. Решением Верховного Суда Российской Федерации от 17 августа 2020 г. движение «АУЕ», радикальная часть криминальной субкультуры, призна-

но экстремистским и его деятельность запрещена на территории нашей страны.

Опыт исправительных учреждений системы ФСИН России показывает, что условием успешной борьбы с данным феноменом оказывается своевременное выявление подростков, подверженных влиянию криминальной субкультуры, и применение мер, направленных на коррекцию их криминальной зараженности.

Теоретические предпосылки исследования

Криминальная зараженность сравнительно недавно стала рассматриваться как самостоятельное явление. Долгое время она изучалась в качестве одного из проявлений криминальной субкультуры. Первыми проявления криминальной зараженности в рамках криминальной субкультуры начали исследовать зарубежные социологи. Р. Мертон в своей статье (1938) указывает, что основной причиной преступности, по его мнению, является противоречие между ценностями, на достижение которых нацеливает общество, и возможностями их достижения. Д. Клеммер (1940) пишет о существовании устойчивых правил криминальной субкультуры, которые передаются посредством «тюремного кода», что в некотором роде представляет собой процесс адаптации людей, попадающих в тюрьму, к особому культурному климату, называя это феноменом «призонизации» (анг. *prison* – тюрьма). Сайкс в своем исследовании (1950) описывает стратифика-

цию осужденных, характерную для тюремной субкультуры исправительных учреждений Америки. А. Коэн в 1955 г. разработал концепцию субкультур. Ее основой послужили особенности культурных ценностей криминальных образований (сообществ, банд, группировок). Р. Клауорд и Л. Оулин (1960) объясняют причины криминальной субкультуры отличием ценностей низших слоев от ценностей среднего класса, лежащих в основе кодексов и законов общества. Такой конфликт приводит к тому, что ценности низшего класса автоматически ведут к нарушениям закона.

”

*Риск вторичной
(в том числе и рецидивной)
преступности выше
у несовершеннолетних
младшего возраста,
попадающих под влияние
более взрослых ребят*

“

Современные зарубежные психологи интерес и вовлеченность подростков связывают с потребностью в принадлежности к сильной группе и яркому лидеру, которому «закон не писан», который сам формирует законы и принципы взаимодействия. Исследователи отмечают, что состав таких групп образован несовершеннолетними с разным уровнем криминального опыта (Kim & Lee, 2022), при этом риск вторичной (в том числе и рецидивной) преступности выше у несовершеннолетних младшего возраста, попадающих под влияние более взрослых ребят (Powell et al., 2021). Несовершеннолетние, объединенные дружескими отношениями, оказывают существенное влияние на криминальное поведение друг друга в исправительных учреждениях (Reid, 2017).

В российской психологической науке криминальной субкультуре несовершеннолетних уделяется большое внимание. Наиболее известным исследователем в этой области является В. Ф. Пирожков, который в своих исследованиях (1992) описал криминальную субкультуру учащихся-подростков и юношей. Современная отечественная наука в области криминальной субкультуры молодежи исследует ряд проблем, среди

которых: влияние криминальной субкультуры на становление личности подростков (Н. Л. Денисов, 2002, О. Н. Волоскова, В. В. Болотова, 2010, В. С. Мухина, В. С. Басюк, В. М. Проценко, 2013, М. И. Кошева, Е. А. Краюшкина, 2019); совершенствование профилактики криминальной субкультуры среди несовершеннолетних (А. А. Федосеева, 2007, В. М. Поздняков, 2015, П. Ю. Аксенова, Н. А. Полянин, Ю. М. Филиппова, 2016; О. Б. Шредер, 2018); противодействие популяризации криминальной субкультуры среди молодежи (Е. А. Антонян, Е. А. Борисов, 2017). Интерес к проблеме криминальной субкультуры особенно вырос в последние годы по причине широкого распространения среди молодежи радикального течения «АУЕ». Данная разновидность криминальной субкультуры активно втягивает подростков в криминальную среду и призывает к совершению преступлений под идеологией криминальных лозунгов.

Феномен криминальной зараженности в отечественной психологической науке исследован пока недостаточно. М. И. Еникеев в 2004 г. рассматривал криминально зараженный тип личности как личность, для которой совершение преступного деяния всегда предпочтительнее, чем правоисполнительное поведение. О. В. Шатровой, А. А. Канчурина (2014) криминальную зараженность понимают как один из критериев оценки личности осужденного перед условно-досрочным освобождением и описывают ее как морально-нравственное отношение к криминальной и формальной государственной нормативным системам. В. М. Труш и его коллеги (2017) выделяют криминогенную зараженность и определяют ее как вероятностную направленность совершения противоправных действий – преступлений. А. Н. Пастушеня вводит термин «криминальная склонность» и описывает ее как личностную предрасположенность к совершению преступного деяния.

Основываясь на опыте работы в пенитенциарных учреждениях, мы определяем криминальную зараженность как личностную особенность, характеризующую вовлеченность несовершеннолетнего в криминальную (тюремную) субкультуру и выраженную:

- 1) в сформированной системе знаний об элементах криминальной (тюремной) субкультуры;
- 2) принятии и разделении криминальных (тюремных) норм, традиций и ценностей;
- 3) следовании им в своем поведении, а также дальнейшем транслировании их в межличностном взаимодействии (Рябков, Степанова, Муслумов, 2022а).

Анализ научной литературы, посвященной проблеме коррекции криминальной зараженности (Е. А. Антонян, К. В. Карпинский, А. Н. Пастушеня, В. М. Поздняков, Е. Л. Сучкова, Е. Ф. Штефан), позволил сделать вывод, что становление криминальной личности происходит тогда, когда криминальные нормы и ценности

нейтрализуют социальные ценности и нормы. Процесс этот выражается в том, что правовые ценности и нормы утрачивают истинное смысловое содержание и, соответственно, теряют регуляторную силу. Они существуют на уровне значений, т. е. как знаемые, но не разделяемые личностью преступника требования к социальному поведению¹.

У правонарушителей снижена потребность в самореализации; не выражена потребность в смысле жизни; зарегистрировано пренебрежительное отношение к общечеловеческим ценностям как источникам смысла жизни; значительно расхождение между декларируемыми и реальными ценностями и смыслом жизни; представления о должной жизни не сбалансированы с реальными возможностями и средствами ее осуществления; отмечаются равнодушие к будущей временной перспективе, нечеткость жизненных целей и отставание в развитии жизненных планов (Карпинский, 2002, с. 27–28).

Ряд исследователей считает, что внушение осужденным веры в общечеловеческие ценности является основой возвращения к нормальной жизни, поскольку многие из них вступили в конфликт с законом «в силу утраты смысла жизни, духовного кризиса, искажения шкалы ценностей»².

На основании этого было сделано предположение, что коррекционная работа по снижению криминальной зараженности станет наиболее эффективной, если будет направлена на формирование общечеловеческих ценностей и повышение осмысленности жизни. Для его проверки нами было проведено эмпирическое исследование отношений между смысло-жизненными ориентациями и уровнем криминальной зараженности подростков, отбывающих наказание в воспитательном учреждении ФСИН России, а также разработана и реализована программа коррекции криминальной зараженности несовершеннолетних осужденных посредством изменения их представлений о жизненных ценностях.

Методология методы и материалы исследования. Исследование проводилось ФКУ «Кировградская воспитательная колония» ГУФСИН России по Свердловской области (далее – ФКУ КВК).

На этапе констатирующего эксперимента было обследовано 99 подростков. Все обследованные мужского пола, средний возраст опрошенных (ср. знач.) – 17,26 лет, стандартное отклонение – 0,94 года.

Распределение осужденных воспитательной колонии по статьям УК РФ, по которым они отбывают наказание в виде лишения свободы, представлено на рис. 1.

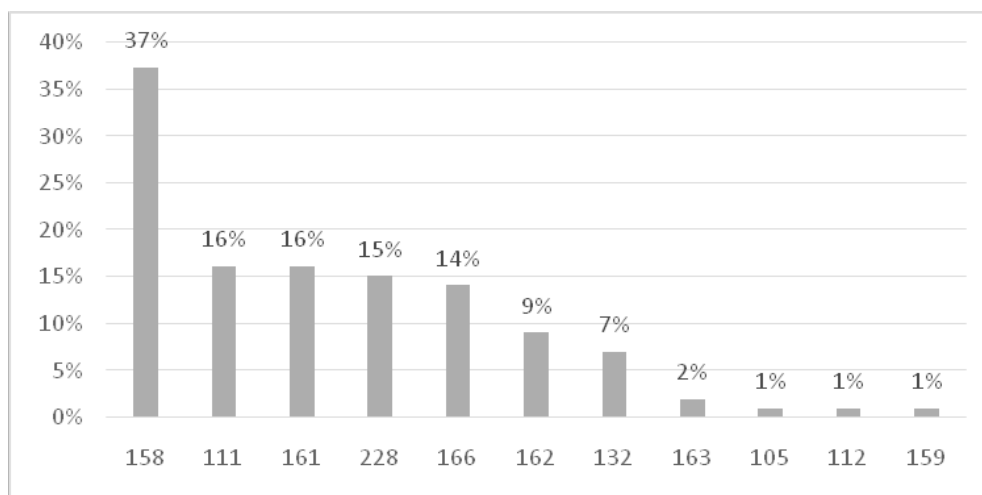

Рис. 1. Распределение несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательной колонии, по статьям осуждения, n=99

Fig. 1. Distribution of juveniles serving sentences in an educational colony, according to articles of rejection, n=99

¹ Сучкова, Е. Л., Штефан, Е. Ф. (2015). *Психологическая коррекция ценностно-смысловой сферы осужденных, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы: методические рекомендации*. Вологодский институт права и экономики ФСИН России.

² Сухов, А. Н. (1993). *Криминогенное общение в среде осужденных: учебное пособие для учеб. заведений МВД России* (стр. 56). Рязан. высш. шк. МВД РФ.

Большинство подростков в воспитательной колонии были осуждены по ст. 158 УК РФ (37 %), при этом многие из них осуждены по нескольким таким статьям, число которых доходит до десяти. Значимая часть несовершеннолетних была осуждена по ст. 111 УК РФ – 16 %, из них по ч. 4 ст. 111 УК РФ – 6 %; ст. 161 УК РФ – 16 %, по ст. 228 УК РФ – 15 %, ст. 166 УК РФ – 14 %. Небольшая часть несовершеннолетних была осуждена по ст. 162 УК РФ – 9 %, ст. 132 УК РФ – 7 %. Менее всего было подростков, осужденных по ст. 163 УК РФ – 2 %, ст. 105 УК РФ – 1 %, ст. 159 УК РФ – 1%.

Обследование проводилось с использованием методик, соответствующих гипотезе работы. Для определения смысловой направленности был задействован тест смысложизненных ориентаций (СЖО). Уровень криминальной зараженности оценивался с помощью опросника криминальной зараженности несовершеннолетних (ОКЗН). ОКЗН – это методика, разработанная сотрудниками межрегионального отдела психологической работы ГУФСИН России по Свердловской области. Методика выполнена в виде самоотчета (опросника), состоящего из 28 вопросов, и включает в себя 6 шкал: когнитивный, эмоциональный, поведенческий компоненты криминальной зараженности, общий уровень криминальной зараженности, а также шкалу лжи и шкалу согласованности ответов.

В настоящее время методика используется в качестве основного психодиагностического инструментария для оценки криминальной зараженности несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных при их поступлении в карантинные отделения учреждений ФСИН России (Рябков, Степанова, Муслумов, 2022b).

Результаты исследования

Изучение криминальной зараженности в выборке показало, что большей части обследованных несовершеннолетних (61 % опрошенных) присущ средний уровень (рис. 2).

Отметим, что треть выборки (29 % опрошенных) показала высокий уровень криминальной зараженности. При этом значительную часть из них составляют лица, которые воспитывались в детском доме или обучались в специальных школах закрытого типа. Поскольку не все воспитанники детского дома и бывшие ученики спецшколы показали высокий уровень, нельзя однозначно оценивать влияние данных образовательных учреждений на развитие криминальной зараженности. По нашему мнению, проблематика распространения криминальных представлений требует дополнительного изучения.

Низкий уровень криминальной зараженности был зарегистрирован у небольшой части несовершеннолетних (10 %). В основном это подростки из сельской местности и те, кто не вращался в криминальных кругах до ареста.

Изучение смысложизненных ориентаций в выборке несовершеннолетних показало, что у большей части из них уровень осмысленности жизни ниже среднего (60 %), у примерно трети (34 %) – средний уровень, низкий уровень осмысленности жизни был зарегистрирован у 63 % подростков.

Можно заключить, что большинство опрошенных подростков редко задумываются над смыслом жизни и не строят осмысленных планов на будущее.

Рис. 2. Распределение подростков по уровню криминальной зараженности, n=99

Fig. 2. Distribution of adolescents by the level of criminal infection, n=99

Рябков А. М. / Ryabkov A. M.

Рис. 3. Распределение подростков по уровню осмысленности жизни, n=99

Fig. 3. Distribution of adolescents by the level of meaningfulness of life, n=99

Анализ взаимосвязи показателей криминальной зараженности и осмысленности жизни посредством расчета коэффициента корреляции Пирсона показал наличие обратной корреляционной связи между ними (табл. 1).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что подростки с высоким уровнем криминальной зараженности обладают низким уровнем осмысленности жизни и наоборот. Эта особенность, как мы полагаем, является одной из причин популяризации криминальных представлений, ценностей и убеждений, которые, с одной стороны, адаптируют подростка к условиям его существования в воспитательных учреждениях, а с другой – позволяют подростку выстроить непротиворечивую систему мировоззрения, объясняющую его

место в обществе, значение других людей и правила выстраивания отношений с ними.

Таким образом, криминальная субкультура аналогично легальным институтам социализации транслирует социальные значения, с помощью которых подросток формирует смысл и направленность собственной жизни.

На основании проведенной оценки предположение о том, что психокоррекционные мероприятия с подростками, направленные на повышение осмысленности жизни и формирование у них общечеловеческих ценностей, способствуют снижению криминальной зараженности, получило эмпирическое подтверждение.

Вторым этапом эмпирического исследования стала разработка и осуществление психокоррекционного

Таблица 1. Корреляционные связи показателей методики «Тест смысловых ориентаций» и опросника «Криминальная зараженность несовершеннолетних»

Table 1. Correlation links between the indicators of the “Test of Life Meaningful Orientations” methodology and the questionnaire “Criminal Infection of Minors”

ОКЗН / СЖО	Когнитивный компонент	Эмоциональный компонент	Поведенческий компонент	Общий уровень
Цели	-0,282**	-0,281**	-0,345**	-0,350**
Процесс	-0,237*	-0,274**	-0,228*	-0,278**
Результат	-0,207	-0,236*	-0,221*	-0,253*
Локус-Я	-0,281**	-0,341**	-0,322**	-0,365**
Локус-Жизнь	-0,239*	-0,244*	-0,209	-0,253*
Общий уровень	-0,287**	-0,303**	-0,296**	-0,334**

**Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

*Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

воздействия на систему смысложизненных ориентаций подростков с высоким уровнем криминальной зараженности. Воздействие было нацелено на снижение криминальной зараженности посредством формирования у подростков общечеловеческих ценностей, повышение осмысленности жизни и развитие критического отношения к криминальной субкультуре средствами психологического тренинга.

Психокоррекционная программа фокусировалась на моделях поведения и когнитивных установках несовершеннолетних с использованием механизмов когнитивно-поведенческого подхода, дополненных методом формирования критического мышления. Одним из наиболее известных авторов психологической концепции критического мышления является Д. Халперн. Критическое мышление помогает человеку определить приоритеты в личной и профессиональной жизни, предлагает принятие индивидуальной ответственности за сделанный выбор, формирует умение анализировать, делать самостоятельные выводы, прогнозировать последствия своих решений и отвечать за них (Халперн, 2000). Формирование навыков критического мышления во время анализа проблемных ситуаций учит несовершеннолетних эффективнее размышлять и позволяет им более критично подходить к обыденным жизненным ситуациям и искать смыслы в совершаемых поступках.

Разработанная психокоррекционная программа сохранила блочно-уровневую структуру. Всего в программу входит 3 блока, по 4 занятия в каждом. Тематика занятий программы выстроена на основе стратегии последовательного обесценивания криминальной субкультуры – по нашему мнению, наиболее эффективно приема в работе с несовершеннолетними.

Первым этапом выступает снижение значимости атрибутов криминальной субкультуры, далее формируется критичное отношение к криминальной идеологии, в противовес чему акцентируется субъективная значимость правопослушного поведения. Завершает программу блок занятий, направленный на раскрытие общечеловеческих ценностей, формирование планов на будущее с учетом данных ценностных ориентаций и выделение средств их достижения. Актуализация социально одобряемых жизненных целей помогает несовершеннолетним отказываться от норм криминальной субкультуры.

В апробации программы приняли участие 30 подростков, которые были разделены на 3 группы по 10 человек в каждой. Кроме того, была сформирована контрольная группа, аналогичная по численному составу. Программа основывается на принципе постепенности, поэтапности: каждый следующий этап логически вытекает из предыдущего. Каждое занятие длится 1–1,5 часа с обязательным перерывом. Программа была построена с ориентацией на индивидуально-личностные особенности несовершеннолетних подозреваемых,

обвиняемых и осужденных, принявших в ней участие. Поэтому, с одной стороны, она была направлена на противодействие принятия криминальной субкультуры участниками, которые до ареста не сталкивались с нормами криминального поведения, с другой стороны, способствовала снижению криминальной зараженности несовершеннолетних, которые до ареста уже демонстрировали высокую степень данного свойства.

Особенностью ведения занятий является то, что организатор занимает открытую позицию с предоставлением себе и другому возможности занимать отстраненную рефлексивную позицию. Ведущий выступает носителем норм и паттернов конструктивного поведения. Эта позиция характеризуется реализацией просоциальных общечеловеческих смыслов. Внешне она проявляется в центрации на собеседнике, в эмпатическом слушании и диалоге с использованием безусловно позитивного принятия, эмпатического понимания и конгруэнтного самовыражения. Ведущий использует результаты участников, достигнутые в ходе предыдущих занятий, и при анализе происходящего в группе постоянно возвращается к их содержанию.

В ходе бесед о криминальной идеологии ряд несовершеннолетних отметили, что во время содержания в следственном изоляторе они вынуждены принимать нормы поведения осужденных, поскольку их «правильное поведение» в СИЗО во многом будет определять их судьбу при этапировании в колонию, а также уровень их уважения среди сверстников после освобождения.

Участники тренинга с высоким уровнем криминальной зараженности считают законы поведения осужденных более жесткими, чем общесоциальные, но при этом полезными, поскольку они позволяют регламентировать жизнь большой массы мужчин, запертых в одном пространстве. Поэтому, по их мнению, необязательно их пропагандировать, но необходимо их знать и стараться не нарушать, поскольку это помогает правильно общаться и дает возможность выпутываться из сложных ситуаций. Следует отметить, что подобное отношение к криминальной субкультуре характерно не только для российских подростков, но и для зарубежных. Так, ее аналог – «уличный кодекс», исследуемый S. Kurtenbach et al., определяет правила взаимодействия делинквентных подростков и молодежи, основания получения статуса и признания сверстников (Kurtenbach et al., 2019). Подростки приспосабливаются к требованиям кодекса, поскольку он определяет глобальные правила совместного существования неформальных уличных сообществ и, как следствие, является всеобщим и единственно возможным стандартом их поведения вне легальных социальных структур.

Выполнение некоторых заданий для ряда участников вызывало определенные затруднения. Например, обсуждение таких общечеловеческих ценностей, как семья и здоровье, оказалось достаточно сложным для

большой части несовершеннолетних, в то время как диалог о таких ценностях, как работа и материальные блага, вызвал гораздо более оживленную реакцию. Данное обстоятельство отчасти можно объяснить возрастом участников, поскольку в этом возрасте они еще редко задумываются о подобных вещах. Однако на следующем занятии, после того как им дается время на обдумывание данного вопроса, несовершеннолетние уже достаточно четко могли формулировать свои планы после освобождения, при этом немалое внимание уделяли именно своей будущей семье. Такая особенность уже отмечалась С. А. Красненковой и И. И. Марковой, описавших ограниченность жизненной перспективы, присущей делинквентным подросткам, и выражающейся в жизни «одним днем» (Красненкова, Маркова, 2018). Исследователи приходят к выводу о том, что психологическая коррекция образа будущего помогает криминализированным подросткам лучше понять себя, определить свое место в мире и выстроить отношения с окружающими людьми. Следует также отметить, что ряд несовершеннолетних на момент проведения тренинга уже жили в гражданском браке, а у одного уже имелся ребенок.

Одним из затруднений, с которым столкнулись ведущие во время реализации программы, было то, что ряд подростков, отбывающих наказание в воспитательной колонии, имеют диагноз «легкая степень умственной отсталости», поэтому им было затруднительно участвовать в дискуссиях и анализировать свой жизненный опыт.

Опыт нашей работы показывает, что многие подростки совершают уголовные преступления, идя на поводу у своих сверстников или взрослых, поддавшись на их манипуляции. На основании этого в программу были включены упражнения на формирование моделей поведения противодействия ма-

нипуляциям, направленным на вовлечение в совершение преступлений. Разыгрывание проблемных ситуаций, предполагающих формирование новых поведенческих навыков, вызывало наибольшую степень заинтересованности участников занятий. Это подтверждает мнение И. А. Горьковой относительно перспективности функционально-ролевого подхода к организации психокоррекционных мероприятий с несовершеннолетними правонарушителями относительно других подходов (Горьковая, 2020). Несмотря на то, что подростки с удовольствием участвовали в занятиях по данной программе, необходимо отметить, что некоторые участники, имевшие высокую криминальную зараженность, на первых занятиях оказывали негативное влияние на остальных участников тренинга. Объяснение этому видится в антиобщественном характере разделяемых ими представлений, побуждающих к деструктивному поведению не только в тренинге, но и в большинстве практик социального взаимодействия, основанных на правовых нормах (Злоказов, 2022).

На этапе контрольного эксперимента для оценки эффективности разработанной программы был проведен анализ динамики уровня криминальной зараженности и уровня осмысленности жизни участников тренинга (рис. 4).

После участия в коррекционной программе у подростков была зарегистрирована положительная динамика по шкалам методики СЖО: цели, процесс, результат, локус контроля – Я и общий уровень. Это свидетельствует об активизации процессов осмысления жизненных ориентиров, индивидуальных ценностей, персональных целей и повышении уровня осознанности. Однако достоверность полученных выводов, с использованием критерия U – Манна-Уитни, была подтверждена только по таким шкалам, как цели, ре-

Рис. 4. Динамика средних показателей по шкалам методики СЖО в экспериментальной группе (стены), n=30

Fig. 4. Dynamics of high scores on the scales of the LSS method in the experimental group (walls), n=30

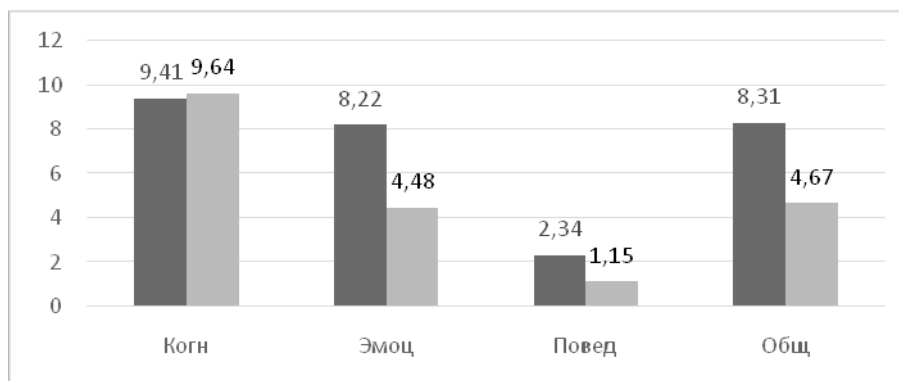

Рис. 5. Динамика показателей по шкалам методики ОКЗН в экспериментальной группе (стены), n=30

Fig. 5. Dynamics of indicators according to the scales of the OKZN methodology in the experimental group (walls), n=30

зультат и общий уровень ($p \leq 0,05$). Для большей точности расчет критерия U – Манна-Уитни проводился на основе использования сырых баллов.

У подростков экспериментальной группы было зарегистрировано снижение средних показателей по шкалам методики ОКЗН: эмоциональный компонент, поведенческий компонент и общий уровень. Статистически достоверность данных выводов с использованием критерия U – Манна-Уитни ($p \leq 0,05$) подтвердилась по шкалам эмоционального компонента и общего показателя криминальной зараженности. Можно полагать, что под влиянием коррекционного воздействия представления криминальной субкультуры теряют актуальность, уступая более глобальным по значению просоциальным представлениям.

У подростков контрольной группы также были выявлены положительные изменения по шкалам методик СЖО и ОКЗН, однако статистически они не подтвердились. Вместе с тем наличие изменений в группе, подвергшейся психокоррекционному воздействию, позволяет заключить, что разработанная программа продемонстрировала свою эффективность. Соответственно, предположение о возможности снижения криминальной зараженности подростков посредством воздействия на их смысложизненные ориентации получило эмпирическую поддержку в нашем исследовании.

Выводы

Изучение и анализ научной литературы, посвященной проблеме криминальной зараженности, позволили

сделать вывод, что в настоящее время запросы практики исполнения уголовных наказаний обуславливают увеличение внимания исследователей к вопросу распространения криминальной субкультуры среди подростков. Однако инструментарий снижения криминальной зараженности несовершеннолетних, содержащихся в местах лишения свободы, сегодня явно недостаточен.

Рассмотрение методов психокоррекционного воздействия в отечественной и зарубежной психологии привело к выводу, что в направлении профилактики распространения криминальной субкультуры среди подростков с делинкветным поведением весьма эффективным может быть использование когнитивно-поведенческого подхода и метода критического мышления.

Для психологического сопровождения несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательной колонии, была разработана программа, направленная на снижение уровня принятия криминальной субкультуры через выработку критичного отношения к нормам криминального поведения и формирование осмысленных представлений о своем будущем с учетом общечеловеческих ценностей. Реализация программы была организована на основе использования когнитивно-поведенческого подхода и метода критического мышления.

Результаты реализации позволяют сделать вывод, что разработанная программа способствует снижению уровня криминальной зараженности и повышению осмысленности жизни на статистически значимом уровне.

Список литературы

- Богдан, С. С., Лашкова, Л. Л., Лукиянчина, Е. В. (2019). Формирование критического мышления на основе универсальных когнитивных установок, стратегий и инструментов. *Science for Education Today*, 9(2), 37-51. <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.1902.03>

- Горьковая, И. А. (2020). Направления профилактики противоправного поведения подростков в России. *Психология человека в образовании*, 2(3), 265–276. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2020-2-3-265-276>
- Дворянсков, И. В., Панфилов, Е. Е. (2018). Криминальная субкультура несовершеннолетних как девиантогенный фактор. В А. И. Долгова (ред.). *Криминальные реалии, реагирование на них и закон* (стр. 225–233). Москва: Российская криминологическая ассоциация.
- Злоказов, К. В. (2022). Влияние криминальной субкультуры на взаимодействие несовершеннолетних правонарушителей с социальным окружением. *Пенитенциарная наука*, 1(57), 97–106. <https://doi.org/10.46741/2686-9764.2022.57.1.010>
- Карпинский, К. В. (2002). *Психологическая коррекция смысловой регуляции жизненного пути девиантной личности*: монография. Гродно: ГрГУ.
- Красненкова, С. А., Маркова, И. И. (2018). Социально-психологические особенности жизненных перспектив делинквентных подростков. *Вестник института: преступление, наказание, исправление*, 1(41), 111–117.
- Меняйло, Д. В., Иванова, Ю. А., Меняйло, Л. Н. (2019). АУЕ – криминальное молодежное движение: сущность и способы распространения. *Вестник Московского университета МВД России*, 3, 107–111. <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2019-10145>
- Пастушеня, А. Н. (2022). Характеристика проявления криминальной склонности личности: интериндивидуальное описание. *Российский девиантологический журнал*, 2(2), 193–200. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-2-193-200>
- Плотников, В. В. (2018). Перспективы применения теории социальной аномии Р. Мертона в исследовании проблем современного общества. *Общество и право*, 4(66), 170–174.
- Польшиков, А. В., Буданова, Е. А. (2019). Основные направления противодействия распространению криминальной субкультуры несовершеннолетних в современных условиях. *Вестник Воронежского института МВД России*, 2, 249–255.
- Рябков, А. М., Степанова, Е. С., Муслумов, Р. Р. (2022a). Особенности распространения криминальной субкультуры среди несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 3 (90), 291–297. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-390-291-297>
- Рябков, А. М., Степанова, Е. С., Муслумов, Р. Р. (2022b). Разработка и апробация методики оценки криминальной зараженности несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных. *Прикладная юридическая психология*, 2(59), 77–86. [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2022.2\(59\).077-086](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2022.2(59).077-086)
- Семочкина, А. А. (2020). АУЕ – как фактор криминализации несовершеннолетних и их активного противопоставления государству и обществу. *Вестник экономической безопасности*, 6, 154–158. <https://doi.org/10.24411/2414-3995-2020-10372>
- Халперн, Д. (2000). *Психология критического мышления*: 4-е международное издание (перев. с англ. Н. Мальгина, С. Рысев, Л. Царук). Санкт-Петербург: Издательство «Питер».
- Clemmer, D. (1940). *The Prison Community*. New York: Holt, Rinehart & Winston.
- Kim, J., Lee, Y. (2022). Developmental Trajectories and Predictors of Delinquent Peer Association. *Deviant Behavior*, 43(12), 1523–1542. <https://doi.org/10.1080/01639625.2021.1996214>
- Kurtenbach, S., Zdun, S., Howell, S., Zaman, M., & Rauf, A. (2019). Global Street Code. A Cross-cultural Perspective on Youth Violence. *Deviant Behavior*, 42(2), 171–192. <https://doi.org/10.1080/01639625.2019.1658848>
- Powell, Z. A., Craig, J. M., Piquero, A. R., Baglivio, M. T., & Epps, N. (2021). Delinquent Youth Concentration and Juvenile Recidivism. *Deviant Behavior*, 42(7), 821–836. <https://doi.org/10.1080/01639625.2019.1701622>
- Reid, S. E. (2017). The (Anti)Social Network: Egocentric Friendship Networks of Incarcerated Youth. *Deviant Behavior*, 38(2), 154–172. <https://doi.org/10.1080/01639625.2016.1196962>

References

- Bogdan, S. S., Lashkova, L. L., Lukiyanchina, E. V. (2019). Formirovanie kriticheskogo myshleniya na osnove universal'nykh kognitivnykh ustanovok, strategij i instrumentov. *Science for Education Today*, 9(2), 37–51. <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.1902.03>
- Gor'kovaya, I. A. (2020). Napravleniya profilaktiki protivopravnogo povedeniya podrostkov v Rossii. *Psihologiya cheloveka v obrazovanii*, 2(3), 265–276. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2020-2-3-265-276>
- Dvoryanskov, I. V., Panfilov, E. E. (2018). Kriminal'naya subkul'tura nesovershennoletnih kak deviantogennyj faktor. V A. I. Dolgova (red.). *Kriminal'nye realii, reagirovanie na nih i zakon* (str. 225–233). Moskva: Rossijskaya kriminologicheskaya associaciya.
- Zlokazov, K. V. (2022). Vliyanie kriminal'noj subkul'tury na vzaimodejstvie nesovershennoletnih pravonarushitelej s social'nym okruzheniem. *Penitenciarnaya nauka*, 1(57), 97–106. <https://doi.org/10.46741/2686-9764.2022.57.1.010>

- Karpinskij, K. V. (2002). *Psihologicheskaya korrekciya smyslovoj regulyacii zhiznennogo puti deviantnoj lichnosti*: monografiya. Grodno: GrGU.
- Krasnenkova, S. A., Markova, I. I. (2018). Social'no-psihologicheskie osobennosti zhiznennyh perspektiv delinkventnyh podrostkov. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*, 1(41), 111–117.
- Menyaïlo, D. V., Ivanova, Yu. A., Menyaïlo, L. N. (2019). AUE – kriminal'noe molodezhnoe dvizhenie: sushchnost' i sposoby rasprostraneniya. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 3, 107–111. <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2019-10145>
- Pastushenya, A. N. (2022). Harakteristika proyavleniya kriminal'noj sklonnosti lichnosti: interindividnoe opisaniye. *Rossiiskij deviantologicheskij zhurnal*, 2(2), 193–200. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-2-193-200>
- Plotnikov, V. V. (2018). Perspektivy primeneniya teorii social'noj anomii R. Merton v issledovanii problem sovremennogo obshchestva. *Obshchestvo i pravo*, 4(66), 170–174.
- Pol'shikov, A. V., Budanova, E. A. (2019). Osnovnye napravleniya protivodejstviya rasprostraneniya kriminal'noj subkul'tury nesovershennoletnih v sovremennyh usloviyah. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*, 2, 249–255.
- Ryabkov, A. M., Stepanova, E. S., Muslumov, R. R. (2022a). Osobennosti rasprostraneniya kriminal'noj subkul'tury sredi nesovershennoletnih podozrevaemyh, obvinyaemyh i osuzhdennyh. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah*, 3 (90), 291–297. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-390-291-297>
- Ryabkov, A. M., Stepanova, E. S., Muslumov, R. R. (2022b). Razrabotka i aprobaciya metodiki ocenki kriminal'noj zarazhennosti nesovershennoletnih podozrevaemyh, obvinyaemyh i osuzhdennyh. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya*, 2(59), 77–86. [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2022.2\(59\).077-086](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2022.2(59).077-086)
- Semochkina, A. A. (2020). AUE – kak faktor kriminalizacii nesovershennoletnih i ih aktivnogo protivopostavleniya gosudarstvu i obshchestvu. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*, 6, 154–158. <https://doi.org/10.24411/2414-3995-2020-10372>
- Halpern, D. (2000). *Psihologiya kriticheskogo myshleniya*: 4-e mezhdunarodnoe izdanie (perev. s angl. N. Mal'gina, S. Rysev, L. Caruk). Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo «Piter».
- Clemmer, D. (1940). *The Prison Community*. New York: Holt, Rinehart & Winston.
- Kim, J., Lee, Y. (2022). Developmental Trajectories and Predictors of Delinquent Peer Association. *Deviant Behavior*, 43(12), 1523–1542. <https://doi.org/10.1080/01639625.2021.1996214>
- Kurtenbach, S., Zdun, S., Howell, S., Zaman, M., & Rauf, A. (2019). Global Street Code. A Cross-cultural Perspective on Youth Violence. *Deviant Behavior*, 42(2), 171–192. <https://doi.org/10.1080/01639625.2019.1658848>
- Powell, Z. A., Craig, J. M., Piquero, A. R., Baglivio, M. T., & Epps, N. (2021). Delinquent Youth Concentration and Juvenile Recidivism. *Deviant Behavior*, 42(7), 821–836. <https://doi.org/10.1080/01639625.2019.1701622>
- Reid, S. E. (2017). The (Anti)Social Network: Egocentric Friendship Networks of Incarcerated Youth. *Deviant Behavior*, 38(2), 154–172. <https://doi.org/10.1080/01639625.2016.1196962>

Информация об авторе:

Александр Михайлович Рябков – старший психолог межрегионального отдела психологической работы.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 29.09.2022

Одобрена после рецензирования 05.11.2022

Опубликована 29.12.2022

About the author:

Alexander M. Ryabkov – senior psychologist of the inter-regional Department of Psychological work.

The author declare no conflicts of interests.

Submitted September 29, 2022

Approved after reviewing November 5, 2022

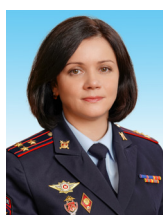
Accepted December 29, 2022

УДК 343.85

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-4-454-478

Профилактика девиаций в области антикоррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации

Оксана Николаевна Миронкина

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
madam.oksana-79@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2881-5012

Аннотация

В настоящей статье рассматривается авторская комплексная технология по профилактике деструктивных отклонений поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в антикоррупционной сфере, приводящих к юридически значимым негативным последствиям. Формирование антикоррупционной устойчивости служебных коллективов особенно актуально в настоящее время, в период проведения специальной военной операции. В столь напряжённых условиях службы важны единение и сплочение государственных структур и общества.

Цель работы: разработка теоретически и практически обоснованного комплексного подхода к формированию антикоррупционного поведения; оказание методической помощи органам, организациям и подразделениям системы МВД России в планировании указанного вида деятельности с помощью комплексного подхода к формированию антикоррупционного поведения сотрудников на основе антикоррупционного просвещения.

Методы проведения работы: совокупность общенаучных методов (анализ и синтез, системный, диалектический метод познания), частных методов общественных наук (социологический, формирующий).

Результаты работы и их новизна определяются тем, что автором на основе комплексного подхода к формированию антикоррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел разработаны технология и вспомогательные методические материалы, позволяющие охватывать все этапы службы в ОВД, период прохождения испытания стажёром по должности сотрудника ОВД, период оформления гражданина на службу в ОВД и период в течение двух лет после увольнения из ОВД.

Значимость работы состоит в том, что разработанная технология, комплексный подход и методические материалы структурируют деятельность по антикоррупционному просвещению в органах внутренних дел.

Разработанные методические материалы могут быть использованы в деятельности подразделений по работе с личным составом и руководителей в области профилактики коррупции, служить основой для проведения занятий в системе служебной подготовки, правового и антикоррупционного просвещения.

Ключевые слова

коррупция, антикоррупционное просвещение, объект антикоррупционного просвещения, субъект антикоррупционного просвещения, средства антикоррупционного просвещения, коррупционная устойчивость

Для цитирования: Миронкина, О. Н. (2022). Профилактика девиаций в области антикоррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. *Российский девиантологический журнал*, 2(4), 454–478. doi: 10.35750/2713-0622-2022-4-454-478.

Original paper

Prevention of deviations in the field of anti-corruption behavior of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation

Oksana N. Mironkina

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
madam.oksana-79@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2881-5012

Abstract

In this article, the author proposes to consider the developed complex technology for the prevention of destructive deviations in the behavior of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation in the anti-corruption sphere, leading to legally significant negative consequences. The qualitative formation of the anti-corruption stability of service teams is especially important at the present time, during the period of a special military operation. In such tense conditions of service, the unity and rallying of state structures and society is important.

Purpose of the work: development of a theoretically and practically substantiated integrated approach to the formation of anti-corruption behavior; providing methodological assistance to bodies, organizations and departments of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia in planning anti-corruption activities using an integrated approach to the formation of anti-corruption behavior of employees, based on anti-corruption education.

Methods of carrying out the work: a set of general scientific methods (analysis and synthesis, systemic, dialectical method of cognition), private methods of social sciences (sociological, formative).

The results of the work and their novelty: is determined by the fact that the author, based on an integrated approach to the formation of anti-corruption behavior of employees of the internal affairs bodies, has developed a technology and auxiliary methodological materials that allow covering all stages of service in the internal affairs department, the period of passing the test by the trainee as an internal affairs officer, the period of registration citizen to serve in the Department of Internal Affairs and a period of two years after dismissal from the Department of Internal Affairs. The results of the work structure the approaches to anti-corruption education in the internal affairs bodies.

The significance of the work lies in the fact that the developed technology, an integrated approach and methodological materials structure the activities of anti-corruption education in the internal affairs bodies.

The developed methodological materials can be used in the activities of personnel departments and managers in the field of corruption prevention, serve as the basis for conducting classes in the system of professional training, legal and anti-corruption education.

Keywords

corruption, anti-corruption education, object of anti-corruption education, subject of anti-corruption education, means of anti-corruption education, corruption resistance

For citation: Mironkina, O. N. (2022). Prevention of deviations in the field of anti-corruption behavior of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(4), 454–478. doi: 10.35750/2713-0622-2022-4-454-478.

Современный мир отличается все более ужесточающимся антикоррупционным контролем за сотрудниками не только силовых структур, но и различных государственных и муниципальных органов и служб. Не являются исключением и сотрудники органов внутренних дел Российской Федерации. Это обусловлено потребностями общества и государства в создании атмосферы доверия во взаимоотношениях между пред-

ставителями государства, наделенными властными полномочиями, и гражданами – доверия, которое основывается на уверенности в честности людей, которые по долгу службы наделены правом принимать судьбоносные для граждан и организаций решения, в их законности и объективности, в неотвратимости наказания для правонарушителей. Озабоченность общества и государства понятна, так как органы внутренних дел

в своей повседневной служебной деятельности имеют высокие коррупциогенные риски. Введенные антикоррупционные ограничения, запреты и обязанности имеют ранний превентивный характер. Они позволяют не просто предотвратить коррупцию в государственно-властных структурах, а не допустить даже возникновения коррупционно опасных ситуаций, при которых сотрудник может оказаться необъективным. Антикоррупционные меры не являются чем-то новым для нашего государства. Их перечень исходит из ратифицированных статей Конвенции ООН против коррупции¹.

Однако нельзя отрицать, что в служебных коллективах органов внутренних дел Российской Федерации имеется некоторое напряжение, вызываемое множеством ограничительных мер, а также весьма категоричные суждения о них. Часто причина такой реакции – в непонимании значения установленных государством мер противодействия коррупции, порядка их выполнения, в подмене понятий или в банальном незнании перечня и сути ограничений, запретов и обязанностей. Перечисленное имеет место несмотря на то, что антикоррупционное законодательство действует с 25 декабря 2008 г.² В результате органы внутренних дел сталкиваются в своей системе управления с комплаенс-рисками – рисками несоответствия, несоблюдения требований законодательства, нормативных документов, правил и стандартов, кодексов поведения. Отклонение от установленных норм или правил рассматривается как девиантное поведение, в том числе в антикоррупционной сфере.

По официальной статистике, в системе МВД России в 2021 г. привлечены к юридической ответственности за совершение коррупционных правонарушений 9004 сотрудника. В сравнении с 2020 г. данный показатель увеличился на 2022 единицы (были привлечены 6982 сотрудника). При этом привлечены к уголовной ответственности 258 сотрудников, из них 59 – с наказанием в виде реального лишения свободы и 67 – с наказанием в виде штрафа.

К дисциплинарной ответственности за 2021 г. привлечены 8752 сотрудника, из них 4432 сотрудникам объявлено замечание, 3385 сотрудникам – выговор и 360 – предупреждение о неполном служебном соответствии. Уволены в связи с утратой доверия 575 сотрудников органов внутренних дел, что на 42 случая меньше в сравнении с показателями 2020 г.

Такие цифры говорят о том, что большая часть коррупционных правонарушений дисциплинарного характера носит малозначительный характер, что

позволяет ограничиться замечанием при выборе дисциплинарного взыскания виновному сотруднику, а значит, очевидна потребность в проведении просветительских мероприятий, которые позволили бы не только изменить отношение сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации к ограничительным мерам, неизбежно сопровождающим службу, но и повысить их информированность об антикоррупционных ограничениях, запретах и обязанностях. Устойчивое понимание, что они являются профилактическими мерами, не позволяющими развиться коррупционному поведению, приводящему к коррупционным правонарушениям и преступлениям, может стать решающим фактором в снижении девиаций в этой области.

”

Антикоррупционные ограничения, запреты и обязанности имеют ранний превентивный характер. Они позволяют не просто предотвратить коррупцию в государственно-властных структурах, а не допустить даже возникновения коррупционно опасных ситуаций, при которых сотрудник может оказаться необъективным.

“

Анализ приведенной выше статистики позволяет предположить, что часто неправомерное поведение связано не с коррупционными мотивами, а низким уровнем правовой культуры в области порядка реализации антикоррупционных стандартов. В связи с этим можно говорить об эффективности образовательных и просветительских мероприятий, проводимых в образовательных организациях, в территориальных органах МВД России и других правоохранительных органах, государственных и муниципальных организациях.

Не секрет, что знание всегда меняет сознание, но только тогда, когда включается механизм качественного восприятия информации и наличия стимулов. Для этого информация должна быть своевременной, структурированной, ценной, необходимым образом

¹ Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 г., ратифицированная Российской Федерацией согласно Федеральному закону от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ.

² С даты вступления в силу Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

обработанной, достоверной и полной, передана оптимальным способом. Для того чтобы сознание каждого сотрудника органов внутренних дел обрабатывало возникающие реальные служебные ситуации с позиции антикоррупционного стандарта поведения, качество передачи знаний о стандарте поведения и ответственности за его несоблюдение должно быть на самом высоком уровне и представлять систему.

Ниже предлагается один из возможных подходов к формированию антикоррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. Представляемая технология базируется на основе антикоррупционного просвещения. На наш взгляд, она может стать эффективным средством усиления антикоррупционной устойчивости служебных коллективов не только органов, организаций и подразделений системы МВД России, но и других правоохранительных структур, государственных организаций и муниципальных служб Российской Федерации, а настоящая статья окажет методическую помощь в организации антикоррупционного просвещения.

При разработке технологии комплексного подхода к формированию антикоррупционного поведения автором решались следующие задачи:

- раскрытие понятия антикоррупционного просвещения;
- анализ нормативной правовой основы, регулирующей антикоррупционный стандарт поведения сотрудников ОВД;
- методическое обеспечение реализации комплексных путей по формированию антикоррупционного поведения, позволяющих использовать разнообразные формы подготовки кадров для органов внутренних дел и работы с личным составом.

Полученная разработка может использоваться в целях:

- выработки руководителями стратегии и тактики формирования антикоррупционного поведения подчиненных сотрудников, планирования антикоррупционной деятельности;
- получения структурированной информации об организационных, юридических и педагогических аспектах просветительской работы с подчиненными в области профилактики коррупции, позволяющей обеспечить комплексный подход к формированию антикоррупционного поведения сотрудников;
- эффективного планирования работы в области профилактики коррупции с использованием всех просветительских возможностей органа (подразделения, организации);
- получения сведений о возможностях взаимодействия административного и педагогического состава территориального органа МВД России в организации

и реализации работы в области антикоррупционного просвещения личного состава;

- получения представления о комплексном подходе, этапах и методах работы в области антикоррупционного просвещения в подчиненном подразделении;
- внедрения разработанных документов и методических материалов в организацию работы по профилактике коррупции в подчиненном подразделении;
- разработки и реализации конкретных просветительских мероприятий, направленных на профилактику коррупционных и иных правонарушений, обеспечение антикоррупционной устойчивости личного состава.

Представленная в статье технология разработана в процессе научного исследования, проведенного в 2017–2021 гг., раскрывающего затруднения сотрудников органов внутренних дел в области профилактики коррупции, а также методы и технологии, позволяющие интенсивно повысить квалификацию в данной области (Миронкина, 2021).

Качественно проработанные подходы к антикоррупционному просвещению решают проблему толерантного отношения к коррупции. Проблему влияния толерантности на восприятие коррупции исследовали как российские, так и зарубежные авторы, в частности, Тинь-Ань-Сью-Лю, Вен-Джонг Джуанг, Чипик (2022, Тайвань) (Liu, Juang, & Yu, 2022).

Именно негативное отношение к коррупции в служебных коллективах позволяет говорить о коррупционном поведении как о девиантном.

В праве под девиантным поведением понимаются отклонения от требований правовых норм³.

Коррупционное поведение как девиация нарушает не только установленные нормы права, но и принятые социальные нормы поведения. Кроме того, оно имеет ощутимую юридическую значимость. Понятие «девиантное юридически значимое поведение» вводит В. В. Гурьянова (Гурьянова, 2013). Его необходимо отделять от девиаций, вызванных патологическими состояниями или аддиктивным поведением.

Коррупционное поведение сотрудников органов внутренних дел и государственных служащих других правоохранительных органов имеет выраженные социальные последствия. В современной напряженной международной обстановке отсутствие личной заинтересованности и объективность при исполнении служебных обязанностей представителей государственных органов приобретают жизненно важное значение для населения страны.

Любое поведение всегда связано с психологией человека. Понимая, что искоренение коррупции фактически невозможно, что как явление она будет суще-

³ Кудрявцев, В. Н. (1998). *Генезис преступления: опыт криминологического моделирования*: учебное пособие для вузов (стр. 204–213). Москва: Изд. группа "ФОРУМ - ИНФРА-М".

ствовать в любом обществе, многими исследователями предлагается поиск возможностей ее минимизации, в том числе через изучение психологических механизмов коррупции. М. М. Решетников, анализируя психологические факторы коррупции в историческом контексте (с древности до настоящего времени), обосновывает концепцию «психологической коррупции» как готовность и предрасположенность к коррупционному поведению. Психологические механизмы коррупции «чрезвычайно сложны и настолько укоренены, что воспринимаются как практически неустраняемые» (Решетников, 2022).

А. В. Николаев рассматривает коррупционное поведение как зависимость, которую относит к отдельному виду аддиктивного поведения (Николаев, 2012). Он предлагает термин «коррупциомания», под которым понимает навязчивую потребность во все большем вовлечении в коррупционные практики. В данном контексте рассматривается отклонение поведения представителя правоохранительной сферы вплоть до изменения его личности под влиянием содержательных особенностей профессиональной деятельности, ее экстремального характера на фоне высоких психоэмоциональных нагрузок и дестабилизирующих факторов.

Однако коррупционное поведение как девиантное может рассматриваться лишь в тех случаях, когда в социальных отношениях оно не является нормой (Ванновская, 2009). «Личность представителя правоохранительной системы подвергается коррупционным деструкциям, которые сопровождаются искаженным нравственным развитием, появлением негативных качеств, отклонений от социальных и индивидуальных норм, меняющих профиль личности. Изменение когнитивной структуры у сотрудников ОВД часто приводит к коррупционной акцентуации личности... Происходит изменение структуры социальных норм и стандартов поведения, выражающееся в отсутствии осуждения коррупционного поведения и принятия его в качестве нормы» (Помаз, 2015).

Р. Т. Мухаев называет «преодоление амбивалентности восприятия и отношения к коррупции со стороны общества, которое порождает ее моральное оправдание как у элит, так и у масс» решающим фактором нуллификации коррупции (Мухаев, 2022).

Г. Н. Миронова говорит об опривычивании (хабиитуализации) коррупции, которая становится частью стандартных экономических процедур, в результате чего «складывается тип личности – “мелкого” коррупционера, модель поведения которого начинает расцениваться в обществе как норма» (Миронова, 2019).

Проблему опривычивания коррупции исследовали также Э. Л. Сидоренко (Сидоренко, 2017), Т. Л. Янович (Янович, 2019), М. В. Головкин и В. А. Плотников (Головкин, Плотников, 2019).

В контексте проблем формирования антикоррупционного стандарта поведения важен также социокультурный анализ факторов коррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел, определение «условий, способствующих снижению девиантогенного потенциала современной системы ОВД и формированию их общественно одобряемого статуса» (Михайлюк, 2017).

В. А. Михайлюк исследовал проблему формирования профессиональной идентичности и социального статуса представителей правоохранительных органов в период получения профессионального образования, которые влияют на девиантные проявления в профессиональной деятельности. Ученым была отмечена взаимосвязь «повышения эффективности мероприятий, организованных в процессе образовательной деятельности в специальных учебных заведениях системы МВД, определяющих успешность правовой социализации будущих специалистов» (Михайлюк, 2017, с. 16) с профилактикой коррупционных девиаций.

Прежде чем рассматривать технологию комплексного подхода к формированию антикоррупционного поведения, необходимо уделить внимание особенностям различных исследований, проводимых в России на тему противодействия коррупции. Большинство из них основывается на социологических исследованиях известных центров и фондов, из которых «Трансперенси Интернешнл Россия», «Левада-Центр» и «Фонд борьбы с коррупцией» (признан экстремистским и ликвидирован) внесены Минюстом России в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. Мало кто из авторов обращает внимание на такие тонкости, как статус организации, проводящей социологические исследования. Да и не всем понятно, кто такие иноагенты. Разъяснение дает статья 2 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях». Если говорить кратко, то это российские некоммерческие организации, финансируемые иностранными государствами, участвующие (в том числе в интересах иностранных источников) в политической деятельности, осуществляемой на территории Российской Федерации. Под таким участием в политической деятельности подразумевается участие в организации и проведении политических акций в целях воздействия на принятие государственными органами решений, направленных на изменение проводимой ими государственной политики, а также в формировании общественного мнения в указанных целях.

Выводы об объективности проводимых этими организациями и фондами исследований может сделать каждый самостоятельно, но их использование в подготовке просветительских мероприятий для служебных коллективов правоохранительных, государственных и муниципальных органов России крайне сомнительно.

Что же из себя представляет антикоррупционное просвещение? Данный термин неоднократно встречается в нормативных правовых актах в области противодействия коррупции. Мы можем найти его, например, в Указе Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 г. № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы», Указе Президента Российской Федерации от 15 июля 2015 г. № 364, распоряжении Минобрнауки России от 14 декабря 2021 г. № 475-р «Об утверждении программы по антикоррупционному просвещению населения на 2021–2024 годы». Нормативные правовые акты оперируют данным понятием, но не раскрывают его.

Органы внутренних дел сталкиваются в своей системе управления с комплаенс-рисками – рисками несоответствия, несоблюдения требований законодательства, нормативных документов, правил и стандартов, кодексов поведения. Отклонение от установленных норм или правил рассматривается как девиантное поведение, в том числе в антикоррупционной сфере

Согласно исследованию, проведенному П. А. Кабановым, «правотворческие органы вкладывают разную смысловую нагрузку в предлагаемые ими термины и словосочетания, связанные с организацией и осуществлением антикоррупционного просвещения» (Кабанов, 2014). Несмотря на то что с момента опубликования указанной работы прошло немало лет, ситуация не изменилась. Значимость единых подходов к понятийному аппарату обусловлена также тем, что антикоррупционное просвещение является одной из основных функций подразделений по профилактике коррупционных правонарушений. Это исходит из Типового положения о подразделении федерального государственного органа по профилактике коррупционных и иных правонарушений, утвержденного Ука-

зом Президента Российской Федерации от 15 июля 2015 г. № 364.

Национальная стратегия противодействия коррупции⁴ не раскрывает понятия «антикоррупционное просвещение», но при этом одним из основных направлений реализации называет расширение системы правового просвещения населения. В свете такого подхода антикоррупционное просвещение можно рассматривать как один из видов правового просвещения. Система правового просвещения получила свое нормативное закрепление в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»⁵, в соответствии с которым субъектами правового просвещения выступают не только представители власти, государственные или муниципальные органы, но и образовательные организации. Также наряду с правовым просвещением «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан», утвержденные Президентом Российской Федерации 28 апреля 2011 г. № Пр-1168, содержат понятие «правовая культура», субъектами которой называют федеральные и региональные государственные органы, органы местного самоуправления, профессиональные юридические сообщества и общественные объединения юристов, а также другие организации, юридические клиники образовательных организаций, адвокатов, нотариусов.

Однако отсутствие нормативно закрепленного определения понятия «антикоррупционное просвещение» требует обращения к научной литературе.

В определении Л. Р. Хайрутдиновой среди субъектов антикоррупционного просвещения выделяются только государственные и муниципальные органы, тогда как вышеизложенное показывает, что, рассматривая данное понятие в свете правового просвещения, необходимо учитывать более широкий круг субъектов (Хайрутдинова, 2015).

М. М. Поляков и Ю. И. Мигачев рассматривают антикоррупционное просвещение в связке с антикоррупционной пропагандой (Поляков, Мигачев, 2020). На наш взгляд, эти понятия следует разделять, поскольку они имеют различную смысловую нагрузку и реализацию.

А. П. Вихрян и М. В. Федоров (Вихрян, Федоров, 2020) считают антикоррупционное просвещение шире правового просвещения как «процесса передачи информации юридического содержания», хотя и признают приоритетность в нем юридических знаний.

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 13 апреля 2010 г. № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы». В Собрание законодательства Российской Федерации от 19 апреля 2010 г. № 16 ст. 1875.

⁵ Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации». В Собрание законодательства Российской Федерации от 28 ноября 2011 г. № 48 ст. 6725.

«Чтобы добиться максимальной эффективности антикоррупционного просвещения, следует организовать системное и постоянное распространение знаний, имеющих междисциплинарный (мультидисциплинарный) характер» (Вихрян, Федоров, 2020). Они включают в рассматриваемое понятие кроме юридического и исторический аспект (раскрывающий истоки коррупции), философские знания о сути коррупции как социального феномена, политологические знания и социологическую информацию. Эти авторы предлагают следующее определение: антикоррупционное просвещение – это «специфический вид социальной деятельности органов власти и институтов гражданского общества, направленный на повышение осведомленности населения о природе коррупции как негативного социального феномена, информирование о правовом и социальном механизмах противодействия ей и формирование основ антикоррупционного мировоззрения в качестве органичной части “социального иммунитета” граждан» (Вихрян, Федоров, 2020).

Наиболее соответствующим задачам органов внутренних дел Российской Федерации, на наш взгляд, является определение, сформулированное П. А. Кабановым, которое звучит следующим образом: «Антикоррупционное просвещение – это система распространения субъектами государственной политики противодействия коррупции достоверной информации любым способом, в любой форме с использованием любых коммуникативных средств в отношении неопределенного круга лиц, направленная на формирование в обществе антикоррупционного мировоззрения, антикоррупционного поведения, антикоррупционного сознания и антикоррупционной культуры» (Кабанов, 2014).

Как видно из определения, основными элементами антикоррупционного просвещения являются:

- а) цели и задачи антикоррупционного просвещения – формирование антикоррупционного мировоззрения, антикоррупционного поведения, антикоррупционного сознания и антикоррупционной культуры;
- б) субъекты антикоррупционного просвещения – субъекты государственной политики противодействия коррупции;
- в) объекты антикоррупционного просвещения – неопределенный круг лиц;
- г) средства антикоррупционного просвещения – система распространения информации, включающая способы, формы, коммуникативные средства.

Применяя данное определение к деятельности подразделений по профилактике коррупционных и иных правонарушений (руководящего состава ОВД) в органах внутренних дел, можно конкретизировать каждый из перечисленных элементов с учетом имеющихся в органе (организации, подразделении МВД России) возможностей. Однако эффективнее

это будет сделать в совокупности с технологией комплексного подхода к формированию антикоррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

Технология комплексного подхода к формированию антикоррупционного поведения

Под технологией комплексного подхода к формированию антикоррупционного поведения подразумевается совокупность средств и методов, а также путей формирования антикоррупционного поведения, охватывающих все этапы службы в ОВД, период прохождения испытания стажером по должности сотрудника ОВД, период оформления гражданина на службу в ОВД и период в течение двух лет после увольнения из ОВД.

Комплексный подход, представленный на рисунке, основан на определении полного списка объектов антикоррупционного просвещения. Данные объекты выделены на основе требований российского антикоррупционного законодательства. Соответственно, выделены и этапы формирования антикоррупционного поведения на разных стадиях профессионального становления сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

Первый этап – работа с кандидатами на службу (работу) в ОВД; второй этап – работа с абитуриентами образовательных организаций МВД России и стажерами по должности сотрудника ОВД; третий этап – работа с действующими сотрудниками; четвертый этап – работа с гражданами, увольняемыми со службы в ОВД. Каждый этап имеет свои особенности и проблемы в области формирования антикоррупционного поведения.

При этом, как видно из рисунка, второй и третий этапы разделяются на две составляющие: антикоррупционное просвещение в образовательных организациях и антикоррупционное просвещение в территориальных органах МВД России.

Необходимо уточнение, что центры профессиональной подготовки территориальных органов МВД России в данной схеме осуществляют антикоррупционное просвещение в рамках своего юридического статуса и не относятся к образовательным организациям. Они осуществляют данную работу с объектом антикоррупционного просвещения – «неопытными сотрудниками».

Ниже мы охарактеризуем каждый из этапов, а сейчас вернемся к элементам дефиниции антикоррупционного просвещения и рассмотрим их применительно к реализации в органах внутренних дел Российской Федерации.

1. Способы распространения информации:

1.1) антикоррупционное информирование – проведение занятий, тематических совещаний, размещение информации на информационных стендах в располо-

Рис. Структура комплексного подхода к формированию антикоррупционного поведения

Fig. The structure of an integrated approach to the formation anti-corruption behavior

жении органа (организации, подразделения); размещение информации на внутреннем ТВ, в ведомственных изданиях (газеты, журналы, сборники) и т. п.;

1.2) антикоррупционное консультирование.

Известный для антикоррупционных подразделений отчет по форме Мониторинг-К, отражающий сведения о ходе реализации мер по противодействию коррупции, относит к мероприятиям правового и антикоррупционного просвещения коллегии, круглые столы, конференции, научно-практические семинары, подготовку памяток, методических пособий по антикоррупционной тематике, консультации на тему антикоррупционного поведения. При этом данный список не ограничен жесткими рамками. Предусматривается возможность проведения мероприятий антикоррупционной направленности и в иных формах.

По официальной статистике, самой распространенной формой антикоррупционного просвещения в органах (подразделениях) МВД России является консультирование, которое ежегодно составляет от 57 до 62 % от всего количества проводимых в год в системе МВД России просветительских мероприятий антикоррупционной направленности. 35–39 % составляют мероприятия, проводимые в иных формах, 2–3 % составляют конференции и другие научные мероприятия, 1–1,5 % – подготовка памяток и методических пособий.

2. Субъектом государственной политики противодействия коррупции:

2.1) в органе внутренних дел является подразделение по профилактике коррупционных и иных правонарушений как звено, реализующее соответству-

ющие функции от имени органа (организации), либо должностные лица, на которых возложено исполнение данных функций, и руководящий состав; в центрах профессиональной подготовки – руководящий и педагогический состав;

2.2) в образовательной организации – перечисленные подразделения и руководящий состав, а также научно-педагогические работники.

3. К объектам просвещения, исходя из схемы комплексного подхода, относятся:

3.1) граждане, являющиеся кандидатами на службу в органы внутренних дел Российской Федерации;

3.2) граждане, являющиеся абитуриентами, поступающими в образовательные организации МВД России и стажерами по должности в территориальных органах МВД России;

3.3) обучающиеся образовательных организаций МВД России и неопытные сотрудники как территориальных органов МВД России, так и указанных образовательных организаций;

3.4) все сотрудники органов внутренних дел Российской Федерации с различным опытом и выслугой лет (работники, ФГГС). Работа с данными объектами может быть структурирована исходя из специфики деятельности сотрудников (по направлениям деятельности и типовым коррупционным рискам, связанным с этими направлениями), их должностного положения (младший, средний, старший, высший начальствующий состав);

3.5) сотрудники органов внутренних дел Российской Федерации, в отношении которых проводится процедура увольнения, а также граждане, уволенные

со службы в органах внутренних дел Российской Федерации.

4. Средства антикоррупционного просвещения – система распространения информации, включающая способы, формы, коммуникативные средства, зависящие от этапа, на котором проводится антикоррупционное просвещение.

Итак, структурировав работу по антикоррупционному просвещению на этапы относительно периодов службы сотрудников и выходящих за ее пределы периодов работы сотрудников кадровых подразделений и руководящего состава с гражданами, определив объекты антикоррупционного просвещения на каждом этапе, мы можем охарактеризовать каждый этап и предложить оптимальные средства антикоррупционного просвещения на каждом из них.

На *первом этапе (ознакомительном)* происходит работа по отбору кандидатов на службу в ОВД и их оформление. В соответствии с Федеральным законом «О службе в органах внутренних дел...»⁶ гражданин, поступающий на службу в ОВД, и сотрудник при заключении контракта обязуются соблюдать ограничения и запреты, связанные со службой в органах внутренних дел. Однако примерная форма контракта не содержит их перечень, а лишь делает ссылку на ст. 14 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ, где перечисляется только их часть. Мало кто из кандидатов самостоятельно знакомится с указанной статьей, а беседа редко оставляет полное понимание о системе ограничений, с которой столкнется кандидат после поступления на службу. Это приводит к неосведомленности граждан при принятии ими решения о поступлении на службу и потере осознанности выбора профессии, при котором требуется настроиться на необходимые этические и юридические требования к служебному поведению.

Эффективным и удобным средством антикоррупционного просвещения на данном этапе может стать простая для восприятия памятка для поступающего на службу в органы внутренних дел. Ознакомление с ней кандидата должно происходить на стадии собеседования. Важно, чтобы содержание памятки не было перегружено изложением правовых норм, но обязательно указывались последствия нарушений в этой сфере с указанием оснований для привлечения к дисциплинарному взысканию.

На данном этапе у кандидата, который принял положительное решение о поступлении на службу в ор-

ганы внутренних дел, актуально получить письменное подтверждение его ознакомления с установленными антикоррупционными ограничениями, обязанностями и запретами. Это может иметь как сдерживающий эффект в ситуации выбора линии поведения в будущей службе, так и дополнительное юридическое значение для привлечения к ответственности в случае коррупционных нарушений в период службы. Полная осведомленность обеспечивает и полную ответственность, а также большую уверенность в неотвратимости наказания недобросовестных сотрудников в случае их проникновения в ряды органов внутренних дел. Вариант листа ознакомления с антикоррупционными ограничениями, запретами и обязанностями представлен в приложении 1 к настоящему методическим рекомендациям.

Субъектами антикоррупционного просвещения на данном этапе являются сотрудники кадровых подразделений и руководители, проводящие беседу.

На *втором этапе (вступительном)* происходит работа с абитуриентами и стажерами. Уделим внимание каждой категории объектов антикоррупционного просвещения на вступительном этапе.

Работа с абитуриентами осуществляется на абитуриентских сборах в образовательных организациях МВД России. В работе с ними, на наш взгляд, эффективна организация специальных обучающих мероприятий, посвященных алгоритму выполнения конкретных ограничений, запретов и обязанностей, а также ответственности за их невыполнение. В образовательных организациях это могут быть ознакомительные лекции, демонстрация короткометражных ознакомительных фильмов, которые помогут абитуриенту сделать осознанный выбор профессии, осознать статус полицейского и наличие у него кроме властных полномочий еще и высокого уровня ответственности, а также большого числа ограничений, связанных со службой в органах внутренних дел.

«Во время испытания стажер выполняет обязанности и пользуется правами в соответствии с замещаемой должностью в органах внутренних дел и условиями трудового договора»⁷. Гражданин в период испытания практически полностью погружается в службу и может при сопровождении наставника и руководителя в какой-то степени оценить значение введенных государством антикоррупционных мер, наблюдая коррупционно опасные ситуации своими глазами и получая опыт поведения в них, работая с наставником. На ста-

⁶ Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В Собрание законодательства Рос. Федерации. 2011. № 49 (5 дек.), ч. I–V. – Ст. 7020.

⁷ Статья 24 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 2011 г. № 49 (часть I) ст. 7020.

дии испытания наиболее эффективными могут стать специальные обучающие мероприятия для стажеров, организованные подразделением по профилактике коррупционных и иных правонарушений, посвященные алгоритму выполнения конкретных ограничений, запретов и обязанностей, а также ответственности за их невыполнение. Кроме того, введение обязательного требования о включении в задание для индивидуального обучения стажера не просто перечня нормативных правовых актов, относящихся к антикоррупционному законодательству, а алгоритмов их выполнения позволит зафиксировать обязательность их изучения и поможет стажеру освоить сложно сформулированное антикоррупционное законодательство с помощью наставника, руководителя и подразделения по профилактике коррупционных и иных правонарушений.

”

Осмысленное изучение абитуриентом и стажером законодательства, касающегося требований к сотруднику в период прохождения службы, позволяет сократить нежелательный отток кадров после длительного оформления на службу и финансовые затраты МВД России на обучение и профессиональное становление сотрудника

“

Данный подход будет полностью отвечать задачам индивидуального обучения стажера, в частности, пункту 48.2 приказа МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50⁸, в котором закреплено, что в период индивидуального обучения обеспечивается «формирование первичных знаний и умений, необходимых для дальнейшего профессионального обучения по программе профессиональной подготовки по должности служащего «Полицейский»».

Субъектами антикоррупционного просвещения на втором этапе комплексного подхода являются:

– для абитуриентов в образовательной организации МВД России – научно-педагогические работники, привлекаемые к работе с абитуриентами, руководящий состав факультетов, сотрудники под-

разделения по профилактике коррупционных и иных правонарушений;

– для стажеров в территориальном органе МВД России – руководящий состав, наставники, сотрудники подразделений по профилактике коррупционных и иных правонарушений.

Осмысленное изучение абитуриентом и стажером законодательства, касающегося требований к сотруднику в период прохождения службы, позволяет сократить нежелательный отток кадров после длительного оформления на службу и финансовые затраты МВД России на обучение и профессиональное становление сотрудника.

Преимуществом между индивидуальным обучением в период испытания и профессиональным обучением в центре профессиональной подготовки поможет интенсифицировать освоение норм сложного антикоррупционного законодательства неопытным сотрудником на третьем этапе комплексного подхода к формированию антикоррупционного поведения сотрудников ОВД.

Третий этап (основной) охватывает весь период службы в органах внутренних дел. Объектом антикоррупционного просвещения на данном этапе являются все сотрудники, проходящие службу в органах внутренних дел. При этом среди них стоит выделить неопытных сотрудников, а также обучающихся образовательных организаций, которые также являются неопытными сотрудниками. Их антикоррупционное просвещение будет строиться по-разному, исходя из того, что обучающиеся ежедневно находятся в учебном процессе и его необходимо использовать для фундаментальной закладки знаний о профилактике коррупционных и иных правонарушений, о борьбе с коррупцией. С этой целью учебные планы необходимо разработать на весь период обучения таким образом, чтобы охватить все аспекты формирования антикоррупционного поведения. Некоторые рекомендации по планированию учебного процесса в образовательных организациях, позволяющему оптимально его использовать для освоения знаний в области профилактики коррупции, даются в статье «Комплексный подход к формированию антикоррупционного поведения сотрудников ОВД в системе повышения квалификации» (Миронкина, 2020). Субъектами антикоррупционного просвещения для обучающихся являются научно-педагогические работники, руководители и сотрудники по работе с личным составом факультетов. К разработке перечня тем, обязательных для внедрения в учебный процесс, предоставлению актуальных статистических данных и обзоров должны быть привлечены и подразделения по профилактике коррупционных и иных

⁸ Приказ МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50 «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации». Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 23.03.2018.

правонарушений. Эффективность формирования антикоррупционного стандарта поведения в процессе обучения обеспечит совместная непрерывная работа всех указанных субъектов антикоррупционного просвещения.

Уделим большее внимание антикоррупционному просвещению сотрудников в территориальных органах МВД России и организациях, в том числе сотрудников из числа постоянного состава образовательных организаций МВД России.

Третий этап комплексного подхода является длящимся. Его содержание может меняться по необходимости, в соответствии с конкретными ситуациями, условиями и спецификой службы.

В территориальном органе МВД России (также как с постоянным составом образовательных организаций МВД России) антикоррупционное просвещение традиционно осуществляется в следующих формах:

- лекции на занятиях по служебной подготовке, морально-психологической подготовке (со служебными коллективами и с кадровым резервом);

- научные семинары, круглые столы или конференции (и другие виды научно-практических мероприятий) по антикоррупционной проблематике с привлечением специалистов в данной области;

- индивидуальные беседы руководителей с подчиненными;

- просветительские беседы и консультации сотрудников подразделений по работе с личным составом и непосредственно подразделений по профилактике коррупционных и иных правонарушений;

- беседы и консультации наставника;

- мероприятия с участием специалистов в области профилактики и борьбы с коррупцией из других правоохранительных органов и ведомств, участников рабочих групп по совершенствованию антикоррупционного законодательства и членов комиссий по конфликту интересов, по антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и т. п.;

- совещания, в том числе межведомственные, по выработке единообразного применения законодательства;

- размещение стендовой информации;

- ведение антикоррупционных разделов официальных интернет-сайтов органа, организации подразделения МВД России.

Средствами антикоррупционного просвещения на третьем этапе комплексного подхода могут быть:

- информационные листы;

- учебные фильмы;

- локальное телевидение;

- информационные стенды;

- официальные интернет-сайты;

- плакаты;

- памятки;

- буклеты;

- другие средства.

Данный список не является завершенным, а лишь приводит примеры возможных средств антикоррупционного просвещения.

На третьем этапе комплексного подхода необходимо обеспечить разностороннее и глубокое изучение тем, связанных:

- 1) с понятием личной заинтересованности, приводящей к конфликту интересов, и подробным разъяснением данной дефиниции, уделяя внимание тому, что вся разработанная государством система ограничений, запретов и обязанностей не позволяет развиваться ситуациям конфликта интересов;

- 2) алгоритмами исполнения антикоррупционных ограничений, запретов и обязанностей;

- 3) разъяснением ответственности за их неисполнение и особенностей наложения взысканий за коррупционные правонарушения дисциплинарного характера, уделяя внимание:

- срокам наложения взыскания – не позднее шести месяцев со дня поступления информации о совершении сотрудником органов внутренних дел коррупционного правонарушения и не позднее трех лет со дня совершения им коррупционного правонарушения;

- понятию малозначительности совершенного им коррупционного правонарушения, используя рекомендации Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации⁹, наделенного Указом Президента Российской Федерации «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона “О противодействии коррупции”» обязанностью оказания консультативной и методической помощи в реализации требований федеральных законов, нормативных правовых актов Президента и Правительства Российской Федерации о противодействии коррупции, а также уполномоченного издавать методические рекомендации и другие инструктивно-методические материалы по данным вопросам;

- ответственности руководителя в соответствии со ст. 82.1 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»;

- 4) особенностями проведения проверки достоверности и полноты сведений, представляемых граждана-

⁹ Письмо Минтруда России от 21.03.2016 № 18-2/10/П-1526 «О критериях привлечения к ответственности за коррупционные правонарушения» (вместе с «Обзором практики привлечения к ответственности государственных (муниципальных) служащих за несоблюдение ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции»).

ми и сотрудниками, проверки соблюдения требований к служебному поведению и их отличиями от служебной проверки, уделяя внимание:

– сроку проведения проверки (до 90 дней, в отличие от служебной проверки);

– полномочиям кадровых служб, касающимся направления запросов:

а) в уполномоченные оперативно-розыскные подразделения на проведение мероприятий, предусмотренных ч. 3 ст. 7 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», которые могут проводиться в том числе путем взаимодействия в установленном порядке с правоохранительными органами и специальными службами иностранных государств;

”

Особое значение имеют короткометражные учебные фильмы, иллюстрирующие коррупционно опасную ситуацию, законное и незаконное поведение сотрудника, ситуацию морального выбора сотрудника ОВД. Обязательным условием эффективности таких фильмов является включение в них разъяснений законодательства, в том числе об ответственности за коррупционное нарушение, фигурирующее в сюжете фильма

“

б) кредитные организации;

в) налоговые органы Российской Федерации;

г) органы, осуществляющие государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним;

д) операторам информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов.

5) с особенностями действия банковской тайны в соответствии со ст. 26 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности»;

б) противодействием коррупции и антикоррупционными задачами уполномоченных органов и подразделений.

При реализации любых мероприятий рассматриваемого этапа комплексного подхода необходимо пом-

нить о том, что многие термины и процедуры, хорошо знакомые сотрудникам подразделений по профилактике коррупционных и иных правонарушений и лицам, осуществляющим работу в этом направлении, составляют затруднения для восприятия другими сотрудниками. Особенности юридической техники, примененной при создании норм антикоррупционного законодательства, вызывают немалые затруднения как для впервые их осваивающих, так и для многих более опытных в данной области сотрудников, о чем говорят проведенные в 2017–2021 гг. исследования (Миронкина, 2021). В связи с этим необходимо продумывать применяемые в процессе обучения и разработки занятий (как в системе служебной подготовки, так и в системе профессиональной подготовки) педагогические методы, которые позволили бы нивелировать сложности, вызванные этой особенностью.

Так, порядок действий при исполнении конкретных антикоррупционных ограничений, запретов и обязанностей поможет быстро освоить метод алгоритмов. Все алгоритмы могут быть включены в краткие и понятные брошюры (возможно карманного варианта), обеспечивающие наглядность изучаемого материала. Пример такой брошюры содержится в приложении № 1. Ее разделы могут быть также использованы в процессе подготовки материалов для информационных стендов или презентаций, других методических материалов для проведения занятий.

Изучить дефиницию личной заинтересованности, приводящей к конфликту интересов, позволяет метод упрощения и структурирования (Миронкина, 2019), с применением наглядной схемы и разъяснением основных понятий.

Особое значение имеют короткометражные учебные фильмы, иллюстрирующие коррупционно опасную ситуацию, законное и незаконное поведение сотрудника, ситуацию морального выбора сотрудника ОВД. Обязательным условием эффективности таких фильмов является включение в них разъяснений законодательства, в том числе об ответственности за коррупционное нарушение, фигурирующее в сюжете фильма. Примером может служить фильм, размещенный на официальном сайте Санкт-Петербургского университета МВД России¹⁰.

В связи с тем, что учебный материал для занятий весьма обширен, оказать помощь сотрудникам подразделений по профилактике коррупционных и иных правонарушений, руководителям, наставникам, а также преподавателям центров профессиональной подготовки, являющимся субъектами антикоррупционного просвещения, на третьем этапе комплексного подхода, могут учебные пособия «Организация работы по про-

¹⁰ <https://университет.мвд.пф/Контакты/Press-sluzhba/Mediagalereya/Videoarhiv/item/18397860/>

филаксии коррупционных и иных правонарушений в органах внутренних дел»¹¹ и «Предупреждение коррупции в органах внутренних дел и формирование антикоррупционного поведения сотрудников и работников органов внутренних дел»¹², размещенные на сайте Научной электронной библиотеки elibrary.ru.

Важную роль могут сыграть не только российские, но и зарубежные труды, показывающие схожесть проблематики в полицейских органах разных стран в области профилактики коррупции, и принимаемые меры по минимизации коррупции. Одним из исследователей полицейской коррупции является Дэнни Сингх. Его исследование охватывает большое количество стран и позволяет оценить их опыт в профилактике коррупции в полиции с учетом выявленных причин (Singh, 2022). Интересным представляется работа Исмо Лумиярви и Лейлы Вестеринен, которые получили обратную связь от полицейских Финляндии по ситуациям, связанным с этическими и неэтическими проявлениями в поведении их коллег и руководителей на местах службы (Lumijärvi & Vesterinen, 2022). Выявлены основные формы неэтичного поведения в полиции. При этом они рассматриваются в двух формах:

- 1) поведенческие проблемы, возникающие из-за того, что государственный служащий или полицейский не знает, что такое правильное или неправильное поведение в коррупционно опасной ситуации;
- 2) проблемы, которые возникают в форме правонарушения, хотя государственный служащий или полицейский очень хорошо знает, как должен себя вести в коррупционно опасной ситуации.

Авторы исследовали не только наличие конкретных негативных проявлений этического поведения полицейских в служебных коллективах и их распространенность, но и ценности полицейских, а также понимание респондентами этих ценностей, их реализацию, какие из ценностей находятся «под угрозой», изучали необходимость их переосмысления.

Положительный опыт измерения честности полиции может быть успешно использован для собственных исследований субъектами профилактики коррупции. Результаты исследований дадут конкретные ориентиры в целенаправленной работе со служебными коллективами в профилактической и воспитательной работе.

Измерением честности полиции в разных странах занимались такие исследователи, как Карл Б. Клоккарс, Саня Кутняк Ивкович, Луиза Э. Портер и Селия Уоррендер, Тапфуйва Джеймс Катсинде, Джеймс Альбрехт

и др. (Klockars, Kutnjak Ivkovic, & Haberfeld, 2006, 2007; Kutnjak Ivkovic, Klockars, Cajner Mraović, & Ivanušec, 2010; Porter & Warrender, 2009; Katsinde, 2021; Albrecht, 2017).

Проведение таких исследований не требует дополнительных финансовых ресурсов и может быть осуществлено на местах. Ценность же таких исследований в том, что антикоррупционная работа в служебных коллективах может иметь точечный или узконаправленный характер.

Задача на третьем (основном) этапе – сформировать необходимую компетентность сотрудников и достичь антикоррупционного комплаенса.

На последнем (заключительном) этапе необходимо осуществлять антикоррупционное просвещение с сотрудниками, увольняемыми со службы в ОВД, выступающими в качестве объекта антикоррупционного просвещения на данном этапе. В рамках реализации этапа требуется подробное разъяснение ст. 12 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», действие которой распространяется на граждан, уволенных со службы в органах внутренних дел, в течение двух лет после увольнения.

Субъектами антикоррупционного просвещения на этом этапе являются сотрудники кадровых подразделений, проводящие процедуру увольнения сотрудника.

Несмотря на давно введенную практику включения информации об ознакомлении увольняющегося сотрудника органов внутренних дел с указанной статьей в лист беседы, имеется большое количество нарушений ее требований. Многие увольняющиеся сотрудники не осознают серьезности предъявляемых требований, а также считают, что после увольнения на них не могут распространяться никакие требования, связанные со службой в органах внутренних дел.

Повысить эффективность антикоррупционного просвещения на четвертом этапе и снизить количество данных коррупционных правонарушений может помочь включение краткого структурированного разъяснения сущности требований ст. 12 Федерального закона «О противодействии коррупции» в лист беседы, а также выдача на руки увольняющемуся сотруднику органов внутренних дел памятки (приложение № 2).

Памятка, выдаваемая вместе с документами об увольнении, окажет методическую помощь уволенному, напомним об обязанностях и ответственности. Сотрудники кадровых подразделений могут заимствовать из нее формулировки, необходимые для включе-

¹¹ Миронкина, О. Н., Стебенева, Е. В. (2018). *Организация работы по профилактике коррупционных и иных правонарушений в органах внутренних дел*: учебное пособие. Санкт-Петербургский университет МВД России. EDN RSYHCK.

¹² Клишков, В. Б., Стебенева, Е. В., Косолапов, А. Д. (2018). *Предупреждение коррупции в органах внутренних дел и формирование антикоррупционного поведения сотрудников и работников органов внутренних дел*: учебное пособие. Санкт-Петербургский университет МВД России. ISBN 978-5-91837-086-5. EDN UXXCII.

ния в лист беседы. Лист беседы – важный юридический документ, часто играющий значительную роль для принятия решения судом в разрешении трудовых споров. В листе беседы увольняемый ставит свою подпись, а значит, подтверждает свою осведомленность в тех вопросах, которые отражены в документе. Это позволит уйти от формального подхода в антикоррупционном просвещении на четвертом этапе.

На данном этапе для сотрудника важна следующая информация:

- в чем конкретно состоит его обязанность (в подаче уведомления о намерении трудоустроиться);
- на предупреждение каких коррупционных рисков направлено данное ограничение – недопущение конфликта интересов;
- о сроке действия ограничений;
- о порядке подачи заявления в комиссию по конфликту интересов;
- о сроке рассмотрения заявления;
- о юридических последствиях для работодателя и гражданина, не выполнивших требования ст. 12 Федерального закона «О противодействии коррупции» (в соответствии со ст. 19.29 КоАП РФ – административный штраф: организациям – 100–500 тыс. руб. и предписание прокуратуры – уволить работника, не выполнившего антикоррупционные требования; гражданам – 2–4 тыс. руб.; должностным лицам – 20–50 тыс. руб.).

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что описанная технология комплексного подхода к формированию антикоррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации может сопровождать сотрудника на протяжении всей службы, а также граждан на стадии принятия решения о поступлении на службу в органы внутренних дел и в течение двух лет после увольнения со службы.

Она позволяет качественно спланировать мероприятия по антикоррупционному просвещению, и получить необходимый эффект повышения коррупционной устойчивости личного состава всех уровней.

При планировании антикоррупционного просвещения необходимо учитывать следующее:

- наиболее вероятные коррупционные риски в конкретном органе, организации или подразделении, в том числе с учетом особенностей выполняемых задач;

- направленность антикоррупционного просвещения и определение необходимой периодичности;

- достижение сбалансированности психологического воздействия на личный состав доводимой информации по содержанию в целях исключения возможности формирования негативного образа сотрудника органов внутренних дел (по принципу: «ему можно, а мне нельзя?»);

- своевременность планируемых мероприятий (например, информирование об особенностях декларационной кампании и заполнения справок о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера до 31 декабря, с учетом отчетного периода и наличия у сотрудников права, а в некоторых случаях необходимости подачи сведений в ранние сроки);

- загруженность в конкретный период времени подразделения, отвечающего за подготовку антикоррупционного просвещения (необходимо обеспечить лицам, ответственным за антикоррупционное просвещение, возможность подготовки качественных материалов);

- разнонаправленность доводимой информации на каждом из занятий.

Стоит разносить во времени просвещение, обучение и декларационную кампанию.

Антикоррупционное просвещение, применяемое с помощью технологии комплексного подхода к формированию антикоррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел, приобретает характер превентивной меры. Заблаговременная поэтапная работа с объектами антикоррупционного просвещения – эффективный инструмент для повышения коррупционной устойчивости личного состава любого органа внутренних дел или организации.

Таким образом, в статье решена задача раскрытия понятия антикоррупционного просвещения, проанализирована нормативная правовая основа антикоррупционного стандарта поведения сотрудников ОВД, разработаны методические материалы реализации комплексных путей по формированию антикоррупционного поведения, позволяющие использовать разнообразные формы подготовки коррупционно устойчивых кадров.

Список литературы

- Ванновская, О. В. (2009). Личностные детерминанты коррупционного поведения. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*, 102, 323–328. EDN KHNTHD.
- Вихрян, А. П., Федоров, М. В. (2020). Антикоррупционное просвещение как фактор обеспечения социальной безопасности. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, 20(4), 967–976. EDN BVGFHE. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-4-967-976>
- Головкин, М. В., Плотников, В. А. (2019). Неэкономические факторы экономической безопасности. Национальные интересы: приоритеты и безопасность, 15(1), 35–52. <https://doi.org/10.24891/ni.15.1.35>. EDN BVACFX.
- Гурьянова, В. В. (2013). Сущность понятия «девиантное юридически значимое поведение» и его соотношение с понятием «девиантное поведение». *Бизнес в законе*, 6, 41–44. EDN RSBWND.

- Кабанов, П. А. (2014). Антикоррупционное просвещение как средство противодействия коррупции: понятие и содержание. *Актуальные проблемы экономики и права*, 4, 42–51. EDN TAGMUH.
- Миронкина, О. Н. (2020). Комплексный подход к формированию антикоррупционного поведения сотрудников ОВД в системе повышения квалификации. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 3(87), 210–217. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2020-3-210-217>. EDN DSIDMW.
- Миронкина, О. Н. (2021). Интенсификация обучения сотрудников кадровых подразделений территориальных органов МВД России в системе повышения квалификации: дис. ... канд. пед. наук. Санкт-Петербург.
- Миронкина, О. Н. (2019). Методика освоения норм антикоррупционного законодательства в системе повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел. *Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта*, 3(169), 210–216. EDN ZBOWRV.
- Миронова, Г. Н. (2019). *Уголовная ответственность за мелкий коммерческий подкуп (ст. 204.2 УК РФ)*: дис. ... канд. юрид. наук. Омск. EDN BFBGKD.
- Михайлюк, В. А. (2017). *Коррупционное поведение как особая форма девиации сотрудников органов внутренних дел: социокультурный анализ*: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Майкоп.
- Мухаев, Р. Т. (2022). Политика противодействия коррупции в России в контексте новых реалий: актуальные проблемы теории и практики. *Знание. Понимание. Умение*, 2, 211–228. <https://doi.org/10.17805/zpu.2022.2.15>. EDN IRQUZT.
- Николаев, А. В. (2012). Коррупционная зависимость представителей правоохранительной сферы как вид социальной аддикции. *Дискуссия*, 3(21), 25–30.
- Поляков, М. М., Мигачев, Ю. И. (2020). Антикоррупционное просвещение и пропаганда в сфере высшего образования Российской Федерации. *Актуальные проблемы российского права*, 15(12), 65–72. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.12.12.065-072>. EDN JWTAHR.
- Помаз, Г. С. (2015). Коррупционное поведение сотрудников органов внутренних дел как разновидность девиантного поведения. *Философия права*, 2(69), 65–69. EDN UACNSV.
- Решетников, М. М. (2022). *Психология коррупции. Утопия и антиутопия*: монография (2-е изд.). Москва: Юрайт. ISBN 978-5-534-09868-6.
- Сидоренко, Э. Л. (2017). Современные криминологические тенденции бытовой коррупции в России. *Общество и право*, 2(60), 90–95. EDN YPSQTR.
- Хайрутдинова, Л. Р. (2015). Антикоррупционное просвещение: понятие, цели и значение. *Гуманитарные научные исследования*, 1–1(41), 106–109. EDN TMLFRP.
- Янович, Т. Л. (2019). Механизм воспроизводства коррупции в современной России. В *Современные подходы к противодействию коррупции: тренды и перспективы: сборник тезисов докладов и статей Всероссийской научной конференции с зарубежным участием (г. Москва, 21 ноября 2019 года, том II, стр. 216–219)*. Москва: Издательский Дом “Третьяков”. EDN DPWGVR.
- Albrecht, James F. (2017). Understanding Police Deviance. In *Police Brutality, Misconduct, and Corruption* (pp. 3–8). https://doi.org/10.1007/978-3-319-64438-7_2
- Katsinde, Tafuiwa J. (2021). International Journal of Peace and Development Studies Police officers' perceptions about corruption in Zimbabwe: A case of police officers at a University. *International Journal of Peace and Development Studies*, 12(1), 11–22. <https://doi.org/10.5897/IJPDS2020.0385>
- Klockars, Carl B., Kutnjak Ivkovic, S., & Haberfeld, M. R. (2006). The Idea of Police Integrity. In *Enhancing Police Integrity* (pp. 1–11). https://doi.org/10.1007/0-387-36956-2_1
- Klockars, Carl B., Kutnjak Ivkovic, S., & Haberfeld, M. R. (2007). *Enhancing Police Integrity*. <https://doi.org/10.1007/0-387-36956-2>
- Kutnjak Ivkovic, S., Klockars, Carl B., & Cajner-Mraović, I., & Ivanušec, D. (2010). Controlling Police Corruption: The Croatian Perspective. *Police Practice and Research: An International Journal*. 3(1), 55–72. <https://doi.org/10.1080/15614260290011336>
- Liu, Ting-An-Xu, Juang, Wen-Jong, & Yu, Chilik (2022). Understanding Corruption with Perceived Corruption: The Understudied Effect of Corruption Tolerance. *Public Integrity*, 1-13. <https://doi.org/10.1080/10999922.2022.2029095>
- Lumijärvi, I., & Vesterinen, L. (2022). *Documented Values as Means in Enhancing the Integrity of Civil Servants -A Case Study of Finnish Local Police Units*. IAS Conference 2006, Monterrey, Mexico.
- Porter, L., & Warrender, C. (2009). A multivariate model of police deviance: Examining the nature of corruption, crime and misconduct. *Policing and Society*, 19(1), 79–99. <https://doi.org/10.1080/10439460802457719>
- Singh, D. (2022). The Causes of Police Corruption and Working towards Prevention in Conflict-Stricken States. *Laws*, 11(5), 69. <https://doi.org/10.3390/laws11050069>

References

- Vannovskaya, O. V. (2009). Lichnostnye determinanty korrupcionnogo povedeniya. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena*, 102, 323–328. EDN KHNTHD.
- Vihryan, A. P., Fedorov, M. V. (2020). Antikorrupcionnoe prosveshchenie kak faktor obespecheniya social'noj bezopasnosti. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sociologiya*, 20(4), 967–976. EDN BVGHFE. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-4-967-976>
- Golovko, M. V., Plotnikov, V. A. (2019). Neekonomicheskie faktory ekonomicheskoy bezopasnosti. *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'*, 15(1), 35–52. <https://doi.org/10.24891/ni.15.1.35>. EDN BVACFX.
- Gur'yanova, V. V. (2013). Sushchnost' ponyatiya «deviantnoe yuridicheski znachimoe povedenie» i ego sootnoshenie s ponyatiem «deviantnoe povedenie». *Biznes v zakone*, 6, 41–44. EDN RSBWND.
- Kabanov, P. A. (2014). Antikorrupcionnoe prosveshchenie kak sredstvo protivodejstviya korrupcii: ponyatie i sodержanie. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 4, 42–51. EDN TAGMUH.
- Mironkina, O. N. (2020). Kompleksnyj podhod k formirovaniyu antikorrupcionnogo povedeniya sotrudnikov OVD v sisteme povysheniya kvalifikacii. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 3(87), 210–217. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2020-3-210-217>. EDN DSIDMW.
- Mironkina, O. N. (2021). *Intensifikaciya obucheniya sotrudnikov kadrovyh podrazdelenij territorial'nyh organov MVD Rossii v sisteme povysheniya kvalifikacii*: dis. ... kand. ped. nauk. Sankt-Peterburg.
- Mironkina, O. N. (2019). Metodika osvoeniya norm antikorrupcionnogo zakonodatel'stva v sisteme povysheniya kvalifikacii sotrudnikov organov vnutrennih del. *Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta*, 3(169), 210–216. EDN ZBOWRV.
- Mironova, G. N. (2019). *Ugolovnaya otvetstvennost' za melkij kommercheskij podkup (st. 204.2 UK RF)*: dis. ... kand. yurid. nauk. Omsk. EDN BFBGKD.
- Mihajlyuk, V. A. (2017). *Korrupcionnoe povedenie kak osobaya forma deviacii sotrudnikov organov vnutrennih del: socio-kul'turnyj analiz*: avtoref. dis. ... kand. soc. nauk. Majkop.
- Muhaev, R. T. (2022). Politika protivodejstviya korrupcii v Rossii v kontekste novyh realij: aktual'nye problemy teorii i praktiki. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2, 211–228. <https://doi.org/10.17805/zpu.2022.2.15>. EDN IRQUZT.
- Nikolaev, A. V. (2012). Korrupcionnaya zavisimost' predstavitelej pravoohranitel'noj sfery kak vid social'noj addicicii. *Di-skussiya*, 3(21), 25–30.
- Polyakov, M. M., Migachev, Yu. I. (2020). Antikorrupcionnoe prosveshchenie i propaganda v sfere vysshego obrazovaniya Rossijskoj Federacii. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*, 15(12), 65–72. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.121.12.065-072>. EDN JWTAXR.
- Pomaz, G. S. (2015). Korrupcionnoe povedenie sotrudnikov organov vnutrennih del kak raznovidnost' deviantnogo povedeniya. *Filosofiya prava*, 2(69), 65–69. EDN UACNSV.
- Reshetnikov, M. M. (2022). *Psihologiya korrupcii. Utopiya i antiutopiya: monografiya (2-e izd.)*. Moskva: Yurajt. ISBN 978-5-534-09868-6.
- Sidorenko, E. L. (2017). Sovremennye kriminologicheskie tendencii bytovoj korrupcii v Rossii. *Obshchestvo i pravo*, 2(60), 90–95. EDN YPSQTR.
- Hajrutdinova, L. R. (2015). Antikorrupcionnoe prosveshchenie: ponyatie, celi i znachenie. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*, 1-1(41), 106–109. EDN TMLFRP.
- Yanovich, T. L. (2019). Mekhanizm vosпроизводства korrupcii v sovremennoj Rossii. V *Sovremennye podhody k protivodejstviyu korrupcii: trendy i perspektivy*: sbornik tezisov dokladov i statej Vserossijskoj nauchnoj konferencii s zarubezhnym uchastiem (g. Moskva, 21 noyabrya 2019 goda, tom II, str. 216–219). Moskva: Izdatel'skij Dom "Tret'yakov". EDN DPWGVR.
- Albrecht, James F. (2017). Understanding Police Deviance. In *Police Brutality, Misconduct, and Corruption* (pp. 3–8). https://doi.org/10.1007/978-3-319-64438-7_2
- Katsinde, Tapfuiwa J. (2021). International Journal of Peace and Development Studies Police officers' perceptions about corruption in Zimbabwe: A case of police officers at a University. *International Journal of Peace and Development Studies*, 12(1), 11–22. <https://doi.org/10.5897/IJPDS2020.0385>
- Klockars, Carl B., Kutnjak Ivkovic, S., & Haberfeld, M. R. (2006). The Idea of Police Integrity. In *Enhancing Police Integrity* (pp. 1–11). https://doi.org/10.1007/0-387-36956-2_1
- Klockars, Carl B., Kutnjak Ivkovic, S., & Haberfeld, M. R. (2007). *Enhancing Police Integrity*. <https://doi.org/10.1007/0-387-36956-2>
- Kutnjak Ivkovic, S., Klockars, Carl B., & Cajner-Mraović, I., & Ivanušec, D. (2010). Controlling Police Corruption: The Croatian Perspective. *Police Practice and Research: An International Journal*. 3(1), 55–72. <https://doi.org/10.1080/15614260290011336>

- Liu, Ting-An-Xu, Juang, Wen-Jong, & Yu, Chilik (2022). Understanding Corruption with Perceived Corruption: The Understudied Effect of Corruption Tolerance. *Public Integrity*, 1–13. <https://doi.org/10.1080/10999922.2022.2029095>
- Lumijärvi, I., & Vesterinen, L. (2022). *Documented Values as Means in Enhancing the Integrity of Civil Servants -A Case Study of Finnish Local Police Units*. IAS Conference 2006, Monterrey, Mexico.
- Porter, L., & Warrender, C. (2009). A multivariate model of police deviance: Examining the nature of corruption, crime and misconduct. *Policing and Society*, 19(1), 79–99. <https://doi.org/10.1080/10439460802457719>
- Singh, D. (2022). The Causes of Police Corruption and Working towards Prevention in Conflict-Stricken States. *Laws*, 11(5), 69. <https://doi.org/10.3390/laws11050069>

Информация об авторе:

Оксана Николаевна Миронкина – кандидат педагогических наук, начальник адъюнктуры.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 17.11.2022

Одобрена после рецензирования 18.12.2022

Опубликована 29.12.2022

About the author:

Oksana N. Mironkina – Cand. Sci. (Ped.), Head of the Adjunct Department.

The author declare no conflicts of interests.

Submitted November 17, 2022

Approved after reviewing December 18, 2022

Accepted December 29, 2022

Брошюра

Алгоритм выполнения антикоррупционных ограничений, запретов и обязанностей

Санкт-Петербург

2022

Служба в органах внутренних дел является особым видом государственной службы, направлена на реализацию публичных интересов, что предопределяет наличие у сотрудников, проходящих службу в этих органах, специального правового статуса, обусловленного выполнением конституционно значимых функций по обеспечению правопорядка и общественной безопасности.

Законодатель, определяя статус сотрудников, проходящих службу в органах внутренних дел, вправе устанавливать для этой категории граждан особые требования, в том числе к их личным и деловым качествам, и особые обязанности, обусловленные задачами, принципами организации и функционирования органов внутренних дел, а также специфическим характером деятельности указанных лиц.

Поступая на службу в органы внутренних дел, гражданин **добровольно** возлагает на себя обязанность соответствовать указанным требованиям и добросовестно исполнять свои обязанности¹.

Система антикоррупционных ограничений, запретов и обязанностей

ОБЯЗАННОСТИ
сообщать непосредственному руководителю (начальнику) о возникновении личной заинтересованности, которая может привести к возникновению конфликта интересов при выполнении служебных обязанностей, и принимать меры по предотвращению такого конфликта
представлять сведения доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера
сообщить непосредственному руководителю (начальнику) о подаче заявления о выходе из гражданства Российской Федерации в день подачи заявления, о выходе из гражданства Российской Федерации или о приобретении гражданства (подданства) иностранного государства в день выхода из гражданства Российской Федерации или в день приобретения гражданства (подданства) иностранного государства
уведомлять, о каждом случае обращения каких-либо лиц в целях склонения к совершению коррупционного правонарушения
уведомлять об иной оплачиваемой работе
передавать ценные бумаги (доли участия, паи в уставных (складочных) капиталах организаций) в доверительное управление в целях предотвращения конфликта интересов
ОГРАНИЧЕНИЯ
заниматься без письменного разрешения руководителя ОВД оплачиваемой деятельностью, финансируемой исключительно за счет средств иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства
гражданин, который перед увольнением из органов внутренних дел замещал должность, включенную в перечень, утвержденный приказом МВД России от 16 декабря 2016 г. № 848, в течение двух лет после увольнения со службы (работы) имеет право замещать на условиях трудового договора должности в организации и (или) выполнять в данной организации работы (оказывать данной организации услуги) в течение месяца стоимостью более 100 тыс. руб. на условиях гражданско-правового договора (гражданско-правовых договоров), если отдельные функции государственного (административного) управления данной организацией входили в его должностные (служебные) обязанности, с согласия соответствующей комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных служащих (работников) и урегулированию конфликта интересов
ЗАПРЕТЫ
отдельным категориям сотрудников открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами
на участие на платной основе в деятельности органа управления коммерческой организации, за исключением случаев, установленных федеральным законом

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июня 1995 г. № 7-П, определения от 21 декабря 2004 г. № 460-О и от 16 апреля 2009 г. № 566-О-О.

заниматься предпринимательской деятельностью лично или через доверенных лиц, участвовать в управлении коммерческой организацией или в управлении некоммерческой организацией (за исключением участия в управлении политической партией; участия в съезде (конференции) или общем собрании иной общественной организации, жилищного, жилищно-строительного, гаражного кооперативов, садоводческого, огороднического, дачного потребительских кооперативов, товарищества собственников недвижимости; участия на безвозмездной основе в управлении указанными некоммерческими организациями (кроме политической партии) в качестве единоличного исполнительного органа или вхождения в состав их коллегиальных органов управления с разрешения представителя нанимателя в порядке, установленном нормативным правовым актом государственного органа), кроме случаев, предусмотренных федеральными законами, и случаев, если участие в управлении организацией осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации от имени государственного органа
состоять в политических партиях, материально поддерживать политические партии и принимать участие в их деятельности. При осуществлении служебной деятельности сотрудник не должен быть связан решениями политических партий, иных общественных объединений и религиозных организаций
на осуществление лицом предпринимательской деятельности
принимать без письменного разрешения руководителя ОВД (или его подразделения) награды, почетные и специальные звания (за исключением научных) иностранных государств, международных организаций, а также политических партий, других общественных объединений и религиозных объединений, если в должностные обязанности сотрудника входит взаимодействие с указанными организациями и объединениями
выезжать в связи с исполнением должностных обязанностей за пределы территории Российской Федерации за счет средств физических и юридических лиц, за исключением служебных командировок, осуществляемых в соответствии с законодательством Российской Федерации, по договоренности государственных органов РФ и ее субъектов с государственными органами иностранных государств, международными или иностранными организациями
получать в связи с исполнением должностных обязанностей вознаграждения от физических и юридических лиц (подарки, денежное вознаграждение, ссуды, услуги, оплату развлечений, отдыха, транспортных расходов и иные вознаграждения). Подарки, полученные в связи с протокольными мероприятиями, со служебными командировками и с другими официальными мероприятиями, признаются соответственно федеральной собственностью и собственностью субъекта Российской Федерации и передаются по акту в государственный орган, в котором сотрудник (ФГГС, работник) замещает должность
приобретать в случаях, установленных федеральным законом, ценные бумаги, по которым может быть получен доход

Правовая основа антикоррупционных ограничений, запретов и обязанностей

- Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»
- Статьи 12, 13, 14 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»
- Статьи 17, 18, 20 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», действие которых распространено на сотрудников ОВД статьей 14 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»
- Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих, одобренный решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. (протокол № 21)
- Указ Президента Российской Федерации от 12 августа 2002 г. № 885 «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих»

Ответственность за невыполнение установленных антикоррупционных ограничений, запретов и обязанностей

Увольнение в связи с утратой доверия

Статья 82.1 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Конфликт интересов – это ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) должностного лица влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных обязанностей.

Личная заинтересованность – это возможность получения каких-либо выгод или преимуществ.

Кем?

1. должностным лицом;
2. состоящими с ним в близком родстве или свойстве лицами;
3. гражданами или организациями.

Какими гражданами или организациями?

1. С которыми должностное лицо, связано имущественными, корпоративными или иными близкими отношениями.
2. С которыми лица, состоящие с должностным лицом в близком родстве или свойстве, связаны имущественными, корпоративными или иными близкими отношениями.

Родственники:

- один человек произошел от другого;
- у разных людей общий предок;
- люди вступили в родственные отношения через брак.

Бликие родственники:

супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, бабушка, дедушка, внуки.

Отношения свойства – отношения, возникающие между супругом и родственниками другого супруга, а также между самими родственниками супругов.

Свойственники:

родители, дети, братья, сестры супруга (супруги), а также указанные родственники между собой, т. е.: зять, невестка, сноха, свекр, свекровь, тещь, теща, пасынок, падчерица, деверь, шурин, золовка, свояченица, сват, сватья, свояк.

Основной признак свойства – отсутствие кровного родства.

Иные близкие отношения:

- сожители, поскольку они не состоят в зарегистрированном браке;
- родственники одного из сожителей по отношению к другому сожителю (по той же причине);
- родственники бывших супругов (после расторжения брака).

Бликие лица – это иные, за исключением близких родственников и родственников, лица, состоящие в свойстве с должностным лицом, а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги должностному лицу в силу сложившихся личных отношений.

Близкий – это тот, с кем существует духовная связь, ниточка, протянутая от души к душе. Это могут быть любимые, друзья и знакомые, родственники. Близкий человек – человек, ради которого готов на многое и судьба которого беспокоит.

Услуги имущественного характера – любые имущественные выгоды, в том числе освобождение от имущественных обязательств (например, предоставление кредита с заниженной процентной ставкой за пользование им, бесплатные либо по заниженной стоимости предоставление туристических путевок, ремонт квартиры, строительство дачи, передача имущества, в частности автотранспорта, для его временного использования, прощение долга или исполнение обязательств перед другими лицами).

Корпоративные отношения – это отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими.

Имущественные отношения – это отношения по поводу имущества, т. е. материальных предметов и других экономических ценностей.

Области регулирования, в которых возникновение конфликта интересов является наиболее вероятным

1. Выполнение отдельных функций государственного управления в отношении родственников и/или иных лиц, с которыми служащий поддерживает отношения, основанные на нравственных обязательствах.
2. Выполнение оплачиваемой работы.
3. Владение имуществом, ценными бумагами, банковскими вкладами.
4. Получение подарков и услуг.
5. Имущественные обязательства и судебные разбирательства.
6. Взаимодействие с бывшим работодателем и трудоустройство после увольнения с государственной службы.
7. Использование служебной информации.

Возникновение личной заинтересованности Конфликт интересов

1. Подчиненность и подконтрольность (обучение сына/дочь, курирование факультета, где учится сын/дочь, руководства курсом/факультетом, где учится сын/дочь, служба в непосредственном подчинении у супруга / супруги / брата / сестры / отца / сына и т. п.).
2. Принятие решение по находящимся в производстве документам в отношении родственников, свойственников, близких, коллег, граждан и организаций, с которыми вы находитесь в близких отношениях.
3. Участие в комиссиях при решении вопроса в отношении перечисленных людей или организаций

⇓

доложить рапортом руководителю

⇓

в случае непринятия мер руководителем, обратиться в комиссию по конфликту интересов (аттестационную комиссию) через ОРЛС

⇓

урегулировать конфликт интересов

1. Переместиться на другую должность (уволиться одной из сторон).
2. Отказаться от принятия решения по документам и передать их на исполнение другому должностному лицу (в другой орган, подразделение).
3. Отказаться от членства в комиссии на период рассмотрения вопроса в отношении перечисленных лиц или организаций).

Миронкина О. Н. / Mironkina O. N.

Склонение к коррупционному правонарушению**(в том числе других людей: коллег, граждан...)**

(не только к взятке, но и к прочим)

⇓

предупредить гражданина о том, что он, склоняя к коррупционному правонарушению,
уже сам совершает правонарушение

⇓

если гражданин настаивает, получить максимальное количество информации о самом лице, существе его
просьбы и лице, в отношении которого осуществляется просьба, возможно перенести встречу на другой день,
для возможности организации ОРМ и задержания правонарушителя

⇓

уведомить руководителя рапортом в тот же день

⇓

при необходимости участвовать в ОРМ для поимки правонарушителя

**Получение подарка, связанного с исполнением своих должностных обязанностей,
либо с вашим должностным положением**

⇓

получение подарка запрещено
(вне зависимости от стоимости)**Получение подарка в связи с протокольными мероприятиями,
служебными командировками и другими официальными мероприятиями,
участие в которых связано с исполнением служебных (должностных) обязанностей**
(данный подарок не принадлежит вам, так как вы лишь представляете свой ОВД, ведомство или страну)

⇓

при наличии кассового или товарного чека, накладной и т.п., указывающих на стоимость подарка 3000 руб. и
более, по прибытии в подразделение составить уведомление

⇓

передать подарок по акту приема-передачи в тыл вместе с уведомлением

⇓

при желании заявить о выкупе подарка по цене, установленной комиссией,

⇓

выкупить подарок, в сроки и в порядке, который вам подскажет сотрудник тыла,
ответственный за прием и хранение подаркаНе требуют передачи в тыл награды или ценные подарки, которые вручены лично вам
за какие-либо заслуги и оформлены официально приказом или распоряжением.**Обязанность уведомить об иной оплачиваемой работе**(работа по совместительству для сотрудников ОВД запрещена,
кроме научной, педагогической, иной творческой деятельности)

⇓

оценить возможность возникновения конфликта интересов

⇓

оценить отсутствие влияния работы по совместительству на качество выполнения
должностных обязанностей по основному месту работы

⇓
уведомить руководителя на стадии возникновения намерений о выполнении работы по совместительству рапортом
⇓
указать доход от данного вида деятельности при составлении справки о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера

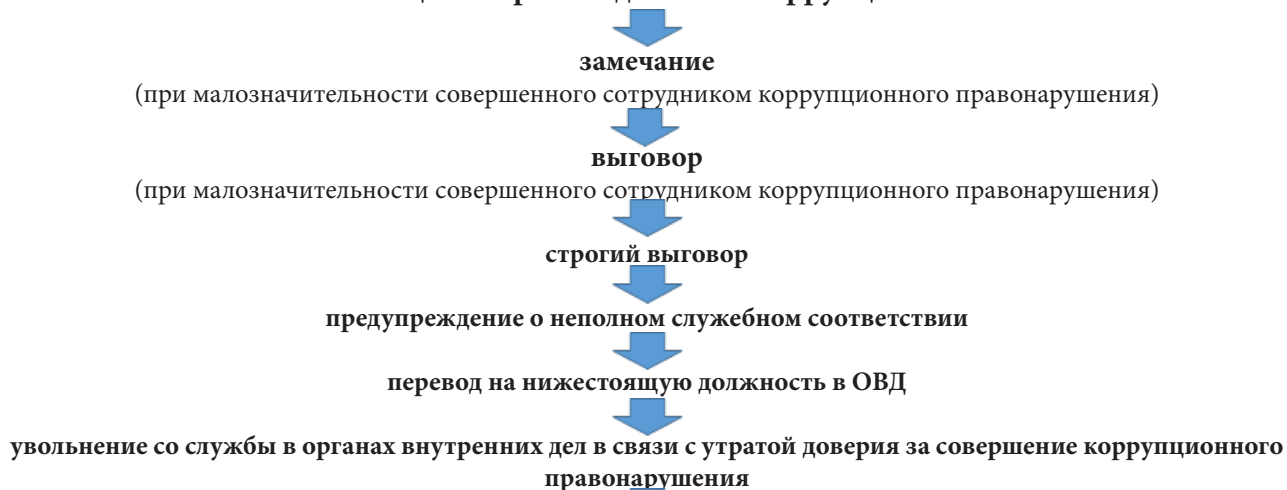
Обязанность подавать сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера

⇓
ежегодно с 1 января до 30 апреля по ФЗ,
в соответствии с ежегодным приказом или распоряжением Министра внутренних дел, сведения подаются до указанного в нем срока или в более ранний срок, который установит руководитель ОВД
⇓
на себя, на супругу (супруга), на несовершеннолетних детей (до 18)
⇓

1. Если супруг/супруга отказывается сообщать свои сведения.
2. Если бывший супруг/бывшая супруга отказывается представить сведения на вашего совместного несовершеннолетнего ребенка.
3. В случаях других форс-мажорных обстоятельств, когда вы объективно не имеете возможность представить необходимые сведения.

До истечения срока представления сведений обратиться в комиссию по конфликту интересов (аттестационную комиссию)

Ответственность за несоблюдение сотрудником органов внутренних дел ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции

Сотрудник ОВД, замещающий должность руководителя (начальника), которому стало известно о возникновении у подчиненного ему сотрудника ОВД личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов, подлежит увольнению в связи с утратой доверия в случае неприятия мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов.

**Памятка по соблюдению антикоррупционных ограничений гражданину,
уволенному со службы в ОВД, предусмотренных
ст. 12 ФЗ «О противодействии коррупции»**

Если вы в период службы подавали сведения о доходах, расходах,
об имуществе и обязательствах имущественного характера

**в течение двух лет после увольнения со службы в ОВД
каждый раз при трудоустройстве:**

по трудовой книжке

по гражданско-правовому договору
(если оплата предоставляемых услуг по нему
в месяц более 100 тыс. руб)

необходимо получить согласие соответствующей комиссии по соблюде-
нию требований к служебному поведению сотрудников ОВД и урегулиро-
ванию конфликта интересов

комиссия в течение 7 дней даст ответ о возможности выполнения вами
работ в указанной организации, если отдельные функции государственного
(административного) управления данной организацией входили в ваши долж-
ностные (служебные) обязанности

Комиссия определит будет ли иметь место личная заинтересованность, приводящая к конфликту интересов
в случае выполнения вами работ в указанной вами организации и при отсутствии такой заинтересованности
выдаст свое согласие.

**Ответственность за невыполнение требований в соответствии с ст. 19.29
КоАП РФ – административный штраф:**

организациям – 100 - 500 тыс. руб. и предписание прокуратуры –
уволить работника, не выполнившего антикорр. требования;
гражданам – 2-4 тыс. руб; должностным лицам – 20-50 тыс. руб.

Оригинальная статья

УДК 342.98

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-4-479-490

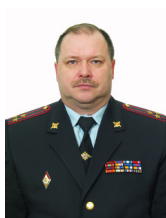
Административно-правовое противодействие коррупции как форме девиантного поведения

Алексей Александрович Морозов

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
am-1967morozov@ya.ru

ORCID: 0000-0002-8963-1882

Владимир Юрьевич Ухов

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
spb-u-mvd.kaf-ap@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6935-9941

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы правового воздействия на коррупционные проявления как одной из форм девиантного поведения через систему административно-правовых норм. Анализируется действующее антикоррупционное законодательство Российской Федерации в качестве правовой основы профилактики коррупции и формирования системы государственного воздействия на воспитание в обществе нетерпимости к коррупционным проявлениям и осуждения коррупции как негативного поведения конкретного человека. На основе проведенного исследования формулируются предложения по корректировке антикоррупционного законодательства путем изменения административно-правовых форм воздействия на коррупцию. Авторы применяли преимущественно аналитические методы исследования действующих антикоррупционных норм, их практической реализации на основе открытых статистических данных, что предполагает возможность использования сформулированных в работе предложений по корректировке антикоррупционного законодательства. Научная новизна исследования характеризуется тем, что вопросы соотношения административно-правового воздействия на коррупцию ранее не рассматривались с точки зрения девиантного характера действий физических лиц, независимо от того, находятся они на государственной (муниципальной) службе или нет. Предлагаемые в статье механизмы корректировки антикоррупционного законодательства, помимо собственно административно-правовой формы воздействия на рассматриваемое явление, носят комплексный характер, так как невозможно воздействовать на общество без различных форм морально-нравственного, воспитательного воздействия на конкретного человека. Эти процессы начинаются задолго до достижения возраста, когда физическое лицо может быть привлечено к ответственности за совершенное правонарушение.

Ключевые слова

коррупция, административное воздействие, девиантное поведение, государственная служба, правонарушение

Для цитирования: Морозов, А. А., Ухов, В. Ю. (2022). Административно-правовое противодействие коррупции как форме девиантного поведения. *Российский девиантологический журнал*, 2(4), 479–490. doi: 10.35750/2713-0622-2022-4-479-490.

Aleksey A. Morozov

Saint Petersburg University
of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
am-1967morozov@ya.ru

ORCID: 0000-0002-8963-1882

Vladimir Yu. Ukhov

Saint Petersburg University of
the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
spb-u-mvd.kaf-ap@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6935-9941

Administrative and legal counteraction to corruption as a form of deviant behavior

Abstract

The article deals with the issues of legal impact on corruption as a form of deviant behavior through the system of administrative and legal norms. The current anti-corruption legislation of the Russian Federation as a legal basis for the prevention of corruption and the formation of the state impact system for education of society intolerance to corrupt practices and condemnation of corruption as negative behavior of a particular person is analyzed. On the basis of the conducted research, proposals for the improvement of anti-corruption legislation by changing the administrative and legal forms of impact on corruption are formulated. The authors applied mainly analytical methods of research of existing anti-corruption norms, their practical implementation on the basis of open statistical data. It makes it possible to use the revealed data in the work of developing anti-corruption legislation. Scientific novelty of the study is characterized by the fact that the issues of correlation of administrative and legal impact on corruption have not been previously considered in terms of deviant nature of actions of individuals, regardless of whether they are state (municipal) servants or not. The proposed mechanisms of correction of anti-corruption legislation, in addition to the proper administrative and legal form of impact on the phenomenon in question, are of a complex nature, since it is impossible to influence on society without various forms of moral, educational impact on a particular person. These processes start before the age when an individual may be convicted for the offense committed.

Keywords

corruption, administrative impact, deviant behavior, public service, crime

For citation: Morozov, A. A., Ukhov, V. Yu. (2022). Administrative and legal counteraction to corruption as a form of deviant behavior. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(4), 479–490. doi: 10.35750/2713-0622-2022-4-479-490.

Введение

Человек несовершенен. Каждый индивидуум, обладая определенными достоинствами, имеет и недостатки. Если эти недостатки не выходят за пределы, предполагающие причинение кому-либо вреда, то с ними можно мириться, так как никто о них не узнает, а сам обладатель этих недостатков никому о них не скажет. Но если определенное отклонение начинает оказывать негативное воздействие на интересы других лиц или общества в целом, то необходимость воздействия на такое отклонение становится обязанностью государства в лице уполномоченных органов и в виде определенных осуждающих действий со стороны общества.

Вся история существования человеческого общества в той или иной степени представляет последовательную борьбу с отклонениями от нормы, которую

закрепляет общество, в том числе формируя на законодательном уровне систему запретов, ограничений и профилактических мер.

Отклонение от нормы поведения принято называть девиантным поведением или социальной девиацией (от лат. *deviation* – отклонение), негативное девиантное поведение требует применения обществом определенных формальных и неформальных санкций. Девиантность как социальное явление изучается в основном социологией, а индивидуальные девиации – психологией. В рамках настоящей статьи авторы преследуют цель конкретизировать предложения по применению административно-правовых методов воздействия на коррупционные проявления как на форму девиантного поведения, рассматривая коррупцию в качестве социального явления и не затрагивая психологического аспекта проблемы.

Органы власти и управления не являются какими-то эфемерными структурами, в них работают конкретные сотрудники, занимающие соответствующее место в системе должностной иерархии организации. Любая организация, функционирующая на императивной основе и решающая контрольные, надзорные, лицензионные и разрешительные задачи, характеризуется не только положительными сторонами, но и определенными недостатками. В органах государственной и муниципальной власти такими недостатками являются факты коррупции. В России коррупция на определенном этапе вышла на уровень, при котором она не только негативно влияет на экономическую целостность страны, но и угрожает ее государственным устоям.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в процессе противодействия коррупционным фактам как явлениям, отклоняющимся от законодательно закрепленных правовых норм. Предметом являются запретительные, ограничительные и профилактические правовые нормы антикоррупционного характера. Результат исследования представляют предложения по корректировке правовых норм, направленных на борьбу с коррупцией и ее профилактику.

Обзор литературы

Следует отметить, что комплексных статей, подготовленных в сочетании социологических исследований по рассматриваемой теме и регулирующих их правовых норм, не было. Как правило, социологические исследования, подтвержденные статистическим материалом,

подталкивают законодательные органы на принятие новых и корректировку действующих законов. Вопросы противодействия коррупции юридически закреплены в ряде нормативных правовых актов, а вопросы осуждения и противодействия коррупции как социального явления рассматриваются в научных статьях, не предполагающих внесения изменений в правовые акты.

Отметим, что в России сформировалась достаточная правовая база антикоррупционного характера. Основным является Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»¹. Были приняты также федеральные законы «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»², «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами»³, «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»⁴.

Кроме того, Российская Федерация участвует в международных антикоррупционных конвенциях, а именно: в Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции⁵, Конвенции против транснациональной организованной преступности⁶, Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию⁷, Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок⁸. С учетом беспрецедентной антироссийской политики, проводимой странами – вероятными противниками РФ, активизировавшейся после начала

¹ Федеральный закон Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 03.04.2017) «О противодействии коррупции». В *Собрание Законодательства РФ от 29.12.2008* (52 (ч. 1), ст. 6228).

² Федеральный закон Российской Федерации от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ (ред. от 21.10.2013) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов». В *Собрание Законодательства РФ от 20.07.2009* (№ 29, ст. 3609).

³ Федеральный закон Российской Федерации от 07 мая 2013 г. № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами». В *Собрание Законодательства РФ от 13.05.2013* (№ 19, ст. 2306).

⁴ Федеральный закон Российской Федерации от 03 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам». В *Собрание Законодательства РФ от 10.12.2012* (№ 50 (часть 4), ст. 6953).

⁵ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН). В *«Бюллетень международных договоров»* (2006 г., № 10, октябрь, стр. 7–54).

⁶ Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (с изм. от 15.11.2000). В *Собрание Законодательства РФ от 04.10.2004* (№ 40, ст. 3882).

⁷ Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (принята в г. Страсбурге 27.01.1999), ратифицирована Федеральным законом Российской Федерации от 25.07.2006 № 125-ФЗ. В *Собрание Законодательства РФ от 18.05.2009* (№ 20, ст. 2394, «Бюллетень международных договоров», № 9, с. 15–29).

⁸ Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок (принята в Стамбуле, 21 ноября 1997 г.). URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/16996.html/>

антинацистской специальной военной операции на Украине, никаких данных о том, что Россия вышла из названных конвенций, не было.

Законодательное закрепление понятия коррупции дано в ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»: это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; а также совершение этих деяний от имени или в интересах юридического лица. Таким образом, отклонении от нормы мы можем рассуждать, если это отклонение проявляется лицом, использующим свое должностное (служебное) положение для получения личной выгоды.

Вопросы девиантного поведения, выразившегося в коррупционных действиях, рассматривались рядом авторов. Можно назвать таких ученых, как Г. С. Помаз (Помаз, 2015), Джей С. Албаниз, Кристин Артелло (Албаниз, Артелло, 2019), Н. А. Гончарова, И. Ю. Кобозев, И. В. Костылева (Гончарова, Кобозев, Костылева, 2015), И. А. Савченко, Л. А. Снегирева, С. В. Устинкин (Савченко, Снегирева, Устинкин, 2016), О. С. Капинус (Капинус, 2018).

Изучение результатов, изложенных в перечисленных исследованиях, показывает, что они лишь косвенно затрагивают правовые аспекты противодействия такой форме девиантного поведения, как коррупционные действия, так как рассматривают преимущественно психологические и социальные аспекты девиантного поведения лиц, совершивших нарушения коррупционного характера.

Методология, методы и материалы исследования

При подготовке статьи использованы методы анализа действующего антикоррупционного законодательства и статистические показатели эффективности применения правовых норм антикоррупционного характера на основании официальных данных Генеральной прокуратуры РФ и Следственного комитета РФ. На основании публикуемых в официальных источниках информации данных применялся метод прогнозирования ситуации в сфере динамики коррупционных правонарушений как формы девиантного поведения.

Несмотря на внушительный объем нормативно-правового регулирования в антикоррупционной

сфере, ее практическая реализация, по мнению авторов, выявляет блок проблем, а именно:

- наличие не всегда обоснованных запретов в хозяйственной сфере;
- низкий уровень зарплат основной массы государственных служащих;
- отсутствие эффективного общественного контроля за деятельностью властных органов;
- условность антикоррупционной пропаганды в эпоху культа потребления;
- отсутствие возможности функционирования независимых СМИ на муниципальных и региональных уровнях.

”

В России коррупция на определенном этапе вышла на уровень, при котором она не только негативно влияет на экономическую целостность страны, но и угрожает ее государственным устоям

“

Коррупционные проявления имеют место на всех уровнях власти. Статистический материал, судебная практика конкретизируют факты коррупционных проявлений, к которым относятся: совместительство в коммерческих структурах, контролируемых властью; создание предпринимательских структур при использовании родственников, сослуживцев, бывших коллег, землячества и т. д.; участие через родственников в приватизации хозяйствующих субъектов; условно законная передача средств бюджета приближенным субъектам хозяйственного сектора; получение льготных кредитов, ориентированных на конкретных лиц; эксплуатация служебных помещений, транспорта, денежных средств в неслужебных целях; законспирированное вознаграждение за исполнение своих обязанностей (дополнительные премии, необоснованные гонорары, зарплата за работу на основании фиктивной отчетности, беспроцентные кредиты).

Причины коррупции уже анализировались в трудах ученых. В частности, В. Г. Гриб и Л. Е. Окс в качестве причин коррупции называли правовую пассивность

и незнание антикоррупционного законодательства, психологическую готовность части граждан к мздоимству, в том числе вследствие низкого уровня материальной обеспеченности, а также многочисленные коллизии и пробелы в законодательстве⁹.

Авторы статьи разделяют мнение своих коллег, но ситуация с коррупцией гораздо серьезнее. Занимаемая высокая должность по своему статусу предполагает участие в представительских мероприятиях (открытие предприятий бизнеса, командировки, в том числе и зарубежные, часто с командой сопровождающих, штатное расширение представительств, пресслужб, а также прочих подразделений, создаваемых для трудоустройства родственников, друзей, полезных в определенном смысле лиц). Обратим внимание, что занимающий высокий пост чиновник должен уметь общаться не только с подчиненными или начальством, но и с простыми гражданами, с представителями средств массовой информации понятным и обычным гражданам формулировками.

Рассмотрим порядок декларирования государственным служащим своих доходов, расходов, данных об имуществе, а также имуществе и доходах супругов и несовершеннолетних детей госслужащего или сотрудника силовой структуры. Ежегодно подается соответствующая справка.

Преимущественно возраст родителей несовершеннолетних детей составляет 18–40 лет. Если подвергнуть анализу перечень должностей во властных органах, в которых присутствует опасность коррупции или возникновения конфликта интересов, то это руководители 45–55 лет и старше. У этой категории лиц дети перешагнули рубеж совершеннолетия (18 лет). Таким образом, данная норма объективно трактуется средним обывателем как легально узаконенная возможность оформлять собственность на движимое и недвижимое имущество на совершеннолетних детей высокопоставленных государственных служащих.

Приведем еще один пример несовершенства законодательства. Внутриведомственными документами предусмотрено условие обоснованности проверки доходов государственного служащего при приобретении имущества, стоимость которого в три раза и более превышает его годовой заработок. Если стоимость приобретенного имущества меньше этой суммы, то претензий нет. Проанализируем эту ситуацию подробнее.

Доходом является вся начисленная зарплата работника или денежное содержание госслужащего, военнослужащего или сотрудника правоохранительных

органов, начисленная в размере до удержания налога на доходы физических лиц (НДФЛ). При этом не учитываются расходы на жизнь за три года (продукты, коммунальные платежи, услуги бытового характера, расходы на остальных членов семьи, включая покупку одежды, обуви, средств гигиены и т. д., а также уплата имущественных налогов, взимаемых с физических лиц).

Авторы предполагают необходимость принятия правовой нормы, по которой лицо, подающее справку, обязано подтверждать легальное происхождение средств на приобретение имущества. Также авторами не ставится под сомнение принцип презумпции невиновности по коррупционным нарушениям. Следует изменить нормы, легализующие факты коррупции, например, определяющие размеры нарушения до суммы дохода за три года. Данная норма применяется ко всем должностным лицам, включая сотрудников правоохранительных органов, иных структур исполнительной власти и военнослужащих, в чьей работе или службе есть угроза возникновения конфликта интересов или ситуации, провоцирующие коррупционные действия. Например, денежное содержание сотрудника органов внутренних дел (полковник полиции, должность – заместитель начальника районного УМВД в Санкт-Петербурге) за 2021 год – 1,3 млн руб. В случае приобретения им автомобиля за 3,899 млн руб. формальные основания для служебной проверки отсутствуют. Но возникает вопрос, на что он жил, каковы траты семьи, также необходимо учитывать обязательные налоговые платежи.

Возможен иной способ оценки расчета соотносимости доходов и расходов для определения обоснованности покупок дорогостоящего движимого имущества. Авторами предлагается суммирование расходов членов семьи с учетом величины потребительской корзины на всех членов семьи¹⁰.

Предлагаемый порядок расчета бюджета семьи, который может быть использован на дорогостоящее имущество, должен учитывать разницу между совокупным доходом семьи, оставшимся после уплаты налогов, и суммой прожиточного минимума на всю семью по рассматриваемому региону. При этом денег на крупные покупки не остается. Семья из четырех человек (два супруга и два ребенка) в данном примере должна минимально иметь 49,362 тыс. руб. (величина прожиточного минимума в Санкт-Петербурге на 2021 г.: для трудоспособного населения 13073 руб. 80 коп.; для детей – 11607 руб. 50 коп.¹¹). Но тогда уменьшается

⁹ Гриб, В. Г., Окс, Л. Е. (2011). *Противодействие коррупции: учебное пособие* (стр. 121-122). Московская финансово-промышленная академия.

¹⁰ Федеральный закон Российской Федерации от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ (в ред. от 01.04.2019) «О прожиточном минимуме в Российской Федерации». В *Собрание законодательства Российской Федерации от 27 октября 1997 г.* (№ 43, ст. 4904).

¹¹ Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 24 марта 2021 г. № 143 «Об установлении величины прожиточ-

сумма накоплений, предполагаемых для трат на крупные покупки, и этой семье следует максимально ограничить себя не только в продуктах, но и в поездках к морю, культурном досуге и иных благах.

С учетом приведенного примера у заместителя начальника территориального УМВД после удержания НДФЛ остается 1,131 млн руб. в год. Если имеем типичную ситуацию, где супруга-домохозяйка и два ребенка, то, ограничивая себя во всем, на жизнь необходимо 592344 руб. (49,362 тыс. руб. X 12 месяцев). Остаток – 538 656 руб. в год. На машину стоимостью 3,899 млн руб. надо копить более семи лет, во всем себе отказывая.

Если исходить из того, что многие сотрудники состоят в гражданско-правовых отношениях ипотечного кредитования на приобретение жилья, то возможность платежей по ипотечному кредиту просто отсутствует. В силу экономических причин ст. 44 Федерального закона «О полиции» (право сотрудника полиции на жилищное обеспечение) практически не реализуется.

Примером неэффективности антикоррупционного законодательства следует рассматривать также невозможность свободного доступа к реестру взяточников (ст. 15 Федерального закона «О противодействии коррупции»).

Перечень (реестр) бывших госслужащих, лишившихся должности в результате утраты доверия, размещается в государственной информационной системе (ГИС). Доступ к этой информации есть только у конкретных субъектов с государственным участием. Фактически это завуалированная возможность для коррупционера уйти от уголовного преследования через формулировку «в связи с утратой доверия». Увольнение происходит, чтобы опубликование подобной информации не нанесло удар по имиджу соответствующего органа власти. У коррупционера в этой ситуации сохраняется имущество, кратно превышающее его доходы за весь период работы (службы).

Рассмотрение вопроса о противостоянии коррупции как проявления формы девиантного поведения нужно осуществлять исходя из соблюдения норм морали и нравственности, предусматривающих ограничения различного характера. В Федеральном законе «О противодействии коррупции» не конкретизированы ограничения, что снижает его эффективность.

Важно отметить еще одну проблему. Находящийся на определенной должности чиновник понимает, что рано или поздно ему придется расстаться со своей

должностью – по достижении определенного возраста и выходу на пенсию. Поэтому существующую практику принятия «решений на перспективу» тоже следует отнести к коррупционным проявлениям. Авторы статьи рассматривают таковыми решения о дополнительных выплатах для увольняющихся высокопоставленных должностных лиц, такие выплаты часто превышают официальные пенсии. Эти решения инициируются на региональном уровне администрацией соответствующего территориального образования, области или региона; исходит эта инициатива от соответствующего законодательного органа.

Пенсионное обеспечение государственных служащих регулируется Федеральным законом «О государственном пенсионном обеспечении в РФ»¹². Механизм начисления пенсий государственным служащим отличается от порядка начисления пенсий для основной массы пенсионеров, в отношении которых применяется Федеральный закон «О трудовых пенсиях в Российской Федерации»¹³. Противостояние такой ситуации осуществляют органы прокуратуры. Авторы не ставят своей целью детализировать в статье конкретные ситуации. Статистика по этому вопросу отражена в монографии по профильной теме (Морозов, 2019).

Предлагается ряд ограничений, закрепление которых на законодательном и локальном уровнях усилило бы эффективность борьбы с коррупцией как формой девиантного поведения конкретного человека:

- отказ от сторонних мероприятий статусно-формального характера;
- отказ от личного участия в мероприятиях, посвященных бизнес-проектам;
- отказ от участия в мероприятиях, предполагающих финансирование из внебюджетных источников;
- отказ или ограничение от зарубежных поездок, сокращение сопровождающих;
- фиксация сроков эксплуатации движимого и недвижимого имущества, находящегося на балансе органов власти и увеличение сроков его использования после проведенного ремонта;
- запрет на не предусмотренные федеральным законодательством дополнительные выплаты государственным служащим, уходящим на пенсию.

Далее рассмотрим причины неэффективности административно-правовых мер антикоррупционной борьбы. В статье 2 Федерального закона «О противодействии коррупции» содержатся административно-правовые аспекты специфики борьбы с кор-

ного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в Санкт-Петербурге на 2021 год». URL: <https://rg.ru/2021/03/26/spb-post143-reg-dok.html>

¹² Федеральный закон Российской Федерации от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ (ред. от 07.03.2018) «О государственном пенсионном обеспечении в РФ». В *Собрание законодательства Российской Федерации от 17 декабря 2001 г.* (№ 51, ст. 4831).

¹³ Федеральный закон от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ (ред. от 04.06.2014, с изм. от 19.11.2015) «О трудовых пенсиях в Российской Федерации». В *Собрание законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2001 г.* (№ 52 (1 ч.), ст. 4920).

рупцией, а именно направления деятельности, декларирующие возможность противодействия коррупции административными методами. Исходя из антикоррупционной мотивации поведения государства можно перечислить причины, способствующие коррупции и преодолеваемые административными методами:

1) проблема кадрового резерва лиц, назначаемых на высокопоставленные должности; выявленные факты коррупции вытекают из специфики злоупотребления служебным положением;

2) возникновение конфликта интересов государственных структур, провоцирующих нарушения в иных правовых сферах (антимонопольное, рекламное регулирование, противодействие рейдерству, фиктивное банкротство и т. д.);

”

*Реализация государством
властных полномочий
осуществлена через
принятие специальных
законов, обеспечивающих
антикоррупционную
профилактику
и минимизацию
коррупционных проявлений*

“

3) значительное социальное расслоение в России;

4) отсутствие общественного осуждения коррупции, терпимости к ней как специфической черте российского менталитета;

5) отсутствие должного эффекта при коррупционных разоблачениях;

6) низкая эффективность мер ответственности при применении штрафной санкции, кратно увеличенной относительно размера взятки, так как с виновного фактически уже нечего взять;

7) противоречие интересов бизнеса и реализуемых в отношении его проверочных действий.

Следует отметить также проблемы применения административно-правовых методов антикоррупционного законодательства РФ в сложившихся обстоятельствах. В статье 2 Федерального закона «О противодействии коррупции» конкретизированы меры административно-правового воздействия на корруп-

цию. Противодействием коррупции является деятельность органов власти всех уровней, «институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий: а) по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции); б) по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией); в) по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений». Иными словами, в стране имеются законодательно закрепленные формы административной деятельности противодействия коррупции в любой ее форме. Учитывая, что морально-нравственный аспект является обязательным принципом законотворчества, так как аморальные нормы права не могут быть приняты, можно сделать вывод о законодательном осуждении такой формы девиантного поведения, как совершение коррупционных действий.

Реализация государством властных полномочий осуществлена через принятие специальных законов, обеспечивающих антикоррупционную профилактику и минимизацию коррупционных проявлений.

Ранее уже назывались международные и национальные нормативные акты антикоррупционной направленности. Нет необходимости дублировать их формулировки, но Федеральный закон «О противодействии коррупции» действует уже четырнадцать лет, что позволяет говорить о результативности применяемых мер.

Реализация законодательных норм шла поэтапно путем принятия соответствующих программных документов. К ним можно отнести Указ Президента Российской Федерации «О национальном плане противодействия коррупции на 2016–2017 годы». План предусматривал применение исключительно способов административного воздействия на факты коррупции и отражал наиболее проблемные моменты антикоррупционной деятельности органов власти.

Конкретизирована работа федеральных органов исполнительной власти по предупреждению взяток, обозначены требования к руководству субъектов Российской Федерации об аналитике конкретных результатов антикоррупционной профилактики на региональном уровне, продолжается выявление фактов коррупции в сфере государственных закупок. Высказано требование о выявлении фактов конфликта интересов, возникающих при взаимодействии хозяйствующих субъектов и должностных лиц органов власти. Правительство Российской Федерации продолжает изучать ситуацию и выявлять факты, когда решение о государственном заказе принимается конкретным должностным лицом, а договор заключается с компанией его родственника. Здесь явно выражен девиантный характер поведения в виде нарушения закона или подзаконного акта.

Обозначим отдельную проблему выявления таких фактов: если понятие родственника конкретизировано в семейном законодательстве РФ, то передача госзаказа компании друга, земляка, одноклассника, бывшего коллеги по работе и прочих категорий, которые не рассматриваются как потенциальные участники коррупционных отношений, законодателем не закреплена. Лучшей гарантией доверительных отношений является финансовая заинтересованность коррупционеров.

Благодаря программе по борьбе с коррупцией на 2016–2017 гг., инициировавшей очередной этап применения административных мер по минимизации коррупционных проявлений, были достигнуты конкретные результаты. Авторы апеллируют к статистическим данным, которые можно разделить на два этапа: первый – статистические показатели эффективности принимаемых административных мер за 2016–2017 гг. и второй – за 2019–2020 гг. По объективным причинам статистика за 2021 г. еще обрабатывается и ее можно использовать по отдельным показателям.

По результатам реализации Указа Президента Российской Федерации «О национальном плане противодействия коррупции на 2016–2017 годы» данные следующие: в 2017 г. зарегистрировано 29 634 преступления коррупционного характера, (на 10% меньше, чем в 2016 г.); 17,6 тыс. дел расследовал Следственный комитет РФ, в суд отправлено 8 тыс. дел. За 2017 г. к уголовной ответственности привлечено 12,1 тыс. человек, в том числе 870 чиновников различных уровней; 1,3 тыс. – сотрудники правоохранительных органов; 600 лиц с особым правовым статусом (депутаты местного и регионального уровня, главы муниципальных образований, прокуроры, следователи, следователи, адвокаты, судьи); 516 лиц по приговору суда были оштрафованы, к 1,5 тыс. осужденных применена конфискация имущества.

Наиболее массовыми в рассматриваемый период стали коррупционные нарушения в сфере государственных закупок (12 тыс. нарушений и 308 уголовных дел), сфера эксплуатации объектов государственности (9,3 тыс. нарушений и 572 дела) и область бюджетных правоотношений (6,3 тыс. дел и 571 дело).

Динамика преступлений по ст. 290 УК РФ (получение взятки) за период с 2011 г. по 2017 г. показывает постепенное уменьшение фактов привлечения к ответственности за взятки (2011 г. – 6 947 преступлений, 2012 г. – 6 576, 2013 г. – 6 710, 2014 г. – 5980, 2015 г. – 6 495, 2016 г. – 5 344, 2017 г. – 3 188 преступлений).

Общий объем коррупционных нарушений за 2016–2017 гг. увеличился по сравнению с аналогичными периодами с 2011 г. по 2015 г. Однако в силу необходимости предоставления профильной отчетности о борьбе

с коррупцией реализация программы стала идти по пути условности или даже имитации борьбы с этим явлением. По данным Верховного Суда РФ, в 2017 г. по сравнению с 2016 г. количество осужденных увеличилось на 6364 человека (на 18,9 %). Возросло мелкое взяточничество (на 123,4 %). Можно сделать вывод, что проще привлечь к ответственности нарушителей в сфере образования, здравоохранения и низовых сотрудников в системах МЧС, МВД. Их действия являются отклонением от нормы служебного или должностного поведения, иными словами, их действия носят девиантный характер, который проявляется при выполнении профессиональных обязанностей.

”

Если понятие родственника конкретизировано в семейном законодательстве РФ, то передача госзаказа компании друга, земляка, одноклассника, бывшего коллеги по работе и прочих категорий, которые не рассматриваются как потенциальные участники коррупционных отношений, законодателем не закреплена. Лучшей гарантией доверительных отношений является финансовая заинтересованность коррупционеров

“

На очередном этапе противодействия коррупции в 2018–2019 гг. был реализован Указ Президента Российской Федерации от 29 июня 2018 г. № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы»¹⁴.

По данным Судебного департамента Верховного Суда РФ, предоставившего статистику за 2019 г., в соответствии с которой за прошедший год суды вынесли 15 562 обвинительных приговора по основной и дополнительной квалификации по составам преступлений коррупционной направленности, более 1,5 тыс. человек были осуждены за получение взятки; более 0,4 тыс. – за посредничество; 2,5 тыс. – за дачу взятки, остальные, преимущественно, по статье за мелкое взяточничество; 1463 человек были осуждены на лишение свободы различного срока. Из них 190 – на срок до одного года; 252 – от одного до двух лет; 344 человека – от двух до трех лет; 383 лица получили срок от трех до пяти лет

¹⁴ Указ Президента Российской Федерации от 29 июня 2018 г. № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018 - 2020 годы». URL: <https://base.garant.ru/71977694/.08.04.2022>.

включительно; 261 человек осудили на срок от пяти до восьми лет; 31 получили от восьми до десяти, и двух человек лишили свободы на срок от 10 до 15 лет¹⁵.

По данным Генеральной прокуратуры РФ, имеет место увеличение числа коррупционных дел. Ущерб от коррупции в 2019 г. составил более 55 млрд руб. С каждым годом регистрируется все больше преступлений коррупционной направленности, совершенных в крупном или особо крупном размере либо причинивших особо крупный ущерб (в 2019 г. – 5 408, в 2018 г. – 5 365, в 2017 г. – 5 136). При этом чаще пресекается коррупционная деятельность организованных групп и преступных сообществ (в 2019 г. такими группами и сообществами совершено 1136 преступлений, в 2018 г. – 972, в 2017 г. – 723).

Всего в 2019 г. зарегистрировано 30 991 преступление коррупционной направленности (+1,6 %), уголовному преследованию подверглось 15 773 человека (в 2018 г. – 15 908, в 2017 г. – 15 940). Растет число выявленных фактов получения и дачи взятки, а также посредничества во взяточничестве (в 2019 г. – 13 867, в 2018 г. – 12 527, в 2017 г. – 12 111). При этом случаи мелкого взяточничества фиксируются все реже (в 2019 г. – 5 408, в 2018 г. – 5 437, в 2017 г. – 5 841).

Ущерб от коррупционных деяний в 2019 г. – около 55,1 млрд руб., что составляет 8,8 % от суммы ущерба, причиненного всеми видами преступлений в РФ. Добровольно погашен ущерб на сумму около 4,1 млрд руб., изъято имущества, денег, ценностей на сумму почти 1,5 млрд руб., наложен арест на имущество обвиняемых стоимостью 18,2 млрд руб. В 2019 г. судами удовлетворено 312 исков прокуроров, заявленных в рамках уголовного судопроизводства в целях возмещения ущерба, причиненного актами коррупции, на общую сумму около 2 млрд руб.

По рассмотренным уголовным делам о преступлениях коррупционной направленности в 2019 г. судами вынесено 9 803 обвинительных приговора (в 2018 г. – 10684) в отношении 10 960 человек (11 732).

Генпрокуратура обозначила регионы-лидеры по коррупции. Коэффициент преступности в этих субъектах варьируется от 26,31 до 29,68 нарушений на 100 тыс. населения. В списке регионов с самым высоким уровнем коррупции находятся Мордовия, Чувашия, Камчатка, Архангельская, Брянская, Магаданская, Новгородская, Оренбургская, Саратовская и Тюменская области.

По данным надзорного ведомства, наименьший уровень коррупции в Ингушетии, Хакасии, Алтайском крае, Вологодской, Московской, Мурманской, Пензен-

ской областях, Санкт-Петербурге, Севастополе и Ямало-Ненецком автономном округе. В этих регионах коэффициент преступности варьируется от 6,41 до 9,94 на 100 тыс. населения.

Наиболее подверженными сферами для коррупционных преступлений оказались освоение бюджетных средств, организация торгов, управление имуществом, контрольно-ревизионная и правоохранительная деятельность, а также ЖКХ.

По сравнению с предыдущими периодами обозначился рост коррупционных преступлений, хотя показатели за 2019 г. по уровню коррупции в стране составлял 21,1 правонарушение на 100 тыс. населения, а в 2018 г. – 20,8, что позволяет говорить о стабильном состоянии коррупционных проявлений в последние годы¹⁶.

Далее охарактеризуем имеющиеся статистические показатели за 2020 г. Эффективность работы правоохранительных органов можно рассматривать как форму профилактики девиантного поведения, выразившегося в фактах коррупции. За время существования Следственного комитета РФ с 2011 г. в суды передано более 90 тыс. дел по фактам коррупции. За 2020 г. СК РФ возбудил 15 217 уголовных дел по коррупционным преступлениям, обозначился рост 4 % по сравнению с прошлым годом. Уголовному преследованию за коррупцию подверглись 5 700 лиц с особым статусом.

С января по сентябрь 2020 г. в суды направили 5 925 уголовных дел о коррупции. За это время удалось компенсировать 77% ущерба от коррупционных преступлений.

Глава Следственного комитета РФ подчеркнул, что ведомство системно борется с коррупцией. С 2011 г. СК РФ направил в суд более 90 000 дел коррупционной направленности и возместил около 34 млрд руб. государству и потерпевшим. В том числе за первые девять месяцев 2011 г. удалось погасить 2,3 млрд руб. ущерба от таких преступлений, а на имущество стоимостью около 8 млрд руб. наложен арест.

Самыми распространенными преступлениями такого характера являются действия или бездействие в пользу взяткодателя и госзакупки по завышенным ценам у предприятий, связанных с организующими их чиновниками. Следственный комитет РФ пресекает коррупционные преступления независимо от статуса и служебного положения подозреваемых. С 2011 г. по 2020 г. в суд направлены дела в отношении более чем 5 700 лиц с особым правовым статусом¹⁷.

В настоящее время идет реализация Указа Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 г.

¹⁵ Официальный сайт Судебного департамента Верховного Суда РФ. URL: <http://www.cdep.ru/>. 08.04.2022.

¹⁶ Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/> 08.04.2022.

¹⁷ Интервью Председателя Следственного комитета РФ Александра Бастрыкина. В «Российской газете» РИА Новости. URL: <https://pravo.ru/29.03.2022>.

№ 478 «Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы»¹⁸.

По статистике МВД России за 2021 г., в стране за год на 27 % выросло количество преступлений, связанных с взятками. Зарегистрировано более 18,5 тыс. преступлений, связанных с взяточничеством, что на 27,8 % больше, чем в 2020 г. В целом количество зарегистрированных преступлений по сравнению с 2020 г. уменьшилось на 1,9 %. Среди преступлений, связанных с взятками, более 5 тыс. приходилось на факты получения взятки, почти 4,5 тыс. – на дачу взятки, более 2 тыс. – на посредничество. Всего в России в 2021 г. зарегистрировано более 35 тыс. преступлений коррупционной направленности, что почти на 14 % больше, чем в 2020 г.¹⁹.

Причины, нивелирующие результативность борьбы с коррупцией как формой девиантного поведения административными методами, различны по степени влияния на ситуацию в стране. Их устранение позволит усилить административное противодействие коррупции. Констатируя безусловную волю государства на преодоление коррупции как опасного общественного явления, проявляющегося через девиантное поведение конкретных лиц, можно сформулировать причины, способствующие коррупции и устраняемые административно-правовыми формами воздействия.

Первая причина характеризуется серьезной проблемой кадрового резерва. Коррупционные факты вытекают из злоупотреблений служебным положением. Девиантный характер поведения во многом объясняется тем, что основная масса чиновников в структурах власти — в большинстве своем личности, мировоззрение которых сформировано в конце 1980-х–1890-х гг., когда правосознание граждан и их уважение к закону были уничтожены одновременно с уничтожением идеологической составляющей государства. Указанное время выявило определенное количество членов общества, готовых на любые формы обогащения, включая использование должностного положения.

Серьезным изменением ситуации после реализации отмеченных программ по борьбе с коррупцией стало то, что высокая должность уже не защищает от уголовного преследования. Приведем несколько примеров арестов высокопоставленных чиновников: в 2013 г. – главы Ярославля Е. Урлашова, в 2018 г. – губернатора Сахалинской области А. Хорошавина, главы Республики Коми В. Гайзера, главы Республики Марий Эл Л. Маркелова, главы Удмуртии А. Соловьева, губернатора Кировской области Н. Белых, министра экономического развития РФ А. Улюкаева, губернатора Тульской области В. Дудки, главы ФСИН А. Реймера, экс-заместителя

главы ФСИН О. Коршунова, генерал-майора ФСО Г. Лопырева, исполняющего обязанности руководителя управления «Т» ГУЭБ и ПК МВД России Д. Захарченко; в 2018 г. – руководителя Северо-Западного Управления федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору Г. Слабикова.

В ближайшей перспективе следует прогнозировать приход на высокие должности лиц, мировоззрение которых было сформировано во второй половине 90-х гг. прошлого века, в то время, когда система образования стала услугой, а воспитательная составляющая, с подачи либерально ориентированного чиновничества, была уничтожена.

Вторая причина во многом является следствием первой и представляет конфликт интересов властных структур, покровительствующих конкретному бизнесу (возможно использование термина «крышевание»). Это приводит к таким явлениям, как нарушение иных норм правового регулирования в антимонопольной, рекламной сферах, противодействие рейдерству и фиктивному банкротству, неофициальные контакты с правоохранительными структурами в целях инициирования правового воздействия на конкурирующую структуру.

Третья причина – социальное расслоение населения России. Многие граждане крайне отрицательно воспринимают факты обогащения чиновников и их родственников, поскольку заработать большие суммы законным путем нереально. Через какое-то время после назначения на должность у родственников назначенного чиновника возникает успех во всех предпринимательских инициативах (часто это строительная сфера). При этом запретов на предпринимательскую деятельность родственников антикоррупционное законодательство не содержит.

Таким образом, имеет место несовершенство норм, регламентирующих предоставление данных о доходах. Декларант указывает доходы и имущество свое, супруга (и) и несовершеннолетних детей. Большинство коррупционных должностей представлено сотрудниками старших возрастных групп, с детьми старше 18 лет, что помогает скрывать имущество, полученное в результате коррупционных действий. Необходимо изменение ситуации, при которой для руководителей субъектов РФ, их заместителей, руководителей структурных подразделений органов власти нужно внести обязанность отчитываться о имеющемся имуществе и доходах совершеннолетних детей.

Четвертая причина – лояльное восприятие коррупции в виде отсутствия общественного осуждения этого явления. 90-е годы прошлого столетия повлекли

¹⁸ Указ Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 г. № 478 «Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47119>

¹⁹ Статистика за 2021 год. Общество. 19.01.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5172333/08.04.2022>

серьезные утраты морально-нравственной составляющей общества. Коррупционные разоблачения как форма воздействия на общественное мнение не нашли должного восприятия, в связи с чем необходимо формирование категорического неприятия коррупции всеми слоями общества.

Пятой причиной можно считать слабую результативность ответственности за коррупционные нарушения. Даже при применении штрафной санкции, многократно увеличенной относительно размера взятки, с взяточника уже нечего взять.

Шестая причина состоит в противоречии интересов бизнеса и государственной контрольной деятельности. Государство предоставляет предпринимателям свободу экономической деятельности, развивая бизнес, укрепляя экономику через льготы и иные послабления коммерсантам. Но это приводит к игнорированию мер безопасности, отступлению от установленных нормативов. Возможность воздействия на коррупцию предполагает применение мер административного воздействия, которое позволяет вести разговор о влиянии на данную форму девиантного поведения граждан. Карательные меры являются следствием применения императивных норм, но нужно устранять причины, вызывающие отклонения в поведении.

В завершение перечислим меры административного характера, которые следует применять для профилактики коррупции как проявления форм девиантного поведения:

1) ограничение возраста назначения на должности руководителей органов государственной власти и управления на уровне субъектов;

2) ограничение возраста назначения на должности руководителей государственных учреждений в структуре федеральных органов власти;

3) ротация руководителей субъектов РФ путем назначения на равные или вышестоящие должности в другие субъекты РФ;

4) запрет на занятие предпринимательской деятельностью, включая участие в управлении коммерческими организациями родственникам руководителей субъектов РФ, их заместителей, руководителей структурных подразделений органов власти;

5) пожизненный запрет на занятие должностей в органах управления коммерческих организаций бывшим руководителям органов власти и управления субъектов РФ и их заместителей и их родственников;

6) ранее названным категориям государственных служащих в справке о доходах своих и членов семьи предоставлять сведения об имеющемся имуществе совершеннолетних детей.

Таким образом, воздействие на коррупцию как форму проявления девиантного поведения предполагает устранение ее причин путем психологического воздействия на все категории граждан, а в сложившейся ситуации делать это эффективнее методом административно-правового воздействия.

Список литературы

- Помаз, Г. С. (2015). Коррупционное поведение сотрудников органов внутренних дел как разновидность девиантного поведения. *Философия права*, 2 (69), 65–69.
- Албаниз, Дж. С., Артелло, К. (2019). Коррупционное поведение: эмпирическая типология коррупции на государственном уровне по признаку цели и метода. *Актуальные проблемы экономики и права*, 13(2), 1215–1229. <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.2.1215-1229>
- Гончарова, Н. А., Кобозев, И. Ю., Костылева, И. В. (2015). Психологические факторы коррупционного поведения сотрудников полиции. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 3(67), 165–170.
- Савченко, И. А., Снегирева, Л. А., Устинкин, С. В. (2016). Коррупционная личность в восприятии профессиональных и возрастных социальных групп. *Власть*, 27(3), 135–144. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i3.6426>
- Капинус, О. С. (2018). Криминологическое исследование личности коррупционного преступника. *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*, 1(68), 95–101. <https://doi.org/10.12737/art.2018.1.13>
- Морозов, А. А. (2019). *Проблемы антикоррупционного законодательства Российской Федерации в условиях рыночной экономики: административно-правовой аспект*: монография. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России. ISBN 978-5-91837-222-7

References

- Pomaz, G. S. (2015). Korrupcionnoe povedenie sotrudnikov organov vnutrennih del kak raznovidnost' deviantnogo povedeniya. *Filosofiya prava*, 2 (69), 65–69.
- Albaniz, Dzh. S., Artello, K. (2019). Korrupcionnoe povedenie: empiricheskaya tipologiya korrupcii na gosudarstvennom urovne po priznaku celi i metoda. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 13(2), 1215–1229. <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.2.1215-1229>
- Goncharova, N. A., Kobozev, I. Yu., Kostyleva, I. V. (2015). Psihologicheskie faktory korrupcionnogo povedeniya sotrudnikov policii. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 3(67), 165–170.

- Savchenko, I. A., Snegiryova, L. A., Ustinkin, S. V. (2016). Korrupcionnaya lichnost' v vospriyatii professional'nyh i vozrastnyh social'nyh grupp. *Vlast'*, 27(3), 135–144. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i3.6426>
- Kapinus, O. S. (2018). Kriminologicheskoe issledovanie lichnosti korrupcionnogo prestupnika. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, 1(68), 95–101. <https://doi.org/10.12737/art.2018.1.13>
- Morozov, A. A. (2019). *Problemy antikorrupcionnogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii v usloviyah rynochnoj ekonomiki: administrativno-pravovoj aspekt: monografiya*. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii. ISBN 978-5-91837-222-7

Информация об авторах:

Алексей Александрович Морозов – кандидат юридических наук, доцент.

Владимир Юрьевич Ухов – доктор юридических наук, профессор.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 26.09.2022

Одобрена после рецензирования 27.10.2022

Опубликована 29.12.2022

About the authors:

Aleksey A. Morozov – candidate of juridical sciences, associate professor.

Vladimir Yu. Ukhov – doctor of juridical sciences, professor.

Authors' contribution

All authors made an equal contribution to the development of the research, the processing of its results and the writing an article.

The authors declare no conflicts of interests.

Submitted September 26, 2022

Approved after reviewing October 27, 2022

Accepted December 29, 2022

Оригинальная статья

УДК 378

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-4-491-499

Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики (Обзор международной научно-практической конференции)

Антон Сергеевич Душкин

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
dushkin-ac@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9139-1585**Виталия Александровна Юренкова**

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
yvitaliya@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7397-4277**Аннотация**

В статье представлен обзор международной научно-практической конференции «Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики», прошедшей в октябре 2022 года. Конференция нацелена на расширение и укрепление научного международного и межведомственного сотрудничества, обмен научными мнениями по развитию прикладной педагогики и психологии в деятельности сотрудников правоохранительных органов.

В конференции приняли участие более 200 человек из 50 организаций России и зарубежья, среди которых были представители Народной полицейской академии Министерства общественной безопасности Социалистической Республики Вьетнам, Костанайской академии МВД Республики Казахстан, Полицейской академии МВД Азербайджанской Республики, Национального университета Узбекистана имени М. Улугбека, Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Московского педагогического государственного университета, Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования; представители образовательных организаций МВД России, Ростгвардии, ФСИН России, Минобороны России, МЧС России, Минобрнауки России, территориальных органов МВД России.

На пленарном заседании конференции были представлены доклады и аналитические материалы, характеризующие современное состояние психолого-педагогического обеспечения служебной деятельности сотрудников правоохранительных органов России и зарубежных государств. На мастер-классе продемонстрирован положительный опыт реализации современных образовательных технологий в системе подготовки кадров МВД России. Результатом конференции стало обсуждение академических и прикладных проблем внедрения теории юридической педагогики и психологии в практику и укрепление научных связей между сотрудниками правоохранительных органов и образовательных организаций силовых структур, а также поиска эффективных педагогических форм и методов подготовки сотрудников правоохранительных органов.

По итогам работы международной научно-практической конференции сформирована и принята резолюция.

Ключевые слова

юридическая педагогика и психология, подготовка кадров, инновационные образовательные технологии, цифровая трансформация, психолого-педагогическое сопровождение, психолого-педагогическая компетентность

Для цитирования: Душкин, А. С., Юренкова, В. А. (2022). «Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики» (Обзор международной научно-практической конференции). *Российский девиантологический журнал*, 2(4), 491–499. doi: 10.35750/2713-0622-2022-4-491-499.

Original paper

Anton S. Dushkin

Saint Petersburg University
of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
dushkin-ac@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9139-1585**Vitaliya A. Yurenkova**

Saint Petersburg University of
the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
yvitaliya@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7397-4277

Pedagogy and psychology in the activities of law enforcement officers: integration of theory and practice (review of the international scientific and practical conference)

Abstract

The article presents an overview of the international scientific and practical conference «Pedagogy and psychology in the activities of law enforcement officers: integration of theory and practice», held in October 2022. The conference is aimed at expanding and strengthening scientific international and interdepartmental cooperation, exchange of scientific opinions on the development of applied pedagogy and psychology in the activities of law enforcement officers.

The conference was attended by more than 200 people from 50 organizations of Russia and abroad, among them: representatives of the People's Police Academy of the Ministry of Public Security of the Socialist Republic of Vietnam, Kostanay Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Police Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Azerbaijan, the National University of Uzbekistan named after M. Ulugbek, the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, the Moscow Pedagogical State University University, St. Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education; representatives of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rosgvardiya, the Federal Penitentiary Service of Russia, the Ministry of Defense of Russia, the Ministry of Emergency Situations of Russia, the Ministry of Education and Science of Russia, territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

At the plenary session of the conference, reports and analytical materials were presented that characterize the current state of psychological and pedagogical support for the official activities of law enforcement officers in Russia and foreign countries.

The master class presents the positive experience of implementing modern educational technologies in the training system of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

The conference resulted in a discussion of academic and applied problems of introducing the theory of legal pedagogy and psychology into practice and strengthening scientific ties between law enforcement officers and educational organizations of law enforcement agencies, as well as the search for effective pedagogical forms and methods of training law enforcement officers.

Following the results of the international scientific and practical conference, a resolution was formed and adopted.

Keywords

legal pedagogy and psychology, personnel training, innovative educational technologies, digital transformation, psychological and pedagogical support, psychological and pedagogical competence

For citation: Dushkin, A. S, Yurenkova, V. A. (2022). Pedagogy and psychology in the activities of law enforcement officers: integration of theory and practice. Review of international research and practice conference. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(4), 491–499. doi: 10.35750/2713-0622-2022-4-491-499.

В Санкт-Петербургском университете МВД России 28 октября 2022 г. состоялась международная научно-практическая конференция «Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики». Необходимо отметить, что конференция проводится ежегодно с 2018 г., но в 2022 г. впервые получила международный статус.

Конференция является знаковым международным событием для ведущих ученых в области педагогики и психологии в деятельности сотрудников правоохранительных органов. Она проводится в рамках реализации приоритетного профиля подготовки Санкт-Петербургского университета МВД России «Деятельность кадровых подразделений и подразделений по работе с личным составом органов внутренних дел» и в соответствии с основными направлениями исследований научной школы «Психолого-педагогическая система профессионального становления кадров в органах внутренних дел Российской Федерации».

В работе конференции приняли участие представители Народной полицейской академии Министерства общественной безопасности Социалистической Республики Вьетнам, Костанайской академии МВД Республики Казахстан, Полицейской академии МВД Азербайджанской Республики, Национального университета Узбекистана имени М. Улугбека, Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Московского педагогического государственного университета, Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования; представители образовательных организаций МВД России, Росгвардии, ФСИН России, Минобороны России, МЧС России, Минобрнауки России, территориальных органов МВД России. Академическую и профессиональную среду представляли более 200 участников 50 образовательных организаций Российской Федерации, а также стран ближнего и дальнего зарубежья.

С приветственным словом к участникам мероприятия обратился начальник научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат психологических наук, доцент **Кирилл Витальевич Злоказов**. Им были обозначены заявленные для обсуждения в рамках конференции приоритетные направления развития и интеграции

психолого-педагогической науки и направления совершенствования практики правоохранительной деятельности; подчеркнута важность поиска новых возможностей для развития научного потенциала в России и других странах, реализации различных форм сотрудничества и взаимодействия. Данные общие положения непосредственно касаются сотрудников правоохранительных органов. На всех этапах своего профессионального становления они постоянно оказываются в ситуации правового и нравственного выбора, сталкиваются с конфликтами в сфере взаимоотношений между людьми, решают задачи управления и воспитания подчиненных, взаимодействия с гражданами. Уровень их психолого-педагогической подготовленности напрямую определяет качество профессиональной деятельности.

В программу конференции вошли выступления участников на пленарном заседании, проведение мастер-класса «Современные образовательные технологии в системе подготовки кадров МВД России» ведущими специалистами и выпуск электронного сборника тезисов докладов участников мероприятия. В рамках пленарного заседания прозвучали сообщения ученых России и зарубежных стран.

Пленарное заседание открыл профессор кафедры педагогики учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат педагогических наук, доцент **Сергей Николаевич Тихомиров** докладом на тему «Об эмпатийной профессионально-педагогической подготовке адъюнктов образовательных организаций МВД России».

Выступающий отметил, что актуальность рассматриваемой проблемы на социально-педагогическом уровне определяется потребностью российского общества в преподавателе и воспитателе, способном к сочувствию, сопереживанию, обладающем толерантностью и эмпатией как профессиональной ценностью; на теоретико-методологическом – необходимостью создания теоретических основ формирования эмпатийной компетенции в процессе профессиональной подготовки обучающихся; на методико-технологическом – потребностью в разработке практического аппарата эффективного формирования эмпатийной компетентности и культуры будущих преподавателей и воспитателей.

По мнению докладчика, работа с адьюнктами образовательных организаций МВД России показывает, что, несмотря на признание важности эмпатии как личностной установки преподавателя, она по-разному проявляется в профессионально-педагогической деятельности. Диагностика показала пять типов профессиональных установок на восприятие обучающихся, реализуемых эмпатийным способом взаимодействия (Тихомиров, 2021).

С докладом на тему «О некоторых проблемах психологической готовности руководителей органов внутренних дел Республики Казахстан к управленческой деятельности в условиях современных реформ» выступила начальник центра по подготовке специалистов психологов и проведению социологических исследований Костанайской академии МВД Республики Казахстан **Елена Сергеевна Федотова**.

В своем докладе Е. С. Федотова раскрыла новые требования к личности управленца в полицейской среде, которые предъявляет общество, и как эти требования соответствуют современным реформам, в частности, внедряемой модели сервисной полиции в Республике Казахстан; привела некоторые статистические данные исследования управленческой компетентности руководителей территориальных подразделений органов внутренних дел Республики Казахстан. На основании этих сведений автор сделала вывод о состоянии психологической готовности современных управленцев органов внутренних дел менять свои управленческие подходы и дала некоторые рекомендации для развития управленческих навыков, отвечающих требованиям реформ (Федотова, 2022).

Доклад заведующего кафедрой психосоматики и психотерапии Санкт-Петербургского государственного педиатрического медицинского университета, доктора психологических наук, профессора **Ирины Алексеевны Горьковой** был посвящен описанию опыта психокоррекционной работы с подростками, демонстрирующими устойчивое противоправное поведение, в современных социокультурных условиях.

На основе проведенного эмпирического исследования установлено, что для подростков с устойчивым противоправным поведением характерны более низкие показатели жизнестойкости в сравнении с подростками с условно нормативным поведением, причем эта тенденция проявляется при анализе как суммарного показателя жизнестойкости, так и ее отдельных компонентов. Анализ изменений суммарного показателя жизнестойкости и ее отдельных компонентов, выполненный с помощью метода поперечных срезов, показал, что для подростков с устойчивым противоправным поведением характерно последовательное возрастание показателей жизнестойкости, тогда как для подростков, составивших группу сравнения, – снижение. Анализ гендерных различий позволил уста-

новить, что тенденция к возрастанию показателей жизнестойкости в группе подростков с устойчивым противоправным поведением характерна для девочек, тогда как жизнестойкость мальчиков, составивших данную группу, снижается по мере взросления так же, как и у их сверстников с условно нормативным поведением. Обсуждается необходимость дифференцированного подхода к психокоррекционной работе с подростками, демонстрирующими устойчивое противоправное поведение (Горьковая, 2021).

Сотрудник Народной полицейской академии Министерства общественной безопасности Социалистической Республики Вьетнам **Вьет Кхоа Фам** в докладе «Роль руководителей и наставников в развитии профессионального мастерства участковых уполномоченных полиции Социалистической Республики Вьетнам» отметил, что в настоящее время проблема развития профессионального мастерства стала актуальной в деятельности не только участковых уполномоченных полиции Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам, но и других категорий сотрудников, осуществляющих административно-профилактическую деятельность. Исходя из результатов исследования и опыта проведения психологического тренинга развития профессионального мастерства участковых уполномоченных полиции Вьет Кхоа Фам предлагает практические рекомендации руководству Министерства общественной безопасности Социалистической Республики Вьетнам: во-первых, инициировать подготовку нормативных правовых документов по созданию психологической службы и организации психологической работы в системе МОБ Социалистической Республики Вьетнам за счет использования опыта такой работы психологов органов внутренних дел Российской Федерации; во-вторых, привлекать гражданских психологов и иных специалистов к работе по развитию профессионального мастерства участковых уполномоченных полиции Социалистической Республики Вьетнам (Фам Вьет Кхоа, 2022).

Профессор кафедры управления персоналом и воспитательной работы Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор исторических наук **Геннадий Викторович Марченко** в докладе на «Морально-психологическое обеспечение деятельности силовых структур: современные приоритеты и подходы» на основе сравнительного анализа создания новых военно-политических органов в Министерстве обороны Российской Федерации и Росгвардии, реорганизации и установления нового статуса подразделений по работе с личным составом в системе МВД России установил: обновление содержания основных нормативных документов по организации их деятельности свидетельствует о том, что приоритетным направлением в организации воспитания личного состава стал политический аспект. На сегодняшний день особенно

актуальным является формирование государственно-патриотического мировоззрения как одного из основных факторов эффективной организации воспитательного процесса.

Подводя итог, Геннадий Викторович заключил, что качество работы вновь образованных воспитательных структур во многом зависит также от профессиональной подготовленности и личной убежденности самих организаторов военно-политической работы (морально-психологического обеспечения) в понимании необходимости и важности своей деятельности; осознании ответственности за воспитание и обучение личного состава, формирование его морально-психологической устойчивости к выполнению оперативно-служебных задач в особых условиях (Марченко, 2022).

Заведующий кафедрой психологии Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования, доктор психологических наук, доцент **Сергей Михайлович Шингаев** в докладе «Психологическая компетентность сотрудников правоохранительных органов как фактор успешности профессиональной деятельности» обратил внимание, что вопросы профессионализма сотрудников силовых структур (в том числе правоохранительных органов) всегда находились в центре внимания психологии. Он представил слагаемые профессиональных компетенций сотрудников силовых структур (специальная, интеллектуальная, коммуникативная, психологическая) с акцентом на развитие психологической компетентности. Докладчик подробно описал компоненты психологической компетентности и выделил следующие основные пути повышения психологической компетентности сотрудника правоохранительных органов:

- включение психологических модулей и курсов в программы профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации сотрудников;

- использование методов активного социально-психологического обучения профессиональной компетентности сотрудника в целях совершенствования профессиональной позиции, умений по развитию приемов психологической разгрузки, расширения профессиональных знаний;

- анализ конкретных профессиональных ситуаций для совместного решения общих профессиональных задач (сложные ситуации взаимодействия с гражданами, конфликтные ситуации в служебном коллективе и др.);

- формирование умений сотрудника оценивать и совершенствовать свой индивидуальный стиль, профессиональные позиции и установки в целях повышения профессионализма, создание условий для профессиональной самореализации;

- совершенствование качеств сотрудника, необходимых для его профессиональной деятельности и профессиональной самореализации в целях разви-

тия профессионально важных характеристик личности (анализ и самоанализ своей деятельности, дискуссии, мозговой штурм и др.);

- преднамеренное и целенаправленное формирование и совершенствование комплекса коммуникативных, интеллектуальных, регулятивных качеств, составляющих ядро личности сотрудника.

В заключение Сергей Михайлович отметил, что ознакомление сотрудников силовых структур с основными психологическими закономерностями профессиональной деятельности, осознание ими важности учета этих закономерностей в работе как с коллегами, так и с гражданами, рефлексия способны повысить психологическую компетентность сотрудника (Шингаев, 2022).

Профессор кафедры пенитенциарной психологии и пенитенциарной педагогики Кузбасского института ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент **Ольга Артуровна Чопик** в докладе «Методологические ориентиры субъектно-ориентированного подхода учебно-профессиональной деятельности курсантов образовательных организаций ФСИН России в условиях цифровой трансформации образования» обозначила, что система подготовки кадров для правоохранительных органов переживает очередной виток изменений при реализации традиционного компетентного подхода, актуализации субъектно-ориентированного подхода и активной цифровизации учебно-профессиональной деятельности курсантов вузов ФСИН России. Цифровизация, в свою очередь, не только предполагает использование новых инструментов, но и влияет на развитие психических процессов, социализацию и реализацию субъектности курсантов. Докладчик выдвинул тезис о персонификации образовательного процесса в условиях цифровизации образования, в основе которой находится выстроенная субъектом и преподавателем индивидуальная образовательная траектория и непрерывный персонализированный мониторинг образовательных достижений курсанта, его самореализации и саморазвития.

Ведущий научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, кандидат психологических наук, доцент **Ирина Евгеньевна Реуцкая** в докладе «Особенности адаптации к профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел (на примере следователей органов внутренних дел)» заметила, что проблема профессиональной адаптации сотрудников различных подразделений органов внутренних дел остается актуальной.

Ирина Евгеньевна обратила внимание, что успешность профессиональной адаптации сотрудников ОВД зависит от многих факторов: социально-психологической атмосферы в коллективе; грамотных действий непосредственного руководителя, направленных на «вхождение» сотрудника в профессию или принятие

им изменений в профессиональной деятельности; наличия личностного адаптационного потенциала, являющегося интегративным показателем и включающим различные психологические качества.

Кроме того, к субъективным условиям, влияющим на успешность психологической адаптации, относят адекватную самооценку, доминирование активной конструктивной копинг-модели поведения. Глубинными основаниями адаптационных барьеров являются мотивация избегания неудач, избегание трудностей, низкий уровень притязаний, связанный с низкой самооценкой.

Результаты эмпирического исследования позволили автору определить особенности адаптационного потенциала следователей органов внутренних дел, заключающиеся в следующем:

- часто встречающимися стимулами успешной реализации профессиональной деятельности являются самосовершенствование, стремление добиться наилучшего результата в работе, повышения по службе;
- удовлетворенность профессиональной деятельностью выражается в удовлетворенности условиями труда, своими профессиональными достижениями, взаимоотношениями с сослуживцами, интересом к работе;
- удовлетворенность потребностей в межличностном общении (социальных потребностей), потребностей в признании и самовыражении;
- наличие адекватной самооценки результатов своей профессиональной деятельности;
- доминировании копинг-стратегии, направленной на решение задач (Реуцкая, 2022).

Профессор кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат медицинских наук, доцент **Валентин Анатольевич Шаповал** в докладе на тему «Ресурс личностной конструктивности как критерий морально-психологической устойчивости военнослужащих и сотрудников силовых структур России в условиях гибридной войны (экспертно-психодиагностический аспект)» на основе авторского психодиагностического инструментария — психодинамически ориентированного личностного опросника (ПОЛО) «Ресурс» и эмпирических исследований считает наиболее продуктивным способом рассмотрения морально-психологической устойчивости военнослужащих и сотрудников силовых структур России сквозь призму концепции их профессионального психологического здоровья, базирующейся на психоаналитически ориентированной модели Я-структуры личности Г. Аммона. Согласно Я-структуры модели личность представляет собой генетически функциональную иерархию, включающую систему: 1) первичных органических структур, охватывающих биологические, соматические, физиологические и нейрофизиологические особенности индивида; 2) центральных личностных об-

разований, укорененных в области бессознательного; 3) вторичных осознаваемых «функциональных носителей личности», обеспечивающих контакт с внешним миром (мышление, память, интеллект, речь, эмоции и т. д.). По мнению докладчика, данная модель является наиболее релевантной для психодиагностической концептуализации и операционализации указанных психологических концептов (Шаповал, 2019).

В соответствии с программой конференции был проведен мастер-класс «Современные образовательные технологии в системе подготовки кадров МВД России». Ведущими мастер-класса выступили доцент кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат педагогических наук **Юзефа Казимировна Нимировская** и доцент кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат педагогических наук, доцент **Тамара Леонидовна Журавлева**.

В ходе проведения мастер-класса участникам был представлен положительный педагогический опыт кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России по применению в учебно-воспитательном процессе современных образовательных технологий. На основе всестороннего анализа образовательных технологий ведущими были раскрыты современные подходы к определению сущности данного феномена, основные характеристики и специфические признаки, методологические подходы к осмыслению образовательных технологий, а также методические основания и способы их применения в системе подготовки кадров МВД России (Нимировская, Нимировский, 2019).

В рамках мастер-класса были показаны особенности конструирования и проектирования педагогических технологий, направленных на выявление качества технологического процесса, дидактических механизмов внедрения технологий профессионально ориентированного обучения в образовательный процесс (Журавлева, Филипенко, 2021). Кроме того, была представлена практика реализации программы дополнительного профессионального образования профессиональной переподготовки «Школа педагогического мастерства» в Санкт-Петербургском университете МВД России на основе реализации проблемно-ориентированного и проектно-ориентированного обучения в профессиональной переподготовке начинающих преподавателей образовательных организаций МВД России (Душкин, Журавлева, Нимировская, 2022).

Ведущие выразили надежду, что представленный опыт поможет педагогическим работникам и адъюнктам не только разобраться в сути реализации технологического подхода в образовательном процессе высшей школы, но и определить собственную позицию в осуществляемой ими педагогической деятельности.

Заслушав и обсудив материалы докладов пленарного заседания, мастер-класса, участники конференции сочли необходимым отметить следующее. Расширение и укрепление научного межвузовского, межведомственного и международного сотрудничества в сфере применения психолого-педагогического знания в деятельности сотрудников правоохранительных органов является ключевым условием совершенствования системы работы с личным составом органов, организаций и подразделений МВД России.

По итогам работы, участники конференции рекомендуют:

Активизировать работу по повышению качества профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел по специальностям и направлениям подготовки, реализуемым в образовательных организациях МВД России, посредством разработки, адаптации и внедрения инновационных образовательных технологий.

Считать приоритетным направлением методической работы профессорско-преподавательского состава образовательных организаций МВД России повышение практической направленности обучения, а также методическое обеспечение программ подготовки научных и научно-педагогических кадров.

Считать приоритетной целью профессорско-преподавательского состава образовательных организаций МВД России разработку эффективных педагогических форм и методов подготовки сотрудников органов внутренних дел, посредством:

- внедрения в образовательный процесс современных образовательных технологий;
- расширения возможностей использования в учебном процессе проектной и исследовательской деятельности обучающихся на всех уровнях образования;

– привлечения обучающихся к участию в конкурсах по фундаментальным и прикладным областям осваиваемых ими образовательных программ.

Активизировать деятельность кафедры педагогики и психологии учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России по сбору и обобщению отечественного и зарубежного психолого-педагогического опыта подготовки сотрудников органов внутренних дел путем организации научно-исследовательских работ на 2023 год и перспективный период.

Продолжить целенаправленную работу по привлечению адъюнктов, соискателей, научно-педагогического состава образовательных организаций высшего образования и сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации к научной дискуссии по вопросам совершенствования теории и практики юридической педагогики и психологии.

По результатам работы конференции предложено рекомендовать авторам наиболее интересных материалов, посвященных оригинальным подходам к исследованию психолого-педагогических проблем морально-психологического обеспечения деятельности правоохранительных органов, подготовить статьи и опубликовать их в «Вестнике Санкт-Петербургского университета МВД России» и «Российском девиантологическом журнале».

Участники единодушно отметили своевременность проведения международной конференции, ее успешность, продуктивность и выразили благодарность организаторам.

Список литературы

- Горьковская, И. А., Иванов, А. С. (2021). Гендерные и возрастные особенности жизнестойкости подростков с устойчивым противоправным поведением. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 3 (91), 231–240. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2021-3-231-240>
- Душкин, А. С., Журавлева, Т. Л., Ними́ровская, Ю. К. (2022). Реализация проблемно-ориентированного и проектно-ориентированного обучения в профессиональной переподготовке начинающих преподавателей образовательных организаций МВД России. *Вестник Уфимского юридического института МВД России*, 1(95), 148–155. EDN YINQDV.
- Журавлева, Т. Л., Филипенко Е. В. (2021). Перспективы педагогического общения в цифровой образовательной среде при электронной форме обучения. *Проблемы современного педагогического образования*, 72-1, 95–98. EDN UBXWIX.
- Марченко, Г. В. (2022). Морально-психологическое обеспечение деятельности силовых структур: современные приоритеты и подходы. В *Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики: материалы международной научно-практической конференции (28 октября 2022 года, Санкт-Петербург, стр. 209–214)*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации.
- Ними́ровская, Ю. К., Ними́ровский, В. В. (2019). Современные образовательные технологии в инновационной деятельности педагогического работника образовательных организаций МВД России. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 1(81), 190–197. EDN NKZWRO.

- Реуцкая, И. Е. (2022). Особенности адаптации к профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел (на примере следователей органов внутренних дел). В *Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики*: материалы международной научно-практической конференции (28 октября 2022 года, Санкт-Петербург, стр. 241–244). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации.
- Тихомиров, С. Н. (2021). О сбалансированности образовательного гибрида при подготовке научных и научно-педагогических кадров высшего уровня. В *Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики*: материалы всероссийской научно-практической конференции (29 октября 2021 года, Санкт-Петербург, стр. 329–336). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. EDN JBVHUTN.
- Фам, В. К. (2022). Сравнительный анализ психологических особенностей профессионального мастерства участковых уполномоченных полиции (на примере Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам). *Юридическая психология*, (1), 3–6. <https://doi.org/10.18572/2071-1204-2022-1-3-6>. EDN RCBYNE.
- Федотова, Е. С. (2022). О некоторых проблемах психологической готовности руководителей органов внутренних дел Республики Казахстан к управленческой деятельности в условиях современных реформ. В *Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики*: материалы международной научно-практической конференции (28 октября 2022 года, Санкт-Петербург, стр. 296–302). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации.
- Чопик, О. А. (2022). Влияние цифровой дидактики на субъектно-ориентированный подход в образовательной деятельности студентов вузов. *Казанский педагогический журнал*, 3(152), 87–93. <https://doi.org/10.51379/KPJ.2022.153.3.010>. EDN UZKHXT.
- Шаповал, В. А. (2019). *Экспертная психодиагностическая система оценки, прогнозирования и мониторинга профессионального психологического здоровья сотрудников органов внутренних дел*: монография. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации.
- Шингаев, С. М. (2022). Психологическая компетентность сотрудников правоохранительных органов как фактор успешности профессиональной деятельности. В *Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики*: материалы международной научно-практической конференции (28 октября 2022 года, Санкт-Петербург, стр. 323–327). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации.

References

- Gor'kovaya, I. A., Ivanov, A. S. (2021). Gendernye i vozrastnye osobennosti zhiznestojkosti podrostkov s ustojchivym protivopravnym povedeniem. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 3 (91), 231–240. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2021-3-231-240>
- Dushkin, A. S., Zhuravleva, T. L., Nimirovskaya, YU. K. (2022). Realizaciya problemno-orientirovannogo i proektno-orientirovannogo obucheniya v professional'noj perepodgotovke nachinayushchih prepodavatelej obrazovatel'nyh organizacij MVD Rossii. *Vestnik Ufimskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii*, 1(95), 148–155. EDN YINQDV.
- Zhuravleva, T. L., Filipenko E. V. (2021). Perspektivy pedagogicheskogo obshcheniya v cifrovoj obrazovatel'noj srede pri elektronnoj forme obucheniya. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 72–1, 95–98. EDN UBWXIX.
- Marchenko, G. V. (2022). Moral'no-psihologicheskoe obespechenie deyatel'nosti silovyh struktur: sovremennye priority i podhody. V *Pedagogika i psihologiya v deyatel'nosti sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov: integraciya teorii i praktiki*: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (28 oktyabrya 2022 goda, Sankt-Peterburg, str. 209–214). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii.
- Nimirovskaya, Yu. K., Nimirovskij, V. V. (2019). Sovremennye obrazovatel'nye tekhnologii v innovacionnoj deyatel'nosti pedagogicheskogo rabotnika obrazovatel'nyh organizacij MVD Rossii. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 1(81), 190–197. EDN NKZWRO.
- Reuckaya, I. E. (2022). Osobennosti adaptacii k professional'noj deyatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennih del (na primere sledovatelej organov vnutrennih del). V *Pedagogika i psihologiya v deyatel'nosti sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov: integraciya teorii i praktiki*: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (28 oktyabrya 2022 goda, Sankt-Peterburg, str. 245–248). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii.

- Tihomirov, S. N. (2021). O sbalansirovannosti obrazovatel'nogo gibrida pri podgotovke nauchnyh i nauchno-pedagogicheskikh kadrov vysshego urovnya. V *Pedagogika i psihologiya v deyatel'nosti sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov: integraciya teorii i praktiki: materialy vsrossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (29 oktyabrya 2021 goda, Sankt-Peterburg, str. 329–336)*. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. EDN JBHUTN.
- Fam, V. K. (2022). Sravnitel'nyj analiz psihologicheskikh osobennostej professional'nogo masterstva uchastkovykh upolnomochennykh policii (na primere Rossijskoj Federacii i Socialisticheskoy Respubliki V'etnam). *Yuridicheskaya psihologiya*, (1), 3–6. <https://doi.org/10.18572/2071-1204-2022-1-3-6>. EDN RCBYNE.
- Fedotova, E. S. (2022). O nekotoryh problemah psihologicheskoy gotovnosti rukovoditelej organov vnutrennih del Respubliki Kazahstan k upravlencheskoj deyatel'nosti v usloviyah sovremennykh reform. V *Pedagogika i psihologiya v deyatel'nosti sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov: integraciya teorii i praktiki: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (28 oktyabrya 2022 goda, Sankt-Peterburg, str. 305–311)*. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii.
- Chopik, O. A. (2022). Vliyaniye cifrovoj didaktiki na sub'ektno-orientirovannyj podhod v obrazovatel'noj deyatel'nosti studentov vuzov. *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal*, 3(152), 87–93. <https://doi.org/10.51379/KPJ.2022.153.3.010>. EDN UZKHXT.
- Shapoval, V. A. (2019). *Ekspertnaya psihodiagnosticheskaya sistema ocenki, prognozirovaniya i monitoringa professional'nogo psihologicheskogo zdorov'ya sotrudnikov organov vnutrennih del: monografiya*. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii.
- Shingaev, S. M. (2022). Psihologicheskaya kompetentnost' sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov kak faktor uspešnosti professional'noj deyatel'nosti. V *Pedagogika i psihologiya v deyatel'nosti sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov: integraciya teorii i praktiki: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (28 oktyabrya 2022 goda, Sankt-Peterburg, str. 337–341)*. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii.

Информация об авторах:

Антон Сергеевич Душкин – кандидат психологических наук, доцент.

Виталия Александровна Юренкова – кандидат психологических наук, доцент.

About the authors:

Anton S. Dushkin – Cand. Sci. (Psychol.), Associate Professor.

Vitaliya A. Yurenkova – Cand. Sci. (Psychol.), Associate Professor.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 07.11.2022

Одобрена после рецензирования 08.12.2022

Опубликована 29.12.2022

Authors' contribution

All authors made an equal contribution to the development of the research, the processing of its results and the writing an article.

The authors declare no conflicts of interests.

Submitted November 7, 2022

Approved after reviewing December 8, 2022

Accepted December 29, 2022